47

стр 1—41

Прокурор Варшавской Судебной Палаты

Трахимовский

X

Записка

по делу о социально-революционной пропаганде в Варшаве

декабря 4 дня 1878

стр 1—72

Заключение Прокурора Варшавской Судебной Палаты по делу о преступном сообществе с целью социалистической революционной пропаганды, обнаруженном в Варшаве в 1879 г.

Прокурор Варшавской Судебной Палаты Трахимовский

10761.

24-го Іюля сего года въ вѣдомствѣ мѣстнаго жандармскаго управленія начато было дознаніе о соціалистической пропагандѣ въ Варшавѣ. Изслѣдованіе это, будучи произведено въ порядкѣ, указанномъ правилами 19 Мая 1871 года, обнаружило что распространеніе въ Варшавѣ соціалистическаго ученія было дѣломъ сообщества, въ составъ котораго въ числѣ прочихъ входили и лица изъ здѣшней учащейся молодежи.

Настоящая записка имѣетъ задачей сообщить свѣдѣнія, о послѣдовательномъ развитіи дознанія, сгрупировать данныя, отъ оцѣнки которыхъ будетъ зависить разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности лицъ, противъ которыхъ возбуждено преслѣдованіе и изложить взглядъ Прокурорскаго надзора Варшавской Судебной Палаты на размѣры соціалистическаго движенія, бывшаго предметомъ дознанія, а также на условія создавшія это движеніе.

I.

Въ концѣ Іюля сего 1878 года были получены извѣщенія о томъ, что въ Варшавѣ въ средѣ мастеровыхъ, работающихъ на фабрикахъ желѣзныхъ издѣлій, распространяется соціалистическое ученіе.

Одно изъ этихъ извѣщеній поступило отъ дворянина Скворонскаго, занимавшагося письмоводствомъ на фабрикѣ

желѣзныхъ издѣлій Лильпопа, Рау и комп., другое же отъ отставнаго рядоваго Михальскаго, рабочаго на ламповомъ заведеніи Подгурскаго.

По словамъ Скворонскаго преступною пропагандою среди рабочихъ занимались проживавшіе въ одной изъ квартиръ верхняго этажа дома № 27 по Маршалковской улицѣ, слесаря, по фамиліи ему неизвѣстные, которые, собирая у себя на сходки рабочихъ, снабжали ихъ книгами преступнаго содержанія—въ томъ числѣ соціалистическою брошюрою Браке подъ заглавіемъ *«Долой соціалистовъ»*, изданною въ польскомъ переводѣ въ Познани.

По заявленію Михальскаго, сдѣланному имъ послѣ уже начала дознанія, ближайшими къ рабочей средѣ дѣятелями пропаганды были слесаря Иванъ Томашевскій и Карлъ Редлихъ, дѣйствовавшіе подъ руководствомъ какихъ то студентовъ, изъ коихъ одинъ проживалъ нѣкоторое время въ домѣ подъ № 20 на Злотой улицѣ. Изъ объясненій Михальскаго можно было заключить, что дѣятельность пропагандистовъ состояла въ устройствѣ сходокъ, происходившихъ какъ въ указанномъ домѣ на Злотой улицѣ, такъ равно и въ домѣ № 11 по Смольной улицѣ; причемъ рабочимъ разъяснялась, что слѣдуетъ оказать противодѣйствіе фабрикантамъ и Правительству, такъ какъ первые ихъ грабятъ, а послѣднее потворствуетъ грабежу.

Заявленіе Михальскаго, какъ было выше упомянуто, поступило послѣ начала дознанія. Началась же оно вечеромъ 24 Іюля обыскомъ въ указанной Скворонскимъ квартирѣ въ домѣ № 27 по Маршалковской улицѣ, жильцами которой оказались: Иванъ Томашевскій слесарный подмастерье, Людовикъ Кобылянскій и бывшій студентъ Ново-Александровскаго Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Людовикъ Варынскій, заявленный въ мѣстномъ

полицейскомъ участкѣ подъ именемъ слесарнаго подмастерья Ивана Буха, на имя котораго и былъ представленъ въ участокъ подложный видъ на жительство.

Обыскомъ этимъ, произведеннымъ въ отсутствіи хозяевъ квартиры, обнаружены были данныя, свидѣтельствовавшія о томъ, что Варынскій, Томашевскій и Кобылянскій дѣйствительно занимались распространеніемъ соціалистическихъ воззреній, для чего и имѣли соотвѣтственнаго содержанія сочиненія, какъ напримѣръ: сочиненія Лассаля и нѣкоторыя популярныя брошюры, предназначенныя для обращенія въ народѣ, въ томъ числѣ одинъ экземпляръ брошюры Браке, о которой заявлялъ Сковронскій, и нѣсколько русскихъ изданій, встрѣчавшихся при изслѣдованіи соціально-революціонной пропаганды въ Россіи, какъ напримѣръ „Емелька Пугачевъ", „Сказка о копѣйкѣ" и т. п.

Изъ числа скрывшихся хозяевъ квартиры, обыскъ которой далъ указанные результаты, задержанъ былъ лишь Иванъ Томашевскій. Онъ былъ арестованъ на поѣздѣ Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги, съ которымъ вечеромъ 27 Іюля отправился въ г. Кутно съ подложнымъ паспортомъ на имя сына отставнаго канцелярскаго служителя Корабчевскаго и двумя письмами къ нѣкоему Вендриховскому, надсмотрщику на Валентиновскомъ сахарномъ заводѣ, находящемся близь Кутно. Въ одномъ изъ писемъ, оказавшихся при Томашевскомъ, учительница Варшавскаго женскаго двухкласснаго училища Амалія Цендлеръ обращается къ Вендриховскому съ просьбою дать мѣсто подателю письма, рекомендуя его, какъ человѣка заслуживающаго участія по цѣлямъ имъ преслѣдуемымъ,—другое же оказалось отъ Людовика Варынскаго, который прибавилъ отъ себя несколько словъ къ просьбѣ Циндлеръ.

Одновременно съ арестомъ Томашевскаго задержаны были слѣдующія лица: 1) ученикъ Варшавскаго Университета Казиміръ *Плавинскій*, провожавшій Томашевскаго на вокзалъ желѣзной дороги, 2) ученикъ Техническаго Училища при Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ Вячеславъ *Сѣрошевскій*, который былъ признанъ Михальскимъ за обычнаго посѣтителя сходокъ, происходившихъ въ квартирѣ Варынскаго и Томашевскаго, 3) упомянутый уже Карлъ *Редлихъ*, проживавшій по улицѣ Новый Свѣтъ подъ № 44 и 4) жившій съ Редлихомъ на одной квартирѣ дворянинъ Мечиславъ *Покржевницкій*.

Изъ числа арестованныхъ, Покржевницкій, на одномъ изъ первыхъ допросовъ, а Иванъ Томашевскій и Редлихъ— впослѣдствіи, дали довольно подробныя объясненія о тѣхъ обстоятельствахъ соціальной пропаганды, которыя имъ были извѣстны. Объясненія эти, дополненныя сознаніемъ слесаря Феликса Томашевскаго, одного изъ жильцовъ квартиры на Смольной улицѣ, гдѣ устраивались сходки, даютъ возможность составить извѣстное преставленія о томъ пути, которымъ соціалистическое ученіе стало весною нынѣшняго года проникать въ среду Варшавскихъ рабочихъ.

Въ Мартѣ сего года слесарь Ипполитъ Роттенгруберъ, предложивъ Феликсу Томашевскому свести его со студентами, образовавшими общество для улучшенія быта рабочихъ, привелъ его къ вольному слушателю Варшавскаго Университета Станиславу Мендельсону, жившему тогда на Эриванской улицѣ въ домѣ подъ № 12. Бесѣдуя съ Томашевскимъ, Мендельсонъ сталъ доказыватѣ ему, что благодаря низкой заработной платѣ положеніе рабочихъ невыносимо и что имъ необходимо путемъ стачекъ стремиться къ возвышенію платы. Во время разговора подошли студенты Университета Длусскій и *Завадзскій*, а также два брата Ко-

былянскіе: Людовикъ и Казиміръ, слесаря по ремеслу, съ которыми Томашевскій и познакомился. Познакомившись съ Длусскимъ и Завадзскимъ, Томашевскій сталъ посѣщать ихъ, причемъ у Завадзскаго сдѣлалъ новыя знакомства, встрѣтивъ тамъ Варынскаго, студента Университета Мечислава Бржезинскаго, жену кандидата юридическихъ наукъ Марію Гильдъ и мужа ея Казиміра Гильда, который пріѣзжалъ на короткое время изъ-за границы, куда онъ незадолго передъ тѣмъ переселился. На собраніяхъ у Завадзскаго было рѣшено устроить сходки рабочихъ, познакомивъ ихъ съ соціалистическимъ ученіемъ, убѣдить въ необходимости стачекъ и организовать вспомогательную кассу для забастовавшихъ рабочихъ.

Первыя сходки происходили на квартирѣ у Роттенгрубера, въ Апрѣлѣ, на улицѣ Солецъ въ домѣ № 57, а затѣмъ, когда Роттенгруберъ вмѣстѣ съ Феликсомъ Томашевскимъ и Людовикомъ Кобылянскимъ перешелъ на Смольную улицу № 11—въ этомъ послѣднемъ. Одновременно съ собраніями на Смольной улицѣ, о которыхъ и говорилъ въ своемъ заявленіи Михальскій, въ Маѣ и Іюнѣ собирались сходки на Злотой улицѣ въ домѣ № 20, гдѣ нѣкоторое время квартировали пріѣхавшіе изъ Россіи студентъ Технологическаго Института Сигизмундъ де-Мезеръ и бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Николай Акимовъ, а затѣмъ, по отъѣздѣ ихъ, поселился Длусскій. Въ числѣ рабочихъ, наиболѣе легко усвоившихъ себѣ соціалистическія идеи, преподанныя на указанныхъ выше сходкахъ, былъ Иванъ Томашевскій, который въ свою очередь повліялъ на столяра Игнатія Голашевскаго и слесаря Карла Редлиха, а этотъ послѣдній на уволеннаго изъ военной службы дворянина Покржевницкаго;—всѣ эти лица стали содѣй-

ствовать цѣлямъ пропаганды, распространяя свѣдѣнія о ней среди своихъ знакомыхъ.

По словамъ Ивана Томашевскаго, Голашевскаго, Редлиха и Покржевницкаго знакомство ихъ съ Длусскимъ и другими студентами, начиналось или въ квартирѣ студентовъ Университета Казиміра Аугустовича и Стефана Рожанскаго, гдѣ кромѣ хозяевъ квартиры, бывалъ ученикъ Ветеринарнаго Училища Станиславъ Ляпды, или въ квартирѣ студента Болеслава Мондшейна, проживавшаго на Эриванской улицѣ въ домѣ № 10. На первой изъ указанныхъ квартиръ вновь приглашаемые къ участію въ сходкахъ рабочіе только знакомились со студентами; вторая же имѣла болѣе важное значеніе въ дѣлѣ пропаганды, такъ какъ въ ней—нуждающіеся въ какихъ либо подложныхъ удостовѣреніяхъ получали таковыя,—одно изъ такимъ свидѣтельствъ получилъ Покржевницкій,—въ ней происходили различныя совѣщанія упомянутыхъ выше студентовъ, при участіи народной учительницы Филипины Пласковицкой и пріѣзжавшаго на время въ Варшаву студента Медико-Хирургической Академіи Михаила Даниловича,—въ ней произведенъ былъ выборъ первыхъ двухъ кассировъ вспомагательной кассы, (избраны были Казиміръ Кобылянскій и Феликсъ Томашевскій); здѣсь же, наконецъ, хранились деньги, предназначенныя на цѣли пропаганды, такъ какъ Редлихъ, нанявъ помѣщеніе для сходокъ, которыя должны были собираться подъ его руководствомъ, получилъ деньги для найма въ этой именно квартирѣ, впрочемъ, уже въ то время, когда въ ней жили Длусскій и Ляпды, замѣнившіе уѣхавшаго изъ Варшавы Мондшейна.

Полученіе Редлихомъ субсидій на наемъ квартиры имѣло мѣсто въ началѣ Іюля, по новому стилю, за мѣсяцъ слѣдовательно, до начала дознанія и относиться ко времени

развитія соціалистической агитаціи между рабочими,—къ тому времени, когда съ увеличеніемъ числа лицъ, посѣщавшихъ сходки, признано было необходимымъ раздѣлить ихъ на кружки, по пятнадцати человѣкъ въ каждомъ, и предоставить кружкамъ выбрать кассировъ вмѣсто прежнихъ двухъ, изъ коихъ одинъ Феликсъ Томашевскій отказался, а другой Казиміръ Кобылянскій уѣхалъ въ Петербургъ. Избранными оказались пять человѣкъ, именно: Ротенгруберъ, Иванъ Томашевскій, Редлихъ, слесарь Казиміръ Домбровскій, пріятель Казиміра Кобылянскаго, и Сѣрошевскій. Вновь избранные кассиры должны были собирать сходки въ своихъ квартирахъ, почему Редлихъ и Иванъ Томашевскій поселились тамъ, гдѣ ихъ застало дознаніе, Роттенгруберъ снова возвратился на улицу Солецъ, Домбровскій же и Сѣрошевскій, остались на прежнихъ своихъ квартирахъ: первый на улицѣ Пивной, а второй на Хмѣльной.

На сходкахъ руководители,—за таковыхъ же работники признавали Длускаго и Варынскаго,—въ дополненіе къ изустнымъ объясненіямъ на тему объ эксплоатаціи капиталистами труда рабочихъ читали книжки. О содержаніи книгъ допрашиваемые рабочіе дали весьма уклончивыя объясненія, сообщивъ, лишь, что въ первое время сходокъ Длусскій читалъ какую-то русскую книгу, переводя ее на польскій языкъ, впослѣдствіи же появились и польскія брошюры, сначала „Разсказъ Стараго Хозяина“ и „Занимательный Разсказъ“, а потомъ въ Іюлѣ „Долой Соціалистовъ“, „Непримиримыя Направленія“, привезенныя, по удостовѣренію Ивана Томашевскаго, какимъ-то господиномъ изъ Бреславля, по всей вѣроятности Мендельсономъ, такъ какъ именно въ Іюлѣ онъ пріѣхалъ изъ Бреславля. Польскія книги были не только читаемы, но и распространяемы между рабочими за извѣстную, довольно незначительную

плату, поступавшую вмѣстѣ съ единовременными копѣечными пожертованіями въ кассу, которая и должна была послужить основаніемъ кассы для забастовавшихъ рабочихъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что Иванъ Томашевскій, рѣшившись сознаться, далъ объясненіе и о томъ, какъ онъ проводилъ время, скрываясь послѣ произведеннаго у него обыска въ теченіе трехъ дней въ Варшавѣ. Изъ объясненій его видно, что онъ имѣлъ пристанище у Роттенгрубера, Сѣрошевскаго и на квартирѣ отсутствовавшаго изъ Варшавы бывшаго вольнаго слушателя здѣшняго Университета Максимиліана Гейльперна, гдѣ тогда проживалъ окончившій курсъ въ реальной гимназіи Иванъ Гадомскій. Изъ квартиры Гейльперна Томашевскій, получивъ отъ Варынскаго паспортъ, деньги и письма, отправился въ сопровожденіи Казиміра Плавинскаго на желѣзную дорогу.

Какъ только получены были указанія на преступную дѣятельность Длусскаго, Мондшейна, Бржезинскаго, Завадзскаго, Аугустовича, Рожанскаго, Мендельсона, Маріи Гильдъ, Пласковицкой, Гадомскаго и Лядны, а равно на участіе въ пропагандѣ Даниловича, Акимова, де-Мезера, Домбровскаго и Казиміра Кобылянскаго—послѣдовало распоряженіе объ арестованіи этихъ лицъ, вслѣдствіе чего четырнадцать изъ нихъ были задержаны,—Пласковицкая, Домбровскій, Лянды и Гадомскій въ Варшавѣ; де-Мезеръ, Казиміръ Кобылянскій и Завадзскій въ Петербургѣ, Бржезинскій и Рожанскій въ Люблинской, Аугустовичъ въ Ломжинской, Даниловичъ въ Витебской губерніи, Акимовъ въ Керчи, Гильдъ въ Тулѣ и Мондшейнъ въ Севостополѣ, куда онъ было отправился для занятій въ военномъ госпиталѣ, въ качествѣ временнаго врача; двое же: Длусскій и Мендельсонъ успѣли избѣжать ареста, первый скрывшись изъ Варшавы, ранѣе павшаго на него подозрѣнія, а послѣдній, ускользнувъ съ

Варшавской подгородной дачи его отца, вѣроятно въ то время, когда туда прибыли лица, отправившіяся его арестовать.

Обстоятельства, вызвавшія арестъ поименованныхъ выше четырнадцати молодыхъ людей, не могли не привести къ заключенію, что сходки рабочихъ, устраиваемыя подъ главнымъ руководствомъ Длусскаго и Варынскаго, были плодомъ не чьей либо единичной дѣятельности, а однимъ изъ проявленій международной соціалистической агитаціи, осуществляемой преступнымъ сообществомъ, образовавшимся въ Варшавѣ весною сего года, при участіи здѣшней учащейся молодежи.

Дальнѣйшія дѣйствія по дознанію, обусловленныя тѣмъ матеріаломъ, который поступилъ въ распоряженіе производящаго дознаніе, при приведеніи въ исполненіе предъидущихъ распоряженій, дали возможность опредѣлить ближе составъ сообщества. Изъ числа этихъ дѣйствій заслуживаютъ особаго вниманія: 1) обыскъ, произведенный 4 Августа сего года, въ домѣ помѣщика Ковенской губерніи и уѣзда Гружевскаго; 2) обнаруженіе въ теченіе того же мѣсяца нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ для дознанія писемъ Длусскаго, Бржезинскаго, Пласковицкой, агента Варшавско-Петербургской желѣзной дороги Вячеслава Свѣнцицкаго и студента Дерптскаго Университета Врублевскаго, оказавшихся въ бумагахъ Аугустовича, Мондшейна, Гильдъ и Даниловича; 3) послѣдовавшееe въ Сентябрѣ взятіе подъ стражу студентовъ Медико-Хирургической Академіи Александра Грабовскаго и Павла Абрамовича, а также бывшаго вольнаго слушателя Варшавскаго Университета Морица, онъ же Максимиліанъ, Гейльперна; 4) предпринятое въ Октябрѣ изслѣдованіе заграницей нѣкоторыхъ обстоятельствъ, имѣющимъ значеніе для дѣла о Варшавской пропа-

гандѣ, и наконецъ 5) мѣры, принятыя частью на основаніи результатовъ помянутаго изслѣдованія, частью вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ отъ смотрителя X Павильона Александровской цитадели, въ которомъ содержатся арестованные соціалисты, о сношеніяхъ ихъ какъ между собою, такъ и съ находящимися на свободѣ единомышленниками ихъ.

Обыскъ въ домѣ Гружевскихъ.

Послѣ побѣга Длусскаго, въ Варшавѣ было получено на его имя письмо отъ дочери помѣщика с. Млодзянова, Ковенскаго уѣзда и губерніи, дворянки Альдоны Гружевской, слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ;—письмо это предназначалось какому-то Уманскому и по содержанію давало основаніе заключить не только о принадлежности Гружевской къ соціально-революціонной партіи, но и отношеніяхъ ея съ дѣятелями Варшавскаго соціалистическаго сообщества. Такое заключеніе было подкрѣплено результатами произведеннаго въ домѣ Гружевскихъ обыска, такъ какъ въ бумагахъ Альдоны Гружевской оказалось значительное количество писемъ отъ разныхъ лицъ, доказывающихъ, что она, проживая въ теченіе послѣдняго года въ Петербургѣ, принадлежала къ кружку уроженцевъ западныхъ губерній Имперіи, занимающихся, какъ надо полагать по ихъ перепискѣ, противоправительственною пропагандою, а затѣмъ, въ концѣ Апрѣля сего года, пріѣхавъ на нѣкоторое время въ Варшаву, принимала участіе въ дѣятельности здѣшняго соціалистическаго кружка.

Уѣхавъ въ Маѣ въ деревню къ отцу, Гружевская получила изъ Варшавы нѣсколько писемъ о ходѣ дѣлъ

кружка отъ Пласковицкой, отъ личности, именующей себя Алексѣемъ Уманскимъ и отъ Даниловича.

Въ письмахъ Уманскаго, на ряду со свѣдѣніями о дѣятеляхъ соціалистической партіи въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи и ихъ намѣреніяхъ, находятся лишь общія указанія на развитіе противообщественной агитаціи въ Варшавѣ, въ родѣ фразы, встрѣчающейся въ письмѣ отъ 25 Мая „*дѣло здѣсь продолжаетъ идти прекрасно*“.

Въ письмахъ Даниловича содержатся уже болѣе полезныя для дѣла данныя, именно свѣдѣнія о личностяхъ, принимавшихъ участіе въ Варшавскомъ соціалистическомъ движеніи: Варынскомъ, Мондшейнѣ, Маріи Гильдъ и дѣйствительномъ студентѣ Варшавскаго Университета Іосифѣ Плавинскомъ,—старшемъ братѣ Казиміра. Наконецъ письмо Пласковицкой приводится подлинникомъ въ той его части, которая содержитъ свѣдѣнія о полученіи книгъ для пропаганды. „*Теперь я могу показаться въ свѣтъ, такъ какъ мнѣ удалось выписать изъ-за границы нѣсколько платьевъ; недумайте, что я успокоилась, о нѣтъ, можетъ ли удовлетвориться нѣсколькими нарядами женщина, желающая принадлежать къ элегентному обществу и думающая о томъ, чтобы увеличить кругъ своихъ поклонниковъ, необходимо постоянно заботиться о новыхъ покупкахъ, а это обходится такъ дорого*“; затѣмъ сообщается о разлукѣ съ дорогими друзьями, изъ которыхъ Мондшейнъ уѣхалъ въ Одессу, Даниловичъ и Марія Гильдъ въ Витебскую губернію и говорится: „*дошло до того, что некому заняться моими дѣлами, а ихъ бездна, такъ какъ въ конторѣ работы много, являющихся въ нее по дѣламъ пропасть—сердце радуется при мысли о результатахъ. Людовикъ* (Варынскій) *какъ записной лвтераторъ познакомилъ меня съ дамами его круга, видаюсь я съ ними раза два въ недѣлю, препріятное*

общество", въ заключеніе передаются свѣдѣнія о Манскомъ (Уманскомъ) и о пріѣздѣ Грабинскаго (Грабовскаго).

Письма Длусскаго, Бржезинскаго, Пласковицкой, Свѣнцицкаго и Врублевскаго.

При арестованіи Аугустовича, Маріи Гильдъ, Мондшейна и Даниловича найдены были у нихъ нѣсколько полученныхъ ими лѣтомъ нынѣшняго года писемъ отъ находившихся въ Варшавѣ сообщниковъ ихъ съ довольно подробными свѣдѣніями о дѣятельности оставшихся на лѣто въ Варшавѣ агитаторовъ, писемъ которыя даютъ возможность составить понятіе о положеніи соціалистическаго движенія въ Варшавѣ въ Іюлѣ сего года и о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на руководителей движенія обыскъ, произведенный въ концѣ сего мѣсяца въ квартирѣ Варынскаго и Томашевскаго. Первыя по времени письма, написанныя Длусскимъ 3 и 7 Іюля, найдены у Мондшейна; при обыскѣ, произведенномъ у Гильдъ, отобрано письмо Пласковицкой отъ того же 3 Іюля;—у Аугустовича оказалось сообщеніе Бржезинскаго, посланное изъ Варшавы 8 Іюля; Свѣнцицкій, наконецъ, отправилъ письмо къ Гильдъ 25-го. Независимо отъ свѣдѣній, о ходѣ дѣла посылавшихся непосредственно изъ Варшавы, нѣкоторые изъ обвиняемыхъ получали такого же рода извѣстія и изъ иныхъ мѣстъ; Даниловичъ получилъ въ Витебской губерніи въ началѣ Августа изъ Петербурга отъ бывшаго своего товарища по Академіи Теобальда Врублевскаго, нынѣ студента Дерптскаго Университета письмо, заключавшее въ себѣ одну фразу, которая навела производящихъ дознаніе на весьма полезное для дѣла открытіе.

Длусскій, упоминая въ своихъ письмахъ объ отъѣздѣ изъ Варшавы за границу какой-то Добротворской, отправившейся въ сопровожденіи Казиміра Плужанскаго, очевидно Плавинскаго, и объ ожидаемомъ полученіи изъ заграницы книгъ, условно называемыхъ: *„второю пачкою почтовой бумаги“* и *„покупками Алины“*, сообщаетъ Мондшейну, что въ виду недостатка въ людяхъ для пропаганды вызваны въ Варшаву Александръ Грабовскій и Іосифъ Плавинскій, первому было написано письмо, втораго же, находившагося въ то время въ Витебской губерніи па урокахъ, уговорилъ Людовикъ Варынскій возвратиться въ Варшаву на постоянное жительство, такъ какъ онъ *„здѣсь“*, говориться въ письмѣ Длусскаго *„нуженъ“*.

Пласковицкая въ свою очередь довольно подробно извѣщаетъ Гильдъ о положеніи соціальнаго дѣла въ первыхъ числахъ Іюля: *„что сказать Вамъ о насъ, работы пропасть, а рукъ нѣтъ Казиміръ* (Длусскій) *боленъ, не выходитъ, Болеслава* (Мондшейна) *нѣтъ, Вячеслава* (Свѣнцицкаго) *никто не видитъ, прочіе признали нужнымъ пользоваться вакаціями; остались стало быть, Максъ* (Гельпернъ), *который еле-еле ходитъ и Людовикъ* (Варынскій), *у послѣдняго столько обязанностей, что едва съ ними справляется. А между тѣмъ заказовъ бездна, не дождемся выздоровленія Казиміра, Іосифъ* (Плавинскій), *уже нѣсколько дней въ Варшавѣ, зовтра уѣзжаетъ, но неодѣли чрезъ двѣ вернеться на постоянное жительство; право, Богъ намъ его послалъ, если бы не онъ, моя сожительница осталась бы у меня, Богъ знаетъ до какихъ поръ, уѣхала она только вчера вечеромъ; метафизикъ оказывается весьма порядочною личностью, онъ даетъ 400 рублей на изданіе извѣстнаго Вамъ сочиненія Ренана (жизнь Іисуса Христа), которое самъ переводитъ; деньги имъ пожертвованныя ос-*

таются впрочемъ для насъ неприкосновенными, такъ какъ изъ вырученной отъ продажи изданія суммы 400 рублей пойдутъ на изданіе другого какого либо серьезнаго сочиненія, въ нашу же пользу обращается только излишекъ".

8-го Іюля книги, объ ожидаемомъ полученіи которыхъ сообщалъ Мондшейну Длусскій, были получены и Бржезинскій, на нѣсколько дней пріѣхавшій въ Варшаву изъ Люблинской губерніи, гдѣ онъ признавалъ нужнымъ, по выраженію Пласковицкой, пользоваться вакаціями, спѣшитъ извѣстить объ этомъ событіи Аугустовича, сообщая ему также о поѣздкѣ Казиміра Плавинскаго въ Краковъ, гдѣ тотъ видѣлся съ бывшимъ студентомъ Варшавскаго Университета Дикштейномъ, и объ отъѣздѣ изъ Варшавы прочихъ фацетовъ (трудно переводимое по русски слово, такъ какъ смотря по обстоятельствамъ оно можетъ быть передано словами: шалопай, франтъ, молодецъ) какъ-то Болеслава (Мондшейна) Макса (Гейльперна) и Самека (студента Варшавскаго Университета Цвейгбаума).

Для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ, сообщаемыхъ въ приведенныхъ письмахъ, необходимо принять на видъ слѣдующее: а) показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей и письмамъ, найденнымъ въ карманѣ Казиміра Плавинскаго при его арестованіи, доказано, что въ началѣ Іюля онъ отвезъ за границу какую-то женщину, повидимому русскую, которая гостила у Пласковицкой нѣкоторое время, неимѣя возможности по неимѣнію паспорта отправиться за границу,— Плавинскій устроилъ ей безпаспортный проѣздъ, благодаря рекомендательному письму, отъ вольнаго слушателя Варшавскаго Университета Новицкаго къ сыну чиновника Сосновицкой Таможни Дорнштейну; б) въ дальнѣйшемъ развитіи дознанія было обнаружено лицо, вступившее съ здѣшними соціалистами въ соглашеніе относительно изданія со-

чиненій Ренана и другихъ книгъ,—лицомъ этимъ оказался студентъ Варшавскаго Университета Людовикъ Дзянковскій, бывшій воспитанникъ Петербургской Духовной Академіи, названный вслѣдствіе его богословскаго образованія Пласковицкою метафизикомъ, прозвищемъ, почерпнутымъ вѣроятно изъ сочиненій Кампанелы, у котораго во главѣ коммунистической общины: „Солнечнаго Государства“ стоитъ лицо съ богословскимъ образованіемъ, носящее титулъ: „Метафизикъ“.

Черезъ двѣ недѣли послѣ отправленія Бржезинскимъ его письма возбуждено было преслѣдованіе противъ членовъ соціалистическаго кружка, о чемъ Гильдъ, жившая въ то время въ мѣстечкѣ Освѣѣ, Дриссенскаго уѣзда Витебской губерніи, получила увѣдомленіе отъ Свѣнцицкаго, въ слѣдующей формѣ: „*Вчера двоюродная сестра наша Людка* (сокращенное имя Варынскаго) *имѣло непріятное столкновеніе, опека хотѣла лишить ее свободы, благодаря ея энергіи и ловкости она сохранила покамѣстъ свободу, но въ виду интригъ опеки ей придется вести себя весьма умно, чтобы не попасть въ опеку*“.

Интриги опеки, т. е. мѣры принятыя для изслѣдованія преступной пропаганды, о которыхъ говоритъ Свѣнцицкій, лишили возможности Варынскаго продолжать агитацію въ средѣ рабочихъ и заставили Длусскаго бѣжать изъ Варшавы. Объ этихъ личностяхъ слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что оба они уроженцы западныхъ губерній, первый былъ послѣдовательно исключаемъ изъ Технологическаго Института и Ново-Александрійскаго Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а второй только осенью 1877 года перешелъ изъ Новоросійскаго Университета въ Варшавскій. Въ настоящее время и тотъ и другой должны быть за границей.

Съ устраненіемъ Длусскаго и Варынскаго выдвинулись на поприще революціонной дѣятельности иные люди, прибытіе которыхъ въ Варшаву было рѣшено ранѣе начавшихся арестовъ и вызвано было недостаткомъ въ дѣятеляхъ вообще, въ частности же рѣшеніемъ Мондшейна оставить совсѣмъ Варшаву. Въ связи съ этимъ рѣшеніемъ находится пріѣздъ въ Варшаву студента Медико-Хирургической Академіи Павла Абрамовича, прибывшаго замѣнить Мондшейна. Объ этомъ пріѣздѣ въ письмѣ отъ Врублевскаго полученномъ Даниловичемъ говорится слѣдующее: *„Павелъ принялъ на себя роль Мондшейна, будетъ ли она для него выгодна"*.

Арестованіе Абрамовича, братьевъ Грабовскихъ и Гейльперна.

Абрамовичъ, о которымъ шла рѣчь въ письмѣ Врублевскаго, пріѣхалъ въ Варшаву въ половинѣ Августа и, поселившись вмѣстѣ съ Александромъ Грабовскимъ, подалъ прошеніе о принятіи въ число студентовъ Варшавскаго Университета; те-же сдѣлали Грабовскій и студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Гласко, близкій знакомый Альдоны Гружевской, въ письмахъ которой были найдены указанія на то, что Гласко былъ однимъ изъ членовъ Петербургскаго кружка пропагандистовъ.

Тотчасъ по полученіи свѣдѣній о пріѣздѣ въ Варшаву Абрамовича, 4 Сентября сего года, произведенъ былъ обыскъ въ его квартирѣ, гдѣ кромѣ хозяевъ, (Абрамовича и Грабовскаго) задержаны были: пріѣхавшій наканунѣ обыска Гласко и скрывавшійся нѣкоторое время отъ розысковъ Уманскій.

При обыскѣ было найдено: 1) значительное количество книгъ, предназначенныхъ для соціалистической пропаганды нетолько между необразованными классами общества, но и между интеллегентными. Изъ числа сочиненій послѣдняго рода можно указать на сочиненія Бебеля, Енгеля, Лассаля, Герцена, Прудона, Чернышевскаго, Драгоманова, и на различные журналы и брошюры изданія русской соціально-демократической типографіи въ Женевѣ, въ томъ числѣ пять нумеровъ за нынѣшній годъ ежемѣсячнаго обозрѣнія, подъ заглавіемъ: „Община"; къ числу же изданій, доступныхъ пониманію простолюдина, слѣдуетъ отнести четыре польскія брошюры: „Разсказъ стараго хозяина", „Занимательный разсказъ", „Долой соціалистовъ" и „Непримиримыя направленія"—оказавшіяся въ 854 экземплярахъ.

2) Составныя части типографскаго станка, предназначавшагося вмѣстѣ съ оказавшимися при немъ типографскими принадлежностями: шрифтомъ и краскою, для устройства тайной типогргфіи.

3) Нѣсколько русскихъ подложныхъ паспортовъ и нѣкоторые предметы, указывавшіе на то, что были дѣлаемы приготовленія къ поддѣлкѣ различныхъ документовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, были обнаружены различныя бумаги, свидѣтельствующія о сношеніяхъ Варшавскихъ соціалистовъ съ ихъ единомышленниками, находящимися не только въ Имперіи, но и заграницей. Къ числу такихъ бумагъ слѣдуетъ отнести: а) приготовленное къ отправленію въ Минскую губернію, прибывшимъ въ Варшаву для опредѣленія въ Ветеринарное училище Виленскимъ мѣщаниномъ Поспѣловымъ письмо, въ которомъ говорится о препровождаемыхъ при немъ книгахъ; книги эти, въ числѣ 430 изъ общаго количества 854 экземпяровъ соціалистическихъ брошюръ, были найдены въ особомъ тюкѣ; б) счеты вы-

писанныхъ изъ-за границы противоправительственныхъ сочиненій, пріобрѣтенныхъ въ Мюнхенѣ и Лейпцигѣ; в) выписка изъ дѣла и защитительная рѣчь Михаила Котурницкаго, судившагося въ Январѣ 1878 года въ Лимбергскомъ судѣ за соціалистическую пропаганду.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ ареста Александра Грабовскаго арестованы были: Поспѣловъ въ Варшавѣ и старшій братъ Грабовскаго Мечиславъ, студентъ Медико-Хирургической Академіи въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, послѣдній вслѣдствіе результатовъ произведеннаго у него обыска по поступившему изъ Варшавы требованію, такъ какъ обыскъ доставилъ весьма вѣскія доказательства принадлежности Мечислава Грабовскаго къ дѣятелямъ соціалистической пропаганды. Въ концѣ же Сентября сдѣланъ былъ обыскъ въ квартирѣ Максимиліана Гейльперна, при чемъ въ бумагахъ Гейльперна были отысканы три квитанціи Варшавской Губернской Почтовой Конторы, удостовѣряющія, что въ промежутокъ времени между взятіемъ подъ стражу Грабовскаго и Абрамовича и арестомъ Гейльперна послѣднимъ было отправлено: 5 Сентября 25 рублей въ Краковъ нѣкоему Роттеру—18 Сентября такая же сумма въ Славуту, Волынской губерніи, Феликсу Новацкому и 19-го заказное письмо Бреславльскому книгопродавцу Циммеру, извѣстному поставщику соціалистическихъ сочиненій. Деньги, отправленныя Новацкому, пересылались, какъ оказались впослѣдствіи, рабочему на фабрикѣ желѣзныхъ издѣлій въ Славутѣ, именовавшему себя Яномъ Крестовскимъ. Крестовскій появился въ Славутѣ въ началѣ Августа сего года, вслѣдъ за исчезновеніемъ слѣдовательно изъ Варшавы Людовика Кобылянскаго, а въ концѣ Сентября, получивъ деньги, уѣхалъ изъ Славуты, по однимъ свѣдѣніямъ, въ

Ростовъ на Дону, по другимъ въ Варшаву;—въ послѣдней однако онъ розыскапъ не былъ.

Обыскъ произведенный въ квартирѣ Александра Грабовскаго, и послѣдовавшіе за нимъ аресты, въ томъ числѣ задержаніе Гейтьперна, нанесли весьма серьозный ущербъ дѣлу Варшавской пропаганды, лишивъ ее склада книгъ и другихъ принадлежностей революціонной практики, а также отдавъ въ руки правосудія лицъ бывшихъ въ Августѣ и Сентябрѣ главными дѣятелями соціалистическаго кружка.

Дѣятельность Гейльперна опредѣляется найденными у него почтовыми росписками, одна изъ нихъ напримѣръ, удостовѣряетъ, что на другой день послѣ обыска въ квартирѣ Грабовскаго Семену Дикштейну, проживавшему нѣкоторое время въ Краковѣ у студента медицины Роттера, были отправлены при участіи Гейльперна деньги по соображеніямъ, очевидно, имѣющимъ соотношеніе съ результатами обыска. Относительно же младшаго Грабовскаго необходимо принять во вниманіе, что онъ, пріѣхавъ въ Варшаву въ половинѣ Іюля, принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ побѣгу Ивана Томашевскаго (одно изъ писемъ, оказавшихся при Томашевскомъ было вложено въ конвертъ съ вензелемъ Грабовскаго), отдалъ свою квартиру подъ складъ книгъ, и слѣдя за ходомъ дознанія, посылалъ о немъ извѣщенія брату своему и, вѣроятно, другимъ лицамъ съ цѣлью, конечно, предупредить объ опасности тѣхъ, кому, вслѣдствіе мѣръ принятыхъ для изслѣдованія преступленія, могло угрожать преслѣдованіе.

Выдержки изъ подобныхъ извѣщеній приводятся: „*Дѣлаю это распоряженіе на всякій случай, потому что здѣсь большая смертность, особенно между работниками*" (письмо 29 Іюля); „*Щекатурка*" (прозвище Гружевскей) *и ея сестра заболѣли, ихъ привезли сюда лечиться, за Татарина*

(прозвище Мондшейна) *также боимся, тутъ свирѣпствуетъ диссентерія, но здоровые не обращаютъ на это вниманія и объѣдаются фруктами, контингентъ больныхъ составляютъ работники* „(письмо 20 Августа) „*Окружающіе Щекатурку, заболѣвшую черною оспою, заразились. неизвѣстно впрочемъ въ какой степени, непріятность эта постигла доктора Михаила Л.* (Даниловича), *приходскаго священика* (студента Медико-Хирургической Академіи Осипа Гласко, двоюроднаго брата Ивана), *служителя Ивана* (Гласко) *и соквартиранта Бронислава*“ (письмо 30 Августа). Послѣднее указаніе относится къ студенту Медико-Хирургической Академіи Брониславу Любичанковскому, жившему въ Петербургѣ съ Гружевской на одной квартирѣ и имѣвшему намѣреніе перейти въ число студентовъ Варшавскаго Университета.

Сношенія съ Прусскою и Австрійскою полиціею.

Полученныя при производствѣ дознанія указанія, на полученіе дѣятелями Варшавской соціальной пропаганды книгъ изъ-за границы, навели на мысль ознакомиться на мѣстѣ съ проявленіями соціалистическаго движенія въ польскихъ провинціяхъ Австріи и Пруссіи, съ тѣмъ, чтобы разъяснить, имѣютъ ли эти проявленія связь съ обнаруженнымъ въ Варшавѣ преступленіемъ. Наступившій затѣмъ, при посредствѣ Германскаго Консульства, обмѣнъ сообщеній съ Прусской полиціей привелъ къ заключенію, что едвали существовали какія либо непосредственныя сношенія между членами Варшавскаго соціалистическаго кружка и нѣмецкими соціалистами, хотя въ то же время выяснилъ, что Мендельсонъ, съ Мая по Іюль нынѣшняго года проживавшій въ Бреславлѣ, а въ Сентябрѣ появившійся на нѣко-

торое время въ Лейпцигѣ, и пріятель его Казиміръ Гильдъ имѣли возможность доставлять въ Варшаву соціалистическія книги, или лично—Мендельсонъ пробылъ въ Варшавѣ съ половины Іюля по двадцатое число Августа, Гильдъ же пріѣзжалъ изъ-за границы на Святой Недѣлѣ, или при посредствѣ Лембергскихъ агентовъ,—такимъ образомъ въ Сентябрѣ была отправлена изъ Лейпцига при накладной отъ имени Варынскаго, написанной однако же, по удостовѣренію президента Бреславльской полиціи, почеркомъ Мендельсона, книжная посылка на имя студента Лембергскаго Университета Красускаго, конфискованная Австрійскими властями и заключавшая польскія брошюры тѣхъ же наименованій, что и найденныя при обыскѣ у Александра Грабовскаго.

Свѣдѣнія, относящіяся къ этому послѣднему событію, были провѣрены на мѣстѣ камандированнымъ въ Галицію Товарищемъ Прокурора Варшавскаго Окружнаго Суда Богдановичемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ изъ дѣлопроизводства Лембергской и Краковской полиціи извлекъ слѣдующія небезъинтересныя для дѣла данныя: 1) Въ концѣ Апрѣля сего года близь Галиційскаго города Соколя задержанъ былъ перешедшій съ русской территоріи Казиміръ Гильдъ, который объяснилъ, что онъ отправляется въ Лембергъ къ нѣкіимъ Ожаровскому и Гоздецкому; такъ какъ лица эти, а равно и самъ Гильдъ были извѣстны полиціи за соціалистическихъ агитаторовъ, то и рѣшено было у Ожаровскаго и Гоздецкаго, проживавшихъ у русскаго подданнаго Лимановскаго, произвести обыскъ;—найдено было большое количество соціалистическихъ сочиненій, въ томъ числѣ и книги осужденнаго Лембергскимъ судамъ, въ Январѣ сего года, русскаго подданнаго Михаила Котурницкаго (замѣтка объ этихъ книгахъ оказалась на квартирѣ Грабовскаго и

Абрамовича). Лимановскій, Ожаровскій, Гоздецкій, Гильдъ, а также и Мендельсонъ, котораго застали у Лимановскаго во время обыска, были высланы за предѣлы Австрійской Имперіи и въ настоящее время находятся въ Швейцаріи, куда, впрочемъ, послѣдніе двое прибыли лишь недавно. 2) При обыскѣ, произведенномъ въ Краковѣ у студента медицины, Фридриха Роттера, найдено было письмо отъ Людовика Дзянковскаго изъ Варшавы отъ $^{5}/_{17}$ неизвѣстнаго мѣсяца сего года, съ указаніемъ на высланные при немъ 25 рублей, сумму значащуся въ почтовой роспискѣ отъ 5 Сентября, найденно у Гіельперна; поповоду этаго письма Роттеръ объяснилъ, что оно принадлежитъ жившему у него на квартирѣ Семену Дикштейну; послѣдній, по словамъ Роттера поселившись въ Краковѣ весною нынѣшняго года, поддерживалъ сношенія съ своими товарищами по Варшавскому Университету,—одинъ изъ нихъ, по имени Казиміръ (очевидно Плавинскій), пріѣзжалъ къ нему въ Іюлѣ и пробылъ нѣсколько дней.

Процессъ Котурницкаго, о которомъ двукратно уже упоминалось, имѣетъ значеніе для опредѣленія времени возникновенія соціалистической агитаціи въ Польшѣ и источника ея. Личность, именовавшая себя Котурницкимъ, (званіе и происхожденіе ея обнаружены не были) прибыла въ Лембергъ въ Маѣ 1877 года съ паспортомъ убитаго подъ Дюнишемъ русскаго добровольца въ Сербіи, Саввы Лепехина, и сношеніями съ студентами—русинами, обратила на себя вниманіе полиціи, почему и была арестована. Уличенный, содержаніемъ оказавшихся при немъ писемъ, въ попыткѣ поднять соціалистическое движеніе въ Галиціи, Котурницкій былъ осужденъ Лембергскимъ судомъ на кратковременное тюремное заключеніе. Изъ писемъ этихъ заслуживаютъ вниманія рекомендательныя письма бывшаго

профессора Кіевскаго Университета Драгоманова, признаваемаго Австрійскими властями за главу русскихъ анархистовъ, и письмо отъ студента Вѣнскаго Университета Сельскаго.

Въ письмахъ Драгоманова Котурницкій рекомендуется какъ полякъ, воспитанный на русскомъ соціализмѣ, который отправляется въ Галицію съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ другими завести то же между поляками, при чемъ ему было сказано, что революціонная дѣятельность ихъ должна стремиться не къ возстановленію Польши 1772 года, съ измѣненнымъ экономическимъ строемъ, а къ устройству польскаго мужика на польской землѣ въ союзѣ съ русскими соціалистами, которые устраиваютъ своихъ крестьянъ на своей землѣ. Письмо Сельскаго помѣченное 6 Іюля 1877 года, заключаетъ слѣдующее сообщеніе: „*Отвѣчая на Ваше письмо, обращаю Ваше вниманіе на слѣдующее: на конгрессѣ соціалистовъ указано было на необходимость агитаціи между польскимъ народонаселеніемъ въ Германіи, для чего и было постановлено перевести нѣкоторыя брошюры на польскій языкъ; нѣкоторыя изъ нихъ я получу, но когда не знаю—объ этомъ мнѣ напишетъ Д.* (вѣроятно Драгомановъ, близкій знакомый Сельскаго); *надобно непремѣнно быть на мѣстѣ, чтобы узнать этихъ людей и насколько можно на нихъ разсчитывать, тѣмъ болѣе, что на конгрессѣ высказано было мнѣніе, что польское населеніе въ Германіи знаетъ нѣмецкій языкъ, и потому можно издавать и на нѣмецкомъ. Противъ такого мнѣнія слѣдуетъ возражать, потому что въ такомъ случаѣ нельзя будетъ извлечь никакой пользы изъ этихъ брошюръ между польскимъ народонаселеніемъ въ иныхъ мѣстностяхъ. Заручиться же содѣйствіемъ такой сильной и значительной партіи, какъ нѣмецкая, было бы для насъ необходимо*“.

Возвращаясь къ предмету дознанія, необходимо, въ виду свѣдѣній, полученныхъ отъ Австрійской и Германской полиціи, о сношеніяхъ Варшавскаго соціалистическаго сообщества съ Гильдомъ, Мендельсономъ и Дикштейномъ,— остановиться на этихъ личностяхъ къ тѣмъ, чтобы по соображеніи съ положеніемъ, которое они занимали въ средѣ Варшавской учащейся молодежи до отъѣзда за границу,— опредѣлить характеръ означенныхъ сношеній.

Казиміръ Гильдъ, сынъ богатаго домовладѣльца въ Варшавѣ, окончилъ курсъ въ Варшавскомъ Университетѣ въ 1875 году. По отзыву университетскихъ его товарищей, онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ студенческихъ кружкахъ, особенно между евреями, что и доставило ему шутливое прозвище *„жидовскаго короля“*. Это вліяніе Гильдъ не утратилъ и по окончаніи курса, если принять во вниманіе, что осенью 1875 года, онъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ, происходившихъ у студентовъ по поводу предложенія, сдѣланнаго имъ нѣкоторыми польскими студентами Кіевскаго и Новороссійкаго Университетовъ, принять участіе въ дѣятельности русской соціалистической партіи. Предложеніе принято не было, потому что ему воспротивились вліятельные студенты, стоявшіе за національно-революціоное направленіе, впослѣдствіи поплатившіеся за свое направленіе привлеченіемъ къ отвѣтственности (Адамъ Шиманскій и другіе), тѣмъ не менѣе Гильдъ вслѣдъ за симъ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ пробылъ до конца прошедшаго года, изучая, по разсказамъ людей ему близкихъ,— къ числу ихъ принадлежали Іосифъ Плавинскій и бывшій студентъ Университета Иванъ Савицкій,—русскій соціализмъ. Возвативщись въ Варшаву осенью прошедшаго года, Гильдъ снова появляется въ студенческихъ кружкахъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми личностями, (Монд-

шейнъ и Длусскій), прибытіе которыхъ въ Варшаву можно лишь объяснить полученною ими агитаціонною миссіею, вліяетъ въ извѣстномъ направленіи на студентовъ,—въ средѣ коихъ въ началѣ нынѣшняго года образуется кружокъ лишь соціалистическаго образа мыслей. Какъ на результатъ дѣятельности вновь образовавшаго кружка, нѣкоторые свидѣтели указываютъ: 1) на рѣшеніе, принятое студентами, по почину Дикштейна, издавать сочиненія Спенсера или Маркса на деньги, собранныя въ Университетѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и предназначавшіяся на изданіе какого либо математическаго сочиненія, написаннаго Варшавскимъ студентомъ,—изданіе было поручено Гильду и Дикштейну; и 2) на уличный скандалъ съ литераторомъ Гловацкимъ, оскорбленнымъ нѣсколькими студентами: Савицкимъ, Рожанскимъ, Мондшейномъ, Длусскимъ, Мендельсономъ, Аугустовичемъ, Зовадзскимъ и Лянды за то, что въ одномъ изъ фельетоновъ сравнилъ со стадомъ тѣхъ, кто рукоплескалъ на публичномъ чтеніи Спасовичу, назвавшему Поля писателя національнаго направленія,—антикваріемъ. На совѣщаніяхъ студентовъ, собравшихся, чтобы протестовать противъ такого поступка товарищей, студента соціалистическихъ убѣжденій высказались весьма рѣзко, вслѣдствіе чего пренія приняли крайне бурный характеръ: руководитель собранія назвалъ Длусскаго дуракомъ, а единомышленники послѣдняго хотѣли избить одно лицо, порицавшее ихъ образъ мыслей и дѣйствій. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ происшествіи съ Гловацкимъ нельзя усматривать личнаго вліянія Гильда потому, что за мѣсяцъ до этого столкновенія, именно въ половинѣ Февраля сего года, Гильдъ уѣхалъ за границу.

Станиславъ Мендельсонъ, сынъ богатаго Варшавскаго еврея, не окончивъ гимназіи, поступилъ около двухъ лѣтъ

тому назадъ вольнымъ слушателемъ въ здѣшній Университетъ, а осенью прошедшаго года поселился отдѣльно отъ семьи на Эриванской улицѣ, въ домѣ подъ № 12, гдѣ у него въ разное время проживали Казиміръ Гильдъ и Длусскій. Въ концѣ Марта Мендельсонъ уѣхалъ за границу, помѣстивъ свои вещи у слесаря Кобылянскаго и вазвратился только въ половинѣ Іюля, а затѣмъ въ Августѣ, вслѣдствіе возбужденнаго противъ него преслѣдованія, снова уѣхалъ изъ Варшавы.

Семенъ Дикштейнъ, также членъ зажиточнаго еврейскаго семейства, въ 1877 году окончилъ курсъ естественныхъ наукъ въ Варшавскомъ Университетѣ и поступилъ на медицинскій факультетъ, но ранѣе окончанія академическаго 1878 года внезапно уѣхалъ изъ Варшавы и съ тѣхъ поръ находится за границей. Старшій братъ Дикштейна Самуилъ удостовѣрилъ, что братъ его, въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія своего въ Варшавѣ, подъ вліяніемъ товарищескаго кружка, съ которымъ онъ поддерживалъ сношенія, сталъ послѣдователемъ соціалистическихъ воззрѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ отшатнулся отъ своей семьи, не сочувствовавшей его образу мыслей. Дикштейнъ уѣхалъ, по мнѣнію его брата, потому, что испугался арестовъ, начавшихся въ Варшавѣ въ половинѣ Марта вслѣдствіе обнаруженія преступной дѣятельности кандидата юридическихъ наукъ Шиманскаго, образовавшаго тайное общество съ національнымъ направленіемъ. По поводу предположенія старшаго Дикштейна необходимо замѣтить, что дѣйствительно существуетъ нѣкоторая связь между арестомъ Шиманскаго, послѣдовавшимъ, по мнѣнію его соучастниковъ, вслѣдствіе доноса соціалистовъ, и бѣгствомъ изъ Варшавы Мендельсона и Дикштейна, а также рѣшеніемъ Гильда не

возвращаться изъ за границы; такъ всѣ эти лица имѣли основаніе опасаться возмездія со стороны членовъ кружка Шиманскаго.

Обыскъ у Дзянковскаго и обнаруженіе корреспонденціи Гельперна съ его соучастниками.

Отъѣздъ изъ Варшавы Гильда, Мендельсона и Дикштейна не остановилъ развитія соціалистическаго кружка, продолжавшаго дѣйствовать не смотря на лѣтнія неблагопріятныя условія и на возбужденіе преслѣдованія противъ членовъ его. Дѣятельность эта, по конецъ Септября, въ общихъ чертахъ, изложена выше; приведенныя о ней свѣдѣнія слѣдуетъ дополнить лишь указаніемъ на обыскъ квартиры Дзянковскаго при коемъ найдены черновые переводы „Жизни Іисуса Христа“ Ренана, „Этюдовъ“ Спенсера, а также условіе, заключенное Дзянковскимъ съ Іосифомъ Плавинскимъ, по которому первый принимаетъ на себя издержки по изданію Спенсера, предоставляя прибыль отъ предпріятія Плавинскому, какъ подразумѣваемому представителю соціалистическаго кружка, и обязуется по возвращеніи издержекъ, обратить ихъ на изданіе другаго сочиненія,—соотвѣтственно тому предположенію, о которомъ, еще 3 Іюля, Пласковицкая сообщала Маріи Гильдъ.

Оставшіеся на свободѣ послѣ ареста Гельперна соучастники его, въ томъ числѣ Іосифъ Плавинскій и Цвейгбаумъ, въ теченіи Октября пользовались свободою для того, чтобы устроить сношенія съ арестованными обвиняемыми и достигнуть этимъ путемъ однообразныхъ показаній по такимъ обстоятельствамъ, которыя, при разнорѣчивыхъ объясненіяхъ, моглибы служитъ уликами по дѣлу. Какъ на примѣръ такого вмѣшательства въ дознаніе, можно указать на

четыре записки, отобранныя при свиданіи, разрѣшенномъ Гейльперну съ родными. Одна изъ отобранныхъ записокъ была приготовлена имъ для передачи племянницѣ Еленѣ Конъ, три же принесены послѣднею; изъ нихъ одна была написана ею, другая — арестованнымъ Бржезинскимъ, третья пересылалась Цвейгбаумомъ. Гейльпернъ въ своей запискѣ распрашивалъ Іосифа Плавинскаго о судьбѣ соучастниковъ и сообщалъ ему для дальнѣшей корреспонденціи ключь къ шифру.

Елена Конъ, въ свою очередь, писала Гейльперну: „*Мать поѣхала въ понедѣльникъ вечеромъ въ Краковъ, чтобы разыскать тамъ какого-то Роттера. Іосифъ Пл.* (Плавинскій) *далъ ей письмо къ Людовику В.* (Варынскому) *съ тѣмъ, чтобы онъ ей помогъ. Оттуда она пріѣдетъ въ Вѣну, гдѣ встрѣтитъ Яшу* (живущаго въ Мюнхенѣ брата Гейльперна, Якова) *и сообщитъ ему точныя свѣдѣнія о всемъ дѣлѣ; съ этою цѣлью взяла она съ собою записку, которую ты приказалъ для него спрятать*"; и далѣе: „*мать выѣзжая очень опасалась личнаго обыска на границѣ. Казіо* (Казиміръ Плавинскій) *и Самекъ* (Самуилъ Цвейгбаумъ) *утверждали, что это весьма возможно, по этому она обѣщала телеграфировать изъ Кракова, если проѣдетъ счастливо,—сегодня она исполнила обѣщаніе*".

На другой день послѣ отобранія записокъ, т. е. 2 Ноября, Паулина Конъ, мать Елены родная сестра Гейльперна—возвратилась въ Варшаву, пробывъ въ отсутствіи около трехъ дней.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ дознанія.

Въ результатѣ оно дало матеріалъ, достаточный для того, чтобы опредѣлить, по отношенію къ большинству обвиняемыхъ, степень участія ихъ въ соціалистической пропагандѣ и съ значительною долею вѣроятности разрѣшить

вопросъ о томъ, какіе элементы создали соціалистическое движеніе, бывшее предметомъ изслѣдованія.

II.

Всего привлечено къ отвѣтственности восемьдесятъ лицъ: сорокъ пять человѣкъ непринадлежащихъ къ рабочему классу и тридцать пять рабочихъ. Изъ числа лицъ первой категоріи, пятеро: Мендельсонъ; Гильдъ, Длусскій, Варынскій и Дикштейнъ—скрылись, девять: дворянка Подольской губерніи *Жозефина Ге*, дворянка Ковенской губерніи *Гражина Гружевская*, уроженка Волынской губерніи *Марія Вонсовичъ*, дворянинъ Кіевской губерніи *Семенъ Хоменко*, вольный слушатель Петербургскаго Университета *Осипъ Бѣлявскій* и студенты, Дерптскаго Университета, *Теобальдъ Врублевскій*, Института Инженеровъ Путей Сообщенія, *Павелъ Чеховичъ*, и Варшавскаго Университета: *Стефанъ Шпотанскій* и *Романъ Лоссовъ*—привлечены къ отвѣтственности лишь за недонесеніе объ извѣстной имъ пропагандѣ; пять лицъ: купчиха *Паулина Конъ* и дочь ея *Елена*, учительница *Амелія Циндлеръ*, студентъ Варшавскаго Университета *Людовикъ Дзянковскій* и вольный слушатель сего Университета *Эдуардъ Новицкій*—обвиняются въ томъ, что, не участвуя сами въ пропагандѣ, завѣдомо оказали содѣйствіе дѣятелямъ ея при обстоятельствахъ, указанныхъ выше, и наконецъ двадцать шесть—въ томъ, что принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ распространеніи соціальнаго ученія, хотя по отношенію къ двумъ изъ нихъ: студенту Медико-Хирургической Академіи *Мечиславу Грабовскому* и студенту Ново-Александрійскаго Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Ивану Лойко*, усерднымъ, какъ видно изъ дѣла, пропагандистамъ со-

ціализма, и недоказано, чтобы мѣстомъ ихъ преступной дѣятельности была Варшава.

Изъ числа обвиняемыхъ рабочихъ—пятнадцать человѣкъ были распространителями преподаннаго имъ ученія, при чемъ пятеро: *Иванъ* и *Феликсъ Томашевскіе*, *Роттенгруберъ*, *Казиміръ Кобылянскій* и Казиміръ *Домбровскій*—оказали довольно значительныя услуги дѣла пропаганды, прочіе же двадцать могутъ быть обвиняемы лишь въ томъ, что, посѣщая сходки—неизвѣстили о нихъ полицію.

Само собою разумѣется, что размѣры соціалистической агитаціи не должны быть опредѣляемы количествомъ работниковъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности, такъ какъ число лицъ посѣщавшихъ сходки конечно было болѣе тридцати пяти; но въ то же время нельзя не придти къ заключенію, что даже въ періодъ процвѣтанія сходокъ, а этотъ періодъ, судя по письмамъ Пласковицкой, относится къ первымъ числамъ Іюля,—кадры соціалистовъ: пять кружковъ, обнаруженныхъ дознаніемъ, были таковы, что число рабочихъ, познакомившихся съ соціалистическимъ ученіемъ, должно было быть не особенно значительно. Заключеніе же о существованіи только пяти мѣстъ для сборища рабочихъ основывается не только на показаніяхъ допрошенныхъ по дѣлу лицъ, но и на томъ соображеніи, что Варынскій, какъ это видно изъ письма Пласковицкой къ Гильдъ, успѣвалъ бывать на всѣхъ сходкахъ.

Обращаясь къ той группѣ обвиняемыхъ, дѣятельностью которой вызвано въ Варшавѣ соціалистическое движеніе, съ тѣмъ, чтобы указать на степень участія каждаго изъ нихъ въ этомъ движеніи, настолько, насколько вопросъ этотъ остался невыясненнымъ при изложеніи свѣдѣній о ходѣ дознанія, Прокурорскій надзоръ Варшавской Судебной Палаты считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на то

обстоятельство, что изъ двадцати четырехъ лицъ этой группы одинадцать—уроженцы Царства Польскаго, прочіе же—уроженцы Западныхъ губерній, прибывшіе въ Варшаву подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ по преимуществу въ послѣднее время и притомъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Изъ нихъ девять: шесть студентовъ Медико-Хирургической Академіи, студентка врачебныхъ курсовъ, студентъ Технологическаго Института и нѣкто Уманскій, отказавшійся открыть свое званіе и происхожденіе—появились въ Варшавѣ изъ Петербурга. Объ обстоятельствахъ привлеченія къ отвѣтственности Уманскаго, а также: Александра Грабовскаго, Абрамовича, Мондшейна, Пласковицкой, Маріи Гильдъ, Поспѣлова и Завадскаго уже упоминалось. О послѣднихъ пяти лицахъ слѣдуетъ еще сказать слѣдующее:

1) Уроженка Кіевской губерніи Филиппина Пласковицкая поступила народною учительницею въ одинъ изъ уѣздовъ Варшавской губерніи въ 1876 г.; ранѣе же сего занималась преподаваніемъ уроковъ въ частныхъ домахъ и послѣдніе два года до опредѣленія на должность народной Учительницы проживала въ семьѣ отца Людовика Варынскаго, въ Таращанскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Живя лѣтомъ нынѣшняго года въ Варшавѣ, она принимала дѣятельное участіе въ социальной пропагандѣ, собирая у себя женщинъ изъ ремесленнаго класса, чѣмъ и объясняется то мѣсто въ письмѣ ея къ Гружевской, гдѣ говорится о знакомствѣ съ дамами того же, что и Варынскій, круга.

2) Дочь дворянина Подольской губерніи Марія Гильдъ, жена Казиміра Гильда, воспитывалась въ Швейцаріи и прониклась соціалистическими воззрѣніями, судя по ея дневнику, еще въ Іюнѣ 1875 г. Проживая въ теченіе послѣдняго года въ Варшавѣ Гильдъ принимала, судя по ея пе-

перепискѣ съ друзьями, участіе въ дѣятельности здѣшняго соціалистическаго кружка, доставляя ему денежныя средства посредствомъ устроенной въ квартирѣ Мендельсона переплетной мастерской.

3) Завадскій и 4) Поспѣловъ, оба Виленскіе уроженцы,—находились въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми лицами въ Вильнѣ, дѣятельность которыхъ, по нѣкоторымъ основаніямъ, можетъ быть признана за соціалистическую агитацію.—Какъ на одно изъ такихъ оснований необходимо указать на приготовленіе въ Вильнѣ календарей и сочиненій беллетристическаго содержанія, предназначаемыхъ для распространенія извѣстныхъ идей. Поспѣловъ пересылалъ подобныя сочиненія въ Вильно послѣ того какъ они были отобраны Варшавскою цензурою, Завадскій же содѣйствовалъ распространенію ихъ въ среди молодежи.

5) Уроженецъ Ковенской губерніи Мондшейнъ, названный въ письмѣ Аугустовичъ къ Длусскому диктаторомъ, занималъ выдающееся мѣсто въ кружкѣ. Осенью 1876 года, перейдя изъ Медико-Хирургической Академіи въ Варшавскій Университетъ съ опредѣленными уже, по словамъ одного изъ свидѣтелей, соціалистическими убѣжденіями, Мондшейнъ вмѣстѣ съ Длусскимъ и Гильдомъ, появившимися въ Варшаву осенью 1877 г., могъ повліять и конечно повліялъ въ извѣстномъ направленіи на ту группу университетской молодежи, съ которою имѣлъ сношенія. Весною настоящаго года Мондшейнъ становится руководителемъ движенія; а его квартира центромъ соціалистической агитаціи,—тѣмъ, что на условномъ язѣкѣ пропагандистовъ называется: конторою, магазиномъ или лавкою. Рѣшившись оставить Варшаву, Мондшейнъ, въ письмѣ изъ Одессы къ близкому ему лицу—Маріи Гильдъ, распространяется о своемъ тревожномъ душевномъ настроеніи и объясняетъ

такое настроеніе главнымъ образомъ опасеніемъ, что его отъѣздъ изъ Варшаву повредитъ дѣлу пропаганды. Для того, чтобы прибыть изъ Петербурга человѣкомъ съ опредѣлившимся соціалистическимъ направленіемъ, Мондшейнъ долженъ былъ во время Академической жизни пройти школу, создавшую въ немъ такое направленіе. Дознаніе дало нѣкоторыя указанія на то, что такою школою былъ Петербургскій кружокъ, свѣдѣнія о которомъ можно было извлечь изъ переписки Гружевской. На образованіе послѣдняго могли повліять личности, принадлежавшія къ обнаруженному дознаніемъ Генералъ-Лейтенанта Слезкина, Кіевскому кружку. Будучи лишь предположеніемъ, такое заключеніе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) мѣстомъ дѣятельности членовъ Кіевскаго кружка былъ одно время Полоцкій уѣздъ, Витебской губерніи, т. е. мѣстность, гдѣ лѣтомъ бывали: Мондшейнъ, Даниловичъ, Гласко и другіе, б) изъ переписки Гружевской и Даниловича видно, что къ числу лицъ одного съ ними образа мыслей принадлежитъ ихъ хорошая знакомая слушательница врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ Марія Вериго, сестра Брешковской, осужденной за принадлежность къ Кіевскому кружку и в) у нѣкоторыхъ обвиняемыхъ по Варшавскому дознанію оказались адресы той же Брешковской и члены Кіевскаго кружка Акселкрода.

Первые шаги здѣшняго соціалистическаго сообщества на поприщѣ практической дѣятельности привлекли къ нему нѣсколькихъ дѣятелей Петербургскаго кружка. Въ Апрѣлѣ одновременно пріѣзжаютъ сюда: Гружевская, Уманскій, Даниловичъ, Де-Мезеръ и Акимовъ, пребываніе ихъ не было продолжительнымъ, тѣмъ не менѣе не осталось безслѣднымъ для дѣла пропаганды.

Письма Акимова изъ Варшавы и Одессы даютъ право прійти къ такому заключенію по отношенію къ нему и Альдонѣ Гружевской. Въ Варшавскомъ его письмѣ отъ 5 Мая находимъ слѣдующую фразу: „*По пріѣздѣ, розыскалъ Альдону. Она на меня произвела теперь еще болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ въ Питерѣ, четыре мѣсяца тому назадъ, потому что теперь я въ ней вижу еще болѣе дѣятельнаго человѣка, чѣмъ прежде. Она теперь представляетъ одинъ изъ множества примѣровъ, которые доказываютъ ложь Дыр—овъ, называющихъ насъ людьми пустыми, ничего не дѣлающими*"; въ Одесскомъ же письмѣ отъ 24 того же мѣсяца говорится: „*Скука разбираетъ еще больше чѣмъ въ Варшавѣ, тамъ я хоть видѣлъ жизнь вокругъ себя, да и самъ принималъ въ ней хотя самое незначительное участіе, здѣсь же не видно и тѣни жизни; конечно и здѣсь она есть, но мнѣ нѣтъ возможности узнать ее, тѣхъ подходящихъ знакомыхъ*".—Участіе Акимова въ пропагандѣ, на которое намекается въ приведенной выдержкѣ письма, выразилось, судя по даннымъ имъ на допросѣ объясненіямъ, въ томъ, что на одной сходкѣ онъ старался растолковать рабочимъ, что при настоящемъ положеніи вещей размѣръ заработной платы стремится понизиться до уровня стоимости необходимыхъ для работника жизненныхъ припасовъ (теорія желѣзнаго закона Лассаля).

Дѣятельность Даниловича и Уманскаго, какъ членовъ сообщества, засвидѣтельствована нѣсколькими показаніями и имѣющеюся при дѣлѣ перепиской ихъ, изъ которой видно, что они пріѣхали сюда изъ Петербурга, гдѣ поѣздка ихъ вѣроятно была признана необходимою, какъ средство для болѣе успѣшнаго развитія агитаціи въ Варшавѣ. Проживая въ Варшавѣ, Даниловичъ составилъ подложное удостовѣреніе для Покржевницкаго, а Уманскій, именовавшій себя

также кандидатомъ Московскаго Университета Штигелемъ и имѣвщій на это званіе подложный дипломъ,—посѣщалъ сходки. Послѣдній имѣлъ обширныя связи съ Петербургскими и Кіевскими пропагандистами, которые съ нимъ, какъ можно заключить по нѣкоторымъ его письмамъ, дѣлились своими планами и надеждами.

На содѣйствіе, оказанное Гласко революціонной пропагандѣ въ Имперіи вообще, Варшавской же въ частности, указываютъ два его письма. Въ одномъ изъ нихъ, посланномъ изъ Румыніи, гдѣ Гласко служилъ въ то время въ обществѣ Краснаго креста, говорится о намѣреніи провезти въ Россію кладь съ какими то предметами, обнаруженіе которыхъ заставитъ Гласко *„не отдаваться живому въ руки баши-бузуковъ“*. Письмо это было вложено въ два конверта съ адресами, на наружномъ—Мечислава Грабовскаго, а на внутреннемъ—Маріи Павловны Котурницкой, никогда однако въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ адреснаго стола, не проживавшей. Въ другомъ письмѣ упоминается о двукратномъ отправленіи денегъ въ Варшаву (65 р.) на имя Мондшейна, о которыхъ возникаетъ весьма основательное положеніе, что они въ личную собственность Мондшейна не поступали, а были обращены въ средства соціалистическаго кружка.

Наконецъ де-Мезеръ, арестованный въ Августѣ въ Петербургѣ, вслѣдствіе указанія нѣсколькихъ рабочихъ, которыхъ онъ снабжалъ книгами соціальнаго содержанія, находясь въ Варшавѣ въ теченіи Мая и проживая съ Акимовымъ на квартирѣ, гдѣ были устраиваемы сходки, не оставался конечно чуждымъ дѣлу пропаганды, распространяя кругъ ея вліянія на знакомую ему молодежь въ Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи; на такую дѣятельность встрѣчаются указанія въ письмахъ къ нему двухъ его пріятелей изъ

Бѣлостока: Чеховича и Бѣлявскаго, въ письмѣ перваго есть такого рода фраза *„я теперь практикую на паровозахъ, а потому бываю въ Варшавѣ и буду на Эриванской“*, въ письмѣ же второго говориться: *„если представится случай, я поступлю такъ, какъ Вы мнѣ совѣтуете т. е. если будетъ кто нибудь изъ знакомыхъ ѣхать въ Варшаву я попрошу его зайти въ извѣстную вамъ лавку и переговорить съ продавцами“*.

Переходя къ дѣятелямъ кружка изъ мѣстныхъ уроженцевъ, относительно шести изъ нихъ: Сѣрошевскаго, Рожанскаго, Гейльперна, Гадомскаго и братьевъ Плавинскихъ, необходимо сослаться на обстоятельства уже изложенныя, относитьно же прочихъ дополнить фактическую сторону дѣло слѣдующими данными:

На Лянды, сожителя Длусскаго, было указано при дознаніи какъ на лицо, которое участвовало въ передачѣ кассирамъ кружковъ книгъ, предназначенныхъ для пропаганды.

Изъ записной книжки Аугустовича видно, что онъ собиралъ деньги на покупку подобныхъ книгъ.

Собранныя Аугустовичемъ деньги, для исрасходованія по назначенію, переданы были, какъ оказывается изъ отмѣтки той же записной книжки,—Мендельсону и Бржезинскому, чѣмъ и объясняется извѣщеніе, полученное Аугустовичемъ отъ послѣдняго о полученіи книгъ.

Записки, отобранныя при свиданіи Гейльперна съ родными, даютъ право заключить, что Самуилъ Цвейгбаумъ былъ посвященъ во всѣ тайны Варшавскаго соціалистическаго сообщества.

Кромѣ тѣхъ указаній на принадлежность къ обществу Свѣнцицкаго, которые были приведены при разборѣ писемъ, найденныхъ у Маріи Гильдъ, необходимо при оцѣнкѣ степени его отвѣтственности имѣть въ виду: въ 1-хъ, что 29

Іюня сего года онъ по подложной довѣренности получилъ присланныя отъ Гласко на имя Мондшейна деньги, предназначенныя для сообщества и во 2-хъ, что при обыскѣ, произведенномъ у Свѣницкаго, были отобраны двѣ черновыя статьи по соціальному вопросу. Изъ нихъ одна, помѣщенная въ свое время въ одномъ изъ современныхъ Варшавскихъ изданій, даетъ историческій очеркъ постепеннаго усиленія партіи соціалистовъ въ Германіи и оканчивается такимъ образомъ: „*соціальный вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: или планы соціалистовъ утопія и тогда они не пройдутъ въ жизнь: или соціалисты угадали направленіе, по которому народъ увлекается необходимостью историческаго развитія и въ такомъ случаѣ никакая сила не будетъ въ состояніи удержать стремленій, которыя расчищаютъ дорогу этому теченію*“. Вторая статья занимается вопросомъ объ отношеніяхъ труда къ капиталу и доказываетъ, что капиталисты грабятъ работниковъ; она составляла, вѣроятно, предметъ чтенія въ кружкѣ образовавшемся въ средѣ здѣшней учащейся молодежи подъ вліяніемъ пріѣхавшихъ изъ Имперіи осенью прошедшаго года агитаторовъ; такое предположеніе основано на томъ, что у Аугустовича оказался второй экземпляръ ея съ отмѣткою: „*Прочтена 16 (28) Февраля 1878 года*“.

III.

Разсмотрѣніе имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личномъ составѣ обнаруженнаго дознаніемъ преступнаго сообщества, убѣждая въ томъ, что соціалистическія воззрѣнія были распространяемы въ Варшавѣ при посредствѣ мѣстныхъ элементовъ, приводитъ однако къ заключенію, что сила. которая привела эти элементы въ движеніе находится внѣ поль-

скаго общества и что здѣшній соціалистическій кружокъ возникъ подъ вліяніемъ русской революціонной партіи того же направленія.

Къ такому же заключенію придется придти по оцѣнкѣ данныхъ, опредѣляющихъ характеръ дѣятельности Варшавскаго кружка.

Задачи практической дѣятельности членовъ кружка могутъ быть опредѣлены по сопоставленіи показаній данныхъ лицами той среды, въ которой велась пропаганда съ содержаніемъ книгъ, распространяемыхъ пропагандистами. Большинство лицъ, допрошенныхъ при дознаніи, свидетельствовало, что агитаторы при изустныхъ объясненіяхъ съ рабочими доказывали необходимость измѣненія существующихъ экономическихъ отношеній. Содержаніе, однако, брошюръ, которыя читались на сходкахъ, не можетъ не посѣлить убѣжденія, что общественныя преобразованія, объ осуществленіи коихъ мечтали руководители движенія, были задуманы въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Такихъ книжекъ было четыре: „Долой соціалистовъ“ „Непримиримыя Направленія“ „Занимательный разсказъ“ и „Разсказъ Стараго Хозяина“. Первыя двѣ имѣютъ характеръ полемическій и направлены къ опроверженію возраженій, приводимыхъ противъ соціалистическаго ученія. Прочія, изложенныя по примѣненію къ существующимъ общественнымъ условіямъ Царства Польскаго, даютъ матеріалъ для опредѣленія идеаловъ практическаго соціализма, преимущественно впрочемъ послѣдняя.

„Занимательный разсказъ“, тождественный по содержанію съ распространяемыми русскими революціонерами брошюрами „Хитрая Механика“ и „Правда“ (Малороссійская), популяризируя теоріею Лассаля о томъ, что господствующіе классы общества стремятся перенести всѣ издер-

жки по государственному хозяйству на рабочіе классы, соотвѣтственно доводамъ, приводимымъ тѣмъ же экономистомъ, доказываетъ, что такое перенесеніе тяжести государственнаго бюджета совершается главнымъ образомъ посредствомъ косвенныхъ налоговъ. Разсматривая далѣе роспись государственныхъ расходовъ, брошюра старается убѣдить читателя, что суммы, доставляемыя государству почти исключительно низшими классами народа, расходуются самымъ непроизводительнымъ образомъ на удовлетвореніе личныхъ вкусовъ Главы Государства и доставленіе возможно—большихъ удобствъ высшимъ классамъ, самыя же настоятельныя народныя нужды игнорируются.

„Разсказъ Стараго Хозяина“ развиваетъ ту мысль, что капиталъ и личная собственность источники неурядицы въ современномъ соціальномъ строѣ, такъ что съ устраненіемъ этихъ началъ изъ экономической жизни народа,—какъ только фабрики и земля станутъ общимъ достояніемъ,—водвориться всеобщее благоденствіе.

На вопросъ, какъ достигнуть желательныхъ съ точки зрѣнія соціалистовъ экономическихъ отношеній даютъ отвѣтъ „Непримиримыя Направленія“. Необходимо, говорится въ этомъ сочиненіи, воспитать массы въ здравыхъ экономическихъ понятіяхъ и въ сознаніи своей силы, а затѣмъ произвести революцію и уничтожить существующій общественный строй; съ устраненіемъ же неблагопріятныхъ условій, препятствующихъ всеобщему счастію, органически возникнутъ формы новаго общественнаго быта. Новый же соціальный строй, судя по теоріи, находящей себѣ выраженіе въ трудахъ той фракціи соціально-революціонной партіи, взглядовъ которой держится авторъ только что указанный брошюры, долженъ быть федераціей сомостоятель-

ныхъ общимъ, коллективныхъ собственниковъ всѣхъ орудій производства.

Такимъ образомъ цѣль, къ которой стремились Варшавскіе агитаторы, не только улучшеніе отношеній труда къ капиталу, но и полное упраздненіе существующаго государственнаго устройства т. е. осуществленіе тѣхъ плановъ, провести которые въ жизнь стремятся анархисты, наиболѣе крайняя и наиболѣе распространенная въ Россіи партія соціалистовъ.

Будучи связаны съ русскими соціалистами единствомъ доктрины и происхожденія, члены Варшавскаго кружка должны были находиться и дѣйствительно находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ русскими революціонными кружками. Послѣдніе признаютъ Варшавское движеніе за одно изъ проявленій русскаго соціализма и относятся къ нему съ живымъ интересомъ.—Въ Октябрѣ, напримѣръ, было найдено при одномъ изъ обысковъ въ Петербургѣ письмо, написанное къ извѣстной Засуличъ, ея Петербургскою знакомою, въ которомъ встрѣчается слѣдующее мѣсто: „*Вчера встрѣтилась съ однимъ старымъ знакомымъ, онъ пріѣхалъ изъ Варшавы, разсказываетъ—интересно. Если все правда, то имъ легче чѣмъ намъ. Говоритъ, что бывшая пертурбація хотя и повредила сильно, но до тла теперь искоренить не можетъ—если бы это правда*“.

Не смотря на то, что послѣ событій, разсказанныхъ корреспонденткѣ Засуличъ ея Варшавскимъ знакомымъ, дознаніе производилось еще два мѣсяца,—было бы легкомысліемъ льстить себя надеждою, что репрессивныя мѣры успѣли искоренить до тла противообщественныя стремленія, развиваемыя въ извѣстномъ обществѣ соціалистической агитацей, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что произведенное изслѣдованіе дало и положительные результаты;

между прочимъ оно подтвердило существовавшее и прежде мнѣніе, что губерніи Царства Польскаго не представляютъ въ настоящее время удобной почвы для соціалистическаго движенія, частью благодаря консервативному характеру поселенія, частью вслѣдствіе политическаго положенія края, при которомъ наличныя революціонныя силы направляются къ инымъ цѣлямъ, причемъ однако необходимо оговориться, что такое направленіе сдерживаемое благоразумными элементами страны, не угрожаетъ опасностью,—въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ,—существующему порядку.

Прокуроръ Варшавской Судебной Палаты *Трахимовскій*.

ЗАПИСКА

по дѣлу о соціально-революціонной пропагандѣ въ Варшавѣ.

Декабря 4 дня 1878 г.

Заключеніе Прокурора Варшавской Судебной Палаты по дѣлу о преступномъ сообществѣ съ цѣлью соціалистической революціонной пропаганды, обнаруженномъ въ Варшавѣ въ 1879 году.

Въ февралѣ текущаго года Прокурорскій надзоръ Варшавской Судебной Палаты и Жандармское Управленіе получили свѣдѣніе о томъ, что нѣкоторые личности, большею частію изъ учащейся молодежи, поддерживаютъ между фабричными рабочими и ремесленниками въ Варшавѣ соціально-революціонную агитацію. Въ свѣдѣніяхъ этихъ было указано на нѣсколько фамилій, уже извѣстныхъ при производствѣ дознанія въ 1878 году, и это обстоятельство, въ связи съ указываемымъ въ тѣхъ же свѣдѣніяхъ, способомъ веденія пропоганды, посредствомъ устраиваемыхъ сходокъ, какъ между организаторами, такъ и рабочими, способомъ тождественнымъ съ тѣмъ, которымъ велась пропаганда, раскрытая дознаніемъ 1878 года, давало основаніе заключенію, что настоящее дѣло есть лишь продолженіе того же соціально-революціоннаго движенія, съ которымъ ознакомило сказанное дознаніе 1878 года. Къ упомянутымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ агентами, присоединились увѣдомленія Австрійскихъ властей о томъ, что въ Краковѣ были задержаны нѣсколько человѣкъ соціалистовъ изъ Русской Польши, изъ которыхъ одинъ *(Варынскій)* былъ розыскиваемъ по прежнему дознанію, а прочіе находились въ связи съ представителями Варшавскаго соціально-революціоннаго движенія.

Совокупность этихъ свѣдѣній, послѣ возможной негласной провѣрки ихъ и наблюденія, предпринятыхъ въ теченіе

марта мѣсяца, дала основаніе къ возбужденію дознанія, и 7 апрѣля по предложенію Прокурора Судебной Палаты, дознаніе это начато производствомъ ряда внезапныхъ обысковъ, подробно исчисленныхъ въ постановленіи отъ 6 апрѣля настоящаго года (Т. I л. д. 2). Результаты обысковъ, сдѣланныхъ, какъ 7 апрѣля такъ и позже, въ общей сложности подтвердили имѣвшіяся свѣдѣнія о существованіи въ Варшавѣ соціально-революціонной пропаганды. При обыскахъ найдено:

Во 1-хъ значительное количество заготовленныхъ фальшивыхъ видовъ, паспортовъ, дипломовъ и. т. п., а равно и множество фальшивыхъ печатей и матеріаловъ для подделокъ ихъ.

Во 2-хъ Разныя брошюры и книги соціально-революціоннаго содержанія, а именно: а) брошюры на польскомъ языкѣ заграничнаго изданія въ большомъ количествѣ экземпляровъ, очевидно предназначенныхъ для распространенія между простолюдинами, таковы; „Любопытная исторія", разсказъ стараго хозяина, не примиримыя направленія, долой соціалистовъ и т. п. б) брошюры на нѣмецкомъ языкѣ найденныя въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, служившія очевидно для перевода ихъ и извлеченія матеріаловъ для самостоятельныхъ польскихъ статей. Таковы сочиненія Шефле „Квинтессенція соціализма" и Либкнехта „Въ защиту" (Zum Tzutz und Schutz) в) брошюра, найденная въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, неносящая никакаго названія. Это сочиненіе издано въ Лейпцигѣ въ 1878 году и составляетъ нѣчто въ родѣ соціалистическаго катихизма, заключающаго въ себѣ вопросы и отвѣты, начиная съ того, что такое соціализмъ и далѣе распространяясь о всѣхъ стремленіяхъ и цѣляхъ соціалистовъ, а равно о способѣ ихъ осуществленія: (Переводъ этой брошюрю имѣется при дѣлѣ Т. I л. 143).

Въ 3-хъ рукописи, на описаніи которыхъ необходимо остановиться.

Какъ видно Варшавскіе соціалисты для цѣлей своихъ занимались переводомъ или переложеніемъ на польскій языкъ разныхъ статей революціоннаго вообще, и соціалистическаго въ особенности, содержанія. Предназначались ли работы эти для печати, и въ такомъ случаѣ конечно заграничной, или писались для прочтенія на сходкахъ рабочихъ, и то и другое находитъ себѣ подтвержденіе въ дѣлѣ но, во всякомъ случаѣ работы эти писались для ознакомленія рабочихъ съ главными основаніями соціалистическаго ученія и для сѣянія среди ихъ недовольства настоящимъ своимъ положеніемъ. Центръ, куда сходились эти статьи для редактированія ихъ находился у студента *Дзянковскаго*, у котораго найдено ихъ значительное количество съ помарками и поправками, сдѣланными его рукою. Изъ рукописей особаго вниманія заслуживаютъ двѣ, найденныя у Станислава *Рогальскаго* и въ вещахъ оказавшихся въ квартирѣ Ивана *Пашке*. Рукописи эти писаны обѣ однимъ почеркомъ и по внѣшнимъ признакамъ носятъ на себѣ слѣды многократнаго обращенія по рукамъ. Заглавіе рукописей этихъ „Начала соціально-революціоннаго союза Поляковъ" само по себѣ говоритъ уже о значеніи ихъ; онѣ составляютъ, какъ видно, извѣстнаго рода программу, по которой дѣйствовали Варшавскіе соціалисты. Переводъ этихъ рукописей имѣется придѣлѣ (Т. I л. д. 78) По содержанію своему статьи эти трактуютъ о цѣляхъ соціалистовъ Поляковъ, о будущей желанной организаціи общества и о томъ, что достиженіе этихъ цѣлей должно составлять задачу всѣхъ трудящихся, безъ различія народностей и притомъ (за испытанной безполезностью законныхъ средствъ къ осуществленію стремленій) путемъ кровавой революціи. Далѣе не менѣе важное значеніе имѣетъ и построенная на теоріи, вытекающей прямо изъ предыдущей рукописи, статья, написанная однимъ изъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу (С. Герингомъ) и оказавшаяся при обыскѣ у столяра Адама Сидорека. Въ этой статьѣ авторъ, въ формѣ бесѣды съ рабочими, развиваетъ посредствомъ на-

глядныхъ примѣровъ идею о невыносимости настоящаго положенія рабочаго и трактуетъ о томъ, что рабочій задавленъ капиталистомъ, котораго поддерживаетъ Правительство, и въ концѣ прямо взываетъ къ рабочимъ, приглашая возстать противъ Правительства, войскъ, капиталистовъ подъ общимъ знаменемъ, какъ противъ общаго врага.

Описанныя двѣ рукописи, вмѣстѣ съ вышесказанною брошюрою, отпечатанною въ Лейпцигѣ и начинающуюся вопросомъ, что такое соціализмъ, указываютъ намъ, что Варшавскіе пропагандисты стремятся не только къ возбужденію неудовольствія и волненій въ классѣ рабочемъ, но добиваются, хотя конечно не въ близкомъ будущемъ, ниспроверженія существующаго Правительства и всего государственнаго и общественнаго строя.

При дальнѣйшемъ развитіи дознанія изъ собственныхъ показаній лицъ, привлеченныхъ къ нему, изъ нѣкоторыхъ найденныхъ писемъ и однородности отобранныхъ вещественныхъ доказательствъ и другихъ собранныхъ дознаніемъ свѣдѣній, нельзя не придти къ заключенію, что *всѣ лица интеллегентнаго класса* къ дознанію привлеченныя, стоятъ весьма близко другъ къ другу, дѣйствовали не отдѣльно, а вполнѣ солидарно между собою и стремились къ осуществленію вышеуказанныхъ своихъ цѣлей не только путемъ роздачи брошюръ и возбужденія неудовольствія между рабочими печатнымъ и письменнымъ словомъ, но и путемъ сходокъ, устраиваемыхъ ими въ различныхъ квартирахъ съ цѣлью болѣе успѣшнаго пропагандированія соціально-революціонныхъ идей и тенденцій.

Всѣхъ лицъ привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 44; Мущинъ 40 и женщинъ 4, списокъ которыхъ при семъ прилагается. Изъ лицъ этихъ привлеченныхъ по дознанію 1878 г. 6. Арестовано 22; находятся на свободѣ, подъ надзоромъ полиціи 18, и въ неизвѣстномъ отсутствіи 4.

При семъ нижеслѣдующія статистическія данныя являются небезъинтересными для опредѣленія на сколько соціально-революціонная пропаганда въ городѣ Варшавѣ есть

явленіе мѣстное и на сколько на явленіе это вліяетъ вопросъ національностей и мѣста образованія.

Изъ вышесказанныхъ 44 лицъ привлеченныхъ къ дѣлу, къ классу интеллегентному принадлежитъ 23; остальныя 21 принадлежатъ къ рабочему классу.

По національностямъ привлеченные къ дознанію распредѣляются:

Уроженецъ Царства Польскаго . . .	25,
Въ томъ числѣ: интиллегентнаго класса	9,
рабочихъ.	16.
Уроженцевъ Западныхъ губерній . .	9,
Въ томъ числѣ: интеллегентнаго класса	8,
рабочихъ.	1.
Евреевъ	5, интеллегентнаго класса всѣ.
Русскихъ	2,
Въ томъ числѣ: изъ интеллегентнаго класса	1,
рабочій	1.

При этомъ надо замѣтить, что изъ лицъ интеллегентнаго класса уроженцевъ Царства Польскаго и Евреевъ четверо находились одно время въ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга.

Я полагаю, что эти данныя не могутъ не привести къ заключенію, согласному съ высказаннымъ мною по первому дознанію, о томъ, что губерніи Царства Польскаго, по мѣстнымъ условіямъ, не представляютъ удобной почвы для развитія соціально-революціонной пропаганды, хотя прозелитизмъ между рабочими является даже болѣе возможнымъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ вслѣдствіе большей грамотности рабочихъ и территоріальной близости Царства Польскаго къ Германіи, въ которой весьма сильно соціально-революціонное движеніе.

Переходя къ подробному изложенію данныхъ добытыхъ дознаніемъ, считаю нужнымъ для большаго удобства излагать ихъ отдѣльно о каждомъ изъ лицъ къ дознанію привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ:

1) Студентъ Варшавскаго Университета Медицинскаго Факультета *Людвикъ Эдуардовичъ Дзянковскій*, уроженецъ города Варшавы. Дзянковскій въ 1871 году окончивъ курсъ во 2-й Варшавской гимназіи по 1873 годъ былъ слушателемъ Техническаго Института въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ поступилъ тамъ же въ Римско-Католическую Духовную Семинарію и Академію. Въ Духовной Академіи онъ находился по декабрь 1877 г. послѣ короткаго времени, не окончивъ въ Академіи курса перешелъ въ Варшавскій университетъ гдѣ и состоитъ по нынѣ на 1-мъ курсѣ Медицинскаго Факультета.

Имя Людвика Дзянковскаго въ первый разъ встрѣтилось при дознаніи о соціалистической пропагандѣ въ Варшавѣ, производившемся въ 1878 году. При обыскѣ, въ то время, квартиры Дзянковскаго были найдены черновые переводы Ренана и Спенсера и кромѣ того условіе, заключенное Дзянковскимъ съ Осипомъ Плавинскимъ, по которому первый принялъ на себя издержки по изданію Спенсера, предоставляя прибыль отъ предпріятія Плавинскому, какъ подразумѣвавшемуся представителю соціалистическаго кружка и обязался по возвращеніи издержекъ обратить ихъ на изданіе другаго сочиненія. Дзянковскій по дознанію 1878 года былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и состоялъ на порукахъ у матери своей. Затѣмъ свѣдѣнія, полученныя отъ агентовъ предъ началомъ производства настоящаго дознанія о Дзянковскомъ, приписывали Дзянковскому одну изъ самыхъ видныхъ ролей среди пропагандистовъ варшавскихъ. По этимъ свѣдѣніямъ извѣстный не только интеллегентнымъ участникамъ сообществъ, но и многимъ рабочимъ, знавшимъ его подъ названіемъ философа Дзянковскій былъ центромъ, къ котору стекалась вся литературная дѣятельность пропагандистовъ. При обыскѣ квартиры его найдены были печатныя сочиненія дѣйствительно крайне революціоннаго содержанія и рукописи, всѣ прямо или косвенно относившіяся къ цѣлямъ пропаганды соціалистическихъ идей. У него найдены разныя статьи

о положеніи рабочаго класса, матеріалы для исторіи Парижской коммуны на польскомъ языкѣ и компиляціи на польскомъ языкѣ нѣмецкихъ соціалистическихъ сочиненій Шеффле „Квинессенція соціализма" и брошюры Либкнехта „Zum Tzutz und Schutz". Рукописи эти написаны разными почерками и носятъ на себѣ слѣды поправокъ Дзянковскаго, очевидно редактировавшаго всѣ эти статьи.

Показаніемъ своимъ, которое измѣнить и дополнить онъ отказался, Дзянковскій объяснилъ, что всѣ найденныя у него рукописи онъ получилъ отъ бывшихъ товарищей *по Духовной Академіи* въ Петербургѣ. Привезя ихъ съ собою въ Варшаву, онъ ими не занимался исключая только статьи: „Квинтесенція соціализма" составляющей переводъ извѣстнаго подъ этимъ названіемъ сочиненія Шеффле, который онъ, Дзянковскій собирался издать въ Варшавѣ, а потому нѣсколько разъ его поправлялъ самъ и поручалъ это другимъ лицамъ, которыхъ назвать отказался. Вообще Дзянковскій отъ всякаго участія въ соціалистической пропагандѣ, а равно и отъ знанія о существованіи таковой въ Варшавѣ отказался, объяснивъ только, что съ теоріею соціализма ознакомился въ Петербургѣ во время пребыванія своего *въ Духовной Академіи*, а о Варшавскомъ соціалистическомъ дознаніи отчасти узналъ, будучи привлеченъ и допрошенъ при дознаніи 1878 года.

Между тѣмъ доказательствами участія Дзянковскаго въ сообществѣ съ цѣлью распространенія соціально-революціонной пропаганды служатъ слѣдующія обстоятельства.

а) Найденныя у Дзянковскаго рукописи преимущественно соціалистическаго направленія были писаны почерками Сигизмунда *Геринга*, Станислава *Рогальскаго*, Альбина *Кавальскаго*, Елены Конъ, Стефана *Шпотанскаго*, Антона *Злотницкаго* и Цезарины *Войнаровской*. Всѣ лица эти, кромѣ Войнаровской, почерки свои признали. Почерки же Войнаровской, а равно и скрывшагося Злотницкаго, по заключенію экспертовъ признаны, по сличеніи ихъ съ несомнѣнными документами, писанными рукою этихъ лицъ.

нахожденіе рукописей этихъ у Дзянковскаго, поправки сдѣланныя рукою его на тѣхъ изъ рукописей, которыя представляютъ собою приготовленные къ печати переводы и самыя имена лицъ, участвовавшихъ въ составленіи статей, противъ которыхъ въ настоящемъ дознаніи имѣются доказательства большей или меньшей принадлежности ихъ къ сообществу указываютъ съ достовѣрностью, что Дзянковскій, опытный, въ дѣлѣ редакторскомъ, *составлялъ дѣйствительно центръ*, къ которому сходилась литературная часть дѣятельности пропагандистовъ.

Кромѣ завѣдыванія литературной частью дѣятельности пропагандистовъ, Дзянковскій принималъ *непосредственное участіе* въ веденіи соціалистической пропаганды между *рабочими*. Показанія столяра Адама Сидорека (Т. II л. д. 14, 16) уличаютъ Дзянковскаго въ томъ, что онъ собиралъ у себя на квартирѣ главныхъ дѣятелей пропаганды для обсужденія общихъ мѣръ, подлежащихъ принятію для успѣха агитаціи и сверхъ того, что онъ дѣлалъ попытки къ распространенію агитаціи и внѣ Варшавы. Изъ показанія того же Сидорека видно, что Дзянковскій посылалъ его для попытки пропаганды соціалистическихъ идей въ г. Лодзь, и доставилъ Сидореку для проѣзда туда денежныя средства.

Другое доказательство непосредственныхъ сношеній Дзянковскаго съ дѣятелями пропаганды представляетъ записка найденная при обыскѣ обвиняемой Софіи Пласковицкой, признанная Дзянковскимъ, отказавшимся однако дать по содержанію ея объясненія. Записка эта, написанная по польски къ женщинѣ, очевидно къ Пласковицкой, начинается словами: „Сливка проситъ васъ“ прибыть къ нему поговорить о дѣлѣ. Такую же надобность высказываетъ авторъ письма и относительно себя, выражая надежду встрѣтиться съ Пласковицкой на Варецкой. Подпись неразборчива, но подходитъ всего ближе къ слову „Filosopfus“ (неправильность въ орфографіи этого слова въ подлинникѣ) Подъ словомъ „Сливка“ слѣдуетъ разумѣть привлеченнаго къ дѣлу ремесленника Ивана Сливинскаго,

бывшаго однимъ изъ кассировъ;—на Варецкой же находится квартира Г-жи *Цертовичъ*, гдѣ сходились многіе изъ соціалистовъ, какъ Варшавскихъ такъ и пріѣзжихъ.

в) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ агентами до начала настоящаго дознанія, Дзянковскій часто ѣздилъ на Прагу къ рабочему Щепанскому. Отъ показаній о знакомствѣ своемъ съ послѣднимъ, какъ и вообще о разъясненіи отношеній своихъ съ кѣмъ бы то ни было, Дзянковскій отказался. Между тѣмъ въ записной книжкѣ его, отобранной у него при обыскѣ оказалось: на одномъ мѣстѣ перечень расходовъ его, въ числѣ которыхъ показапъ расходъ на извощика на Прагу, гдѣ проживалъ рабочій Щепанскій. При спросѣ объясненій у Дзянковскаго о сказанной поѣздкѣ по поводу показаннаго расхода этаго, онъ заявилъ, что не помнитъ.

Кромѣ того изъ *несоотвѣтственности* собственнаго матеріяльнаго положенія Дзянковскаго съ дѣлаемыми имъ на дѣло пропаганды расходами, нужно придти къ заключенію, что средства на это дѣло Дзянковскій получалъ извнѣ, съ чѣмъ находится въ связи пребываніе Дзянковскаго въ Петербургѣ и заведенныя имъ тамъ сношенія съ мѣстными пропагандистами, и на что между прочимъ указываетъ отчасти показаніе Сидорека.

Наконецъ, крайнія противоправительственныя убѣжденія Дзянковскаго доказываются кромѣ всѣхъ изложенныхъ вышеобстоятельствъ, какъ тѣми книгами, которыя найдены у Дзянковскаго (см. протоколъ осмотра вещественныхъ доказательствъ Т. I л. д. 119) такъ и выписками дѣланными имъ вмѣстѣ со студентомъ Рогальскимъ занесенными въ одну изъ тетрадей найденныхъ въ его вещахъ (Д. Т. I протоколъ осмотра л. д. 119 и рукописи и замѣтки № 2).

Роль свою какъ руководителя Дзянковскій повидимому сохранилъ до конца. Во время содержанія его подъ стражей въ Александровской Цитадели была найдена на дворѣ, гдѣ прогуливаются арестанты записка (Т. II л. д. 226 и след.), написанная повидимому почеркомъ Дзянковскаго;

записка написана большею частію шрифтомъ, разобрать который не удалось, но судя по той части ея, которая написана по польски, можно заключить, что она предназначалась для прочтенія другихъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу и заключала въ себѣ указанія, какія слѣдуетъ давать по дѣлу показанія. Хотя Дзянковскій отрицаетъ принадлежность ему этой записки, но почеркъ ея настолько схожъ съ почеркомъ Дзянковскаго (какъ подтвердили и спрошенные эксперты), что врядъ ли можно сомнѣваться (Т. II л. д. 243), что сказанная записка написана имъ.

2) *Станиславъ Самуилъ Осиповъ Рогальскій* 21 года, студентъ III курса Варшавскаго университета Медицинскаго Факультета, еврей уроженецъ города Плоцка.

Произведенный 7 апрѣля въ квартирѣ Рогальскаго обыскъ; обнаружилъ въ вещахъ его книги и брошюры соціалистическаго направленія, до *пятидесяти номеровъ журнала* „Впередъ" за 1878 и 1876 годы. Кромѣ того въ числѣ рукописей найдена одна на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „начала соціально-революціоннаго союза поляковъ".

Рукопись эта, общее содержаніе, которой приведено выше, написана не Рогальскимъ и составляетъ одинъ изъ двухъ экземпляровъ, найденныхъ при настоящемъ дознаніи (второй экземпляръ найденъ въ вещахъ рабочаго Ивана Пашке, о чемъ будетъ сказано ниже) Внѣшній видъ этой рукописи доказываетъ, что она была въ значительномъ употребленіи, содержаніе ея представляетъ основныя положенія стремленій польскихъ соціалистовъ.

Кромѣ того у Рогальскаго оказались дипломъ инженеръ технолога Александра Венцковскаго и корзинка, въ которой находилось большое количество разныхъ свидѣтельствъ на жительство, дипломовъ на ученыя степени и паспортовъ, оказавшихся большею частію фальшивыми и сверхъ того до 15 печатей и штемпелей оффиціальныхъ лицъ и мѣстъ, и штемпелей фабрикъ и заводовъ. При этомъ найдены разные инструменты и краски для выдѣ-

лыванія печатей. Одно нахожденіе у Рогальскаго упомянутыхъ выше вещественныхъ доказательствъ, его направленіе и дѣятельность съ ясностью указываютъ на серьезную роль, которую игралъ онъ въ сообществѣ варшавскихъ соціалистовъ.

Допрошенный Рогальскій, виновнымъ себя въ принадлежности къ соціально-революціонному обществу не призналъ; относительно найденныхъ у него фальшивыхъ документовъ и печатей, революціонной рукописи „Начала соціально-революціоннаго союза Поляковъ" номеровъ журнала „Впредъ" показалъ, что всѣ эти предметы были оставлены у него знакомыми его, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

Между тѣмъ по дознанію выяснилось.

а) что Рогальскій найденными у Дзянковскаго рукописями, имъ признанными, изобличается въ литературно части въ пропагандѣ.

б) что показаніями Людвика Ксенжскаго онъ уличается въ томъ, что принималъ непосредственное участіе въ сходкахъ, бывавшихъ въ квартирѣ Осипа Бейта, проживавшаго на Твардой улицѣ подъ № 12, гдѣ распространялись въ бесѣдѣ, и путемъ раздачи брошюръ соціалистическія революціонныя идеи между рабочими.

в) что Рогальскій съ цѣлью пропаганды соціально-революціонныхъ идей распространялъ запрещенныя брошюры: такъ изъ собственныхъ показаній его, а равно и привлеченныхъ къ настоящему дѣлу столяра Лепчевскаго и б. учителя Висневскаго явствуетъ, что онъ снабжалъ ихъ обоихъ запрещенными брошюрами революціоннаго характера (Т. II л. д. 185 и 248 сбор.)

г) что Рогальскій, какъ это видно изъ показанія Ивана *Пашке*, находился въ перепискѣ съ бывшимъ дѣятелемъ соціалистической пропаганды въ Варшавѣ, извѣстнымъ въ дѣлѣ подъ именемъ Понятовскаго, скрывшимся до начала дознанія въ Галицію и тамъ арестованнымъ подъ именемъ Бесядовскаго. Переписка Рогальскаго съ нимъ шла черезъ

Пашке, по адресу котораго пересылались въ Варшаву письма для передачи Рогальскому. Показаніе Пашке совпадаетъ со свѣдѣніями, доставленными изъ Австріи, по которымъ оказалось, что у арестованнаго въ Краковѣ соціалиста, назвавшаго себя Бесядовскимъ, при обыскѣ было найдено заготовленное къ отправкѣ письмо, адресованное въ Варшаву на имя и съ адресомъ Пашке. Письмо это по содержанію своему должно относиться не до одного лица (Т. I л. д. 13) а ясно указываетъ на какое то общее дѣло, которое авторъ письма проситъ не начинать до его пріѣзда. По присланной изъ Австріи фотографіи, Бесядовскій былъ опознанъ за проживавшаго въ Варшавѣ подъ именемъ *Понятовскаго*, дѣятельность котораго, какъ пропагандиста констатирована настоящимъ дознаніемъ. По показанію Пашке оставшійся въ Варшавѣ чемоданъ Понятовскаго находился на попеченіи Рогальскаго, который, за нѣсколько дней до обыска, произведеннаго у Пашке 7 апрѣля, принесъ къ послѣднему чемоданъ, въ которомъ оказались фальшивые паспорты и переписка, указывающая на знакомство и связи съ дѣломъ Варшавскихъ соціалистовъ, арестованныхъ въ 1878 году. Изъ разсмотрѣнія и сравненія разныхъ документовъ найденныхъ у Рогальскаго и находящихся въ переданномъ имъ на храненіе Пашке чемоданѣ, надо придти къ заключенію, что всѣ документы эти вѣроятно были въ однѣхъ рукахъ, такъ какъ имѣются въ тѣхъ и другихъ свидѣтельства одной и той же личности Аделины Дармунтъ, проживающей въ Петербургѣ. Документы эти оказались подлинными и конечно не могли быть переданы непосредственно Рогальскому проживавшему безотлучно въ Варшавѣ.

3) *Сигизмундъ Самуилъ Герингъ* 25 лѣтъ, еврей, вольнослушатель Варшавскаго университета. По окончаніи курса въ 1870 году въ 2 Варшавской гимназіи поступилъ въ Горный Институтъ; оттда выбылъ, пробывъ академическій годъ, затѣмъ выѣхалъ въ Вѣну, гдѣ обучался въ Коммерческой академіи, откуда вернулся въ Варшаву въ

1873 году. Пробывъ затѣмъ годъ въ Варшавѣ при отцѣ, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ былъ домашнимъ учителемъ впродолженіи одного года.

Въ 1875 году поступилъ онъ вновь въ Горный Институтъ, оставался до 1878 года, а въ этомъ году переѣхалъ въ Варшаву, гдѣ и опредѣлился вольно слушателемъ университета по юридическому факультету.

Свѣдѣнія, полученныя о Герингѣ еще до начала дознанія приписывали ему весьма дѣятельную роль въ средѣ пропагандистовъ. На Геринга было указано агентами, какъ на одного изъ главныхъ дѣятелей пропаганды среди рабочихъ, гдѣ онъ былъ извѣстенъ подъ прозваніемъ „испанца". Результаты обысковъ, какъ у него, такъ и у другихъ обвиняемыхъ, въ связи съ его собствинными показаніями, основательно подтвердили имѣвшіяся о немъ свѣдѣнія и выяснили его дѣятельность.

Найденныя у Геринга при обыскѣ книги и журналы крайняго революціоннаго содержанія источникъ полученія которыхъ онъ указать отказался, даютъ понятіе о направленіи его. Оказавшаяся при этомъ рукопись неизвѣстно кѣмъ составленнаго перевода сочиненія Шефле „Квинтессенція соціализма" составляетъ одну часть работы, другая часть которой оказалась у Людвика Дзянковскаго. Согласно собственному показанію Геринга онъ работалъ съ Дзянковскимъ надъ редакціею этаго перевода съ цѣлью на печатать его заграницей.

Это обстоятельство, вмѣстѣ съ нахожденіемъ другихъ рукописей и статьями соціалистическаго содержанія, найденными въ бумагахъ Дзянковскаго и признанными Герингомъ за имъ написанныя, съ ясностью указываютъ на значительное его участіе въ трудахъ Дзянковскаго по литературной части соціально-революціонной пропаганды. Но этимъ не ограничивались роль Геринга въ дѣлѣ. У рабочаго Адама Сидорека (имя котораго упоминалось уже при изложеніи обстоятельствъ, уличающихъ Людвига Дзянковскаго) между прочимъ было найдено рукописное сочиненіе,

представляющее родъ бесѣды съ рабочими. О рукописи этой было говорено выше, какъ объ одной изъ рисующихъ направленіе пропаганды Варшавскихъ соціалистовъ. Популярно написанная, выставляя всю тяжесть положенія рабочихъ и приписывая его исключительно эксплуатаціи капиталистовъ-фабрикантовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, статья эта взываетъ къ рабочимъ, приглашая возстать противъ общаго врага. Признавшій себя *Авторомъ* этой рукописи, Герингъ объяснилъ однако, что статья эта не была написана съ цѣлью распространенія ея въ Варшавѣ, а предназначалась для напечатанія въ Галиціи, для чего и была будто бы передана, какому то лицу, назвать которое Герингъ отказался. Одно нахожденіе этой рукописи у Сидорека, хотя и заявившаго, что получилъ ее отъ скрывшагося за границу Понятовскаго, уже указываетъ на то, что статья достигла такихъ рукъ, для которыхъ предназначалась. Назначеніе статьи этой для работниковъ именно Русской Польши доказывается тѣмъ, что въ числѣ примѣровъ наживы капиталистовъ указывается нѣкій Шейблеръ, Лодзинскій фабрикантъ, достаточно извѣстный здѣшнимъ рабочимъ.

Несомнѣно доказано затѣмъ, что Герингъ бывалъ дѣятельнымъ участникомъ сходокъ рабочихъ. Въ этомъ уличаютъ его показанія во 1-хъ Людвига Ксенжскаго (Т. I л. д. 286), опознавшаго въ немъ личность встрѣчанную имъ на сборищахъ у Осипа Бейта, жившаго на Твардой улицѣ въ домѣ № 12; и во 2-хъ показаніе Адама Сидорека (Т. II л. д. 14—16), познакомившагося съ нимъ у Дзянковскаго, знавшаго его болѣе по прозвищу „испанца" и встрѣчавшаго его у сапожника Графинскаго, гдѣ Герингъ въ присутствіи другихъ рабочихъ читалъ въ слухъ статьи.

Изъ главнѣйшихъ дѣятелей революціонной пропаганды въ Варшавѣ Герингъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ не только съ Дзянковскимъ. Въ день обыска квартиры Геринга былъ вмѣстѣ съ нимъ арестованъ ночевавшій у него

Александръ Венцковскій, о серьезной роли котораго въ настоящемъ дѣлѣ изложенно ниже. Кромѣ того при розыскахъ упоминаемаго въ настоящемъ дознаніи одного изъ пропагандистовъ, извѣстнаго въ Варшавѣ подъ фамиліею Славскаго была обнаружена квартира, которую онъ занималъ въ Варшавѣ. Изъ показанія Алексѣя Корнатовскаго (Т. I л. д. 280), хозяина этой квартиры выяснилось, что Славскій выбылъ около начала февраля изъ Варшавы, оставивъ на квартирѣ свои вещи, заключавшіяся въ запертомъ чемоданѣ и узлѣ. Черезъ нѣсколько времени по отъѣздѣ Славскаго вещи эти были отданы явившимся къ хозяину квартиры двумъ личностямъ, предъявившимъ на полученіе вещей этихъ уполномочіе (Т. I л. д, 282) выраженное въ письмѣ отъ Славскаго будто бы изъ Вильны. Письмо это оказалось подложнымъ и написаннымъ Герингомъ, объяснившимъ, что сдѣлалъ это для избавленія Славскаго, арестованнаго въ Австріи (Т. I л. д. 267), отъ преслѣдованія Варшавской Полиціи. Дѣятельное участіе Геринга въ скрытіи слѣдовъ Славскаго, указываютъ на знаніе его о преступности послѣдняго, равно какъ на полную съ нимъ солидарность. Славскій же, какъ видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ Австрійскими властями, арестованъ въ Краковѣ по обвиненію въ соціально-революціонной агитаціи, подъ именемъ Кремера. Предположеніе это можно сдѣлать потому, что у Кремера найдено при обыскѣ его русское свидѣтельство на имя Константина Петровича Славскаго (Т. I л. д. обор. 13).

Совокупность всего изложеннаго не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Сигизмундъ Герингъ долженъ быть причисленъ къ числу серьезнѣйшихъ дѣятелей здѣшней революціонной пропаганды, хотя онъ въ принадлежности себя къ соціалистическому революціонному сообществу и не призналъ виновнымъ.

4) *Александръ Ивановичъ Венцковскій* 25 лѣтъ отъ роду, уроженецъ сѣдлецкой губерніи.

По окончаніи курса въ Варшавской Реальной гимназіи, Венцковскій пробывъ одинъ годъ въ Варшавскомъ университетѣ поступилъ въ С.-Петербургскій Технологическій институтъ, гдѣ въ 1877 году окончилъ курсъ со степенью Инженеръ Технолога. Лѣтомъ того же года Венцковскій занимался практическими работами на Невскихъ пароходахъ, а осенью поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета, по факультету естественныхъ наукъ, гдѣ и числится по нынѣ на 2-мъ курсѣ.

По свѣдѣніямъ имѣвшимся отъ агентовъ, провѣреннымъ негласными развѣдками до начала настоящаго дознанія, на Венцковскаго упадало серьезное подозрѣніе въ дѣятельномъ участіи въ соціально-революціонномъ движеніи въ Варшавѣ. Постоянно разъѣздная жизнь его между Петербургомъ, Кіевскою губерніею и Варшавою заставляла подозрѣвать въ немъ агента, поддерживающаго связи здѣшнихъ соціалистовъ съ единомышленниками ихъ въ Имперіи; собранныя данныя, повлекшія за собою обыскъ и арестованіе Венцковскаго, обратили возникшее противъ него подозрѣніе въ достовѣрность, подкрѣпленную основательными уликами въ томъ, что онъ представляетъ собою одного изъ выдающихся агитаторовъ. Въ день производства первыхъ обысковъ въ Варшавѣ т. е. 7 апрѣля текущаго года Венцковскій былъ арестованъ на квартирѣ Сигизмунда Геринга, у котораго ночевалъ. Обыскъ собственной его квартирѣ кромѣ нахожденія нѣсколькхxъ книгъ, явно соціально-революціонкаго направленія (Т. I л. д. 169), недалъ другихъ данныхъ къ опредѣленію его дѣятельности. Первый допросъ его не раскрылъ равнымъ образомъ его участіе въ дѣлѣ, кромѣ того, что изъ уклончивыхъ его показаній слѣдовало придти къ заключенію о значительныхъ разъѣздахъ его по Россіи и Польшѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Такое заключеніе можно вывести то же изъ показанія родителей его, допрошенныхъ по мѣсту жительства его отца (Т. II л. д. 171), управляющаго имѣніемъ Войсловице Холмскаго уѣзда Люблинской губерніи. Изъ

показаній послѣдняго слѣдуетъ придти къ выводу, что Александръ Венцковскій часть своихъ поѣздокъ, держалъ отъ своихъ домашнихъ въ тайнѣ, и вообще не вполнѣ вѣрно разсказывалъ имъ оцѣляхъ и направленіяхъ своихъ путешествій. Изъ дознанія, однако, выяснилось во 1-хъ, что Венцковскій состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ главнѣйшими дѣятелями пропаганды привлеченными нынѣ въ качествѣ обвиняемыхъ. Съ Дзянковскимъ съ 1873 года онъ знакомъ по пребыванію въ Технологическомъ институтѣ; съ Рогальскимъ одно время онъ жилъ въ Варшавѣ на одной квартирѣ; съ Герингомъ, знакомый тоже по Петербургу, былъ на столько интименъ, что проводилъ у него ночь. Хотя Венцковскій близость отношеній своихъ къ Дзянковскому отвергаетъ, говоря, что зналъ его только по фамиліи, но это показаніе не заслуживаетъ вѣры потому, что онъ такимъ же образомъ отвергалъ свое знакомство съ Рогальскимъ и сознался въ этомъ только тогда, когда послѣдній самъ призналъ это знакомство по поводу найденнаго у него диплома Венцковскаго. Кромѣ того нельзя не признать доказанною связь Дзянковскаго съ Александромъ Венцковскимъ вслѣдствіе показанія, привлеченнаго къ настоящему дѣлу столяра Адама Сидорека (Т. II л. д. 14—16). Сидорекъ заявилъ, что будучи однажды вечеромъ въ числѣ другихъ лицъ у Дзянковскаго послѣдній, говоря о скудномъ положеніи кассы соціалистовъ, выражалъ надежду, что „скоро пріѣдетъ Александръ и привезетъ деньги". Такъ какъ это собраніе было приблизительно около времени пріѣзда въ Варшаву Александра Венцковскаго и притомъ въ виду выяснившейся роли его въ настоящемъ дѣлѣ, представляется основательнымъ думать, что Александръ, упомянутый Дзянковскимъ есть никто иной, какъ Александръ Венцковскій.

Въ Варшаву въ теченіи зимы $^{1878}/_{9}$ года Венцковсій пріѣзжалъ два раза, пріѣхавъ же третій разъ въ мартѣ онъ здѣсь поселился. Это видно изъ показаній помѣщика Кіевской губерніи Янковскаго (Т. II л. д. 201), у котораго

Венцковскій, въ качествѣ учителя дѣтей, прожывалъ съ декабря 1878 года по мартъ 1879 годъ. Въ теченіе этихъ его пріѣздовъ и въ мартѣ по его водвореніи, Венцковскаго видѣли на сходкахъ рабочихъ, собиравшихся въ квартирахъ Осипа Бейта и сапожника Графинскаго, что подтверждается показаніями сознавшихся обвиняемыхъ Ксенжскаго (Т. II л. д. 184, 186, 168), Зотова и Франца Рыгеля. На сходкахъ этихъ Венцковскій игралъ видную роль, руководя бесѣдой, читая въ слухъ статью соціалистическаго направленія и управляя ходомъ выбора кассировъ.

Сверхъ изложеннаго, противъ Венцковскаго имѣются еще и другія серьезныя улики.

Дознаніемъ производившимся въ 1878 году о соціально-революціонной пропагандѣ обнаружено, что Венцковскій состоялъ въ связяхъ съ дѣятелями привлеченными въ качествѣ обвиняемыхъ. Переписка Ивана Гласко, Михаила Даниловича и Альдоны Гружевской указываетъ на Венцковскаго, какъ на серьезнаго пропагандиста, извѣстнаго среди посвященныхъ подъ названіемъ „Гоматовича" и „Ивановича", проживавшаго въ Петербургѣ въ Басковомъ переулкѣ. Кромѣ того при обыскѣ, привлеченнаго тоже въ качествѣ обвиняемаго къ дознанію 1878 года, Мечислава Грабовскаго, найдена на листѣ бумаги какая то революціонная программа, авторомъ которой Грабовскій назвалъ Александра Венцковскаго. На основаніи вышесказанныхъ данныхъ Венцковскій розыскивался при дознаніи 1878 года, но за выбытіемъ изъ Петербурга не былъ найденъ. Нынѣ по предъявленіи Венцковскому (Т. II л. д. 216) вопросовъ относительно фамиліи Гоматовича и копіи съ программы найденной у Грабовскаго, онъ во 1-хъ, если не прямо призналъ, что зналъ свои прозвища „Гоматовичъ" и „Ивановичъ", но во всякомъ случаѣ допустилъ, что эти вымышленныя фамиліи подразумѣваютъ его, Венцковскаго, и во 2-хъ, что предъявленная ему программа составлена имъ, но отъ дальнѣйшаго показанія по этимъ вопросамъ уклонился. Если такимъ образомъ принять во вниманіе съ

одной стороны, что Александръ Венцковскій давнишній знакомый Дзянковскаго и пріятель Мечислава Грабовскаго, Даниловича, Глазко, Гружевской, Рогальскаго, Геринга, т. е. значительнѣйшихъ дѣятелей соціально-революціонной пропаганды въ Варшавѣ, какъ прежней такъ и настоящей, а съ другой стороны, что непосредственное участіе его въ соціальной пропагандѣ констатировано, то этимъ достаточно объясняется выше сдѣланный выводъ, что онъ есть именно тотъ Александръ, отъ котораго ждали, по заявленію Дзянковскаго, денежной помощи Варшавскіе преступные дѣятели. Къ подтвержденію этаго вывода служитъ еще весь образъ жизни Венцковскаго. Числясь студентомъ Петербургскаго университета онъ проводитъ время въ разъѣздахъ; отдавъ часть бумагъ своихъ въ университетѣ, онъ сохраняетъ у себя свидѣтельство на жительство во всѣхъ городахъ Россіи, отъ директора Технологическаго Института и дипломъ инженера Технолога; разъѣзды свои облекаетъ въ тайну, такъ какъ не говоритъ напримѣръ родителямъ, считающимъ его въ Петербургѣ совершенствующимъ свое образованіе, что поступаетъ въ качествѣ домашняго учителя къ помѣщику кіевской губерніи Янковскому; остается на мѣстѣ три мѣсяца, въ теченіе которыхъ подъ вымышленнымъ предлогомъ два раза уѣзжаетъ; наконецъ, разставшись по незначительному поводу съ выгоднымъ мѣстомъ, въ мартѣ поселяется въ Варшавѣ, сказавъ родителямъ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ. Такое поведеніе Венцковскаго въ связи съ обнаруженною его дѣятельностію въ Варшавѣ должно быть объяснено какою нибудь скрываемою имъ цѣлью, сопряженною съ его ролью какого то *передвижнаго агента*, располагающаго денежными средствами, имѣющами источникъ конечно не въ его личномъ или отцовскомъ состояніи. Жизнь и дѣятельность его являетъ въ немъ настойчивость и энергію въ достиженіи своихъ цѣлей, которыя заставляютъ видѣть въ немъ одного изъ опаснѣйшихъ дѣятелей соціально-революціонной пропаганды въ Варшавѣ и внѣ ея.

5) *Альбинъ Францевичъ Ковальскій* 30 лѣтъ, и 6) *Діонисія Доминишна Цертовичъ* 37. лѣтъ жена натаріуса Курскаго Окружнаго суда, уроженка Кіевской губерніи, имѣетъ 7 дѣтей, получила воспитаніе въ Кіевѣ въ частномъ пансіонѣ.

Ковальскій уроженецъ Каменецъ Подольской губерніи, окончилъ курсъ наукъ въ Немировской гимназіи, а затѣмъ въ 1874 году въ Кіевскомъ университетѣ. Весною 1875 года Ковальскій, согласно его показанію, послѣ неудавшихся попытокъ вступить въ коронную службу, отправился въ Курскъ къ дальнему родственнику своему Нотаріусу тамошняго Окружнаго суда Чеславу Цертовичу и поступилъ къ нему въ домъ въ качествѣ домашняго учителя. Въ половинѣ лѣта 1875 года жена Нотаріуса Цертовича, Діонисія переселилась въ Варшаву съ цѣлью воспитывать тамъ дѣтей. Съ Г-жею Цертовичъ переѣхалъ и Альбинъ Ковальскій, который проживалъ съ нею на одной квартирѣ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ пребыванія въ Варшавѣ Г-жа Цертовичъ перемѣнила нѣсколько квартиръ, но вниманіе на себя она обратила, проживая на послѣдней: а именно, на Варецкой улицѣ въ домѣ подъ № 7.

Уже въ прошломъ году, во время производства дознанія о соціально-революціоной пропагандѣ, въ Варшавѣ были нѣкоторыя указанія на подозрительныя связи Альбина Ковальскаго и проживающей съ нимъ Г-жи Цертовичъ съ нѣкоторыми участниками въ соціально-революціонномъ движеніи. У Ковальскаго былъ даже сдѣланъ обыскъ, который однако не привелъ по результатамъ своимъ къ какому либо выводу о виновности Ковальскаго и недалъ достаточныхъ данныхъ для привлеченія его въ качествѣ обвиняемаго.

До начала настоящаго производства были уже указанія на близкія сношенія Альбина Ковальскаго и Г-жи Цертовичъ съ Дзянковскимъ, Софіею Пласковицкою и съ нѣкоторыми личностями пріѣзжающими съ цѣлями пропаганды въ Варшаву изъ другихъ мѣстностей. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій настоящаго дознанія былъ обыскъ квар-

тиры Г-жи Цертовичъ и Ковальскаго, но и въ этотъ разъ, какъ 1878 году ничего подозрительнаго не было, найдено. Но тѣмъ не менѣе дальнѣйшимъ ходомъ дознанія противъ Альбина Ковальскаго и Діонисіи Цертовичъ обнаружены были слѣдующія обстоятельства, послужившія основаніемъ къ привлеченію ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ.

1) Людвигъ Дзянковскій былъ въ числѣ учителей дѣтей Г-жи Цертовичъ. Въ бумагахъ, найденныхъ при обыскѣ его оказался листъ почтовой бумаги съ буквами А. К. и на листѣ этомъ была помѣщена часть статьи соціалистическаго содержанія. По соображеніи этихъ буквъ съ именемъ Альбина Ковальскаго, явилось предположеніе о томъ, не принадлежитъ ли почеркъ рукописи этой рукѣ Ковальскаго и для убѣжденія въ томъ былъ потребованъ отъ Ковальскаго образчикъ его несомнѣннаго почерка. Корпуса Жандармовъ Капитанъ Секеринскій представилъ къ дѣлу рукопись, врученную ему Ковальскимъ, по обозрѣніи которой однако никакого сходства съ почеркомъ выписаннаго листка найденнаго у Дзянковскаго не оказалось. Когда же вызваннаго къ допросу Альбина Ковальскаго пригласили написать нѣсколько словъ по польски, явилось очевиднымъ, что этимъ почеркомъ написанъ найденный въ вещахъ Дзянковскаго листокъ. Ковальскій, по предъявленіи ему призналъ въ листкѣ этомъ свою рукопись и объяснилъ, что однажды когда Дзянковскій давалъ урокъ дѣтямъ Г-жи Цертовичъ онъ оставилъ на столѣ въ комнатѣ Ковальскаго какія то бумаги; заливъ ихъ по неосторожности чернилами; Ковальскій счелъ долгомъ поправить свою оплошность и переписалъ запачканный имъ чернилами листъ и такимъ образомъ попала къ Дзянковскому его рукопись. Но такое объясненіе представляется крайне неправдоподобнымъ. Случайность въ данномъ обстоятельствѣ можетъ относиться только до нахожденія такого вещественнаго доказательства противъ Ковальскаго, державшагося крайне осторожно и тщательно уничтожавшаго всякіе слѣды своихъ сношеній съ соціалистами. Впрочемъ на искуственность объясненій

Ковальскаго наводитъ и другое объясненіе, данное студентомъ, Шпотанскимъ, относительно найденныхъ рукописей его почерка у Дзянковскаго-же. Шпотанскій объяснилъ, что находясь однажды у товарища своего Злотницкаго, залилъ нечаянно чернилами бумаги и счелъ долгомъ переписать ихъ (о Шпотанскомъ сказано ниже). Во всякомъ случаѣ очевидно, что Ковальскій тѣмъ или другимъ путемъ зналъ о направленіи Дзянковскаго, котораго однако, не смотря на то, и пользуясь полнымъ авторитетомъ по всѣмъ вопросамъ воспитанія дѣтей Г-жи Цертовичъ, не устранялъ отъ преподаванія два раза въ недѣлю уроковъ этимъ дѣтямъ.

2) Въ домъ Г-жи Цертовичъ направлялись пріѣзжіе въ Варшаву соціалисты. Софья Пласковицкая, прибывшая въ Варшаву со времени арестованія сестры своей Филипины, обвиняемой по дознанію о соціально-революціонной пропагандѣ 1878 года, съ первыхъ дней пріѣзда знакома съ Г-жею Цертовичъ; поселившись въ одномъ съ нею домѣ, проводитъ большую часть времени у Г-жи Цертовичъ; Прибывшая въ мартѣ настоящаго года въ Варшаву съ цѣлью соціально-революціонной пропаганды Цезарина Войнаровская останавливается у Цертовичъ до пріисканія себѣ квартиры и тамъ встрѣчается съ главными здѣшними дѣятелями соціалистами.

3) Изъ показанія Адама Сидорека, слѣдуетъ придти къ заключенію (Т. I л. д. 14, 16), что названная Дзянковскимъ „баба", у которой хранились деньги соціалистовъ, проживала подъ № 7, адресъ же Г-жи Цертовичъ; Варецкая домъ подъ № 7. Такое совпаденіе въ виду вообще поведенія Г-жи Цертовичъ не представляется только случайнымъ совпаденіемъ.

4) У Г-жи Цертовичъ познакомился съ дѣятелями пропаганды Висневскій, встрѣтившійся тамъ съ Войнаровскою по собственному его сознанію, а это знокомство было на столько близко, что къ Цезаринѣ Войнаровской, Висневскій обратился за совѣтомъ, куда бы скрыть по случаю обысковъ

компрометирующія его бумаги. Такія обстоятельства указываютъ на характеръ отношеній гостей Г-жи Цертовичъ. Дзянковскій въ своей запискѣ къ Пласковицкой выражаетъ надежду встрѣтить ее на Варецкой, чтобы переговорить о дѣлахъ очевидно дѣло идетъ о квартирѣ Г-жи Цертовичъ, гдѣ Пласковицкая бывала на Варецкой.

Нельзя не обратить вниманія и на обстоятельства, изложенныя въ показаніи Елены Конъ о той случайности, по которой она попала въ квартиру Г-жи Цертовичъ (Т. II л. д. 176, 178). Разсказъ о томъ будто Г-жа Цертовичъ условливалась объ урокахъ музыки за свою родственницу Филиповскую и, что Елена Конъ только по этому поводу узнала Г-жу Цертовичъ, хотя не видала самой учительницы и никакихъ уроковъ музыки не брала. Разсказъ этотъ не правдоподобенъ и наводитъ лишь на заключеніе, что Елена Конъ сочувствующая и содѣйствующая цѣлямъ Варшавскихъ соціалистовъ по этому поводу и познакомилась съ Г-жею Цертовичъ.

Совокупность всего вышесказаннаго не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что у Г-жи Цертовичъ собирались дѣятели пропаганды, при чемъ, хотя нѣтъ доказательствъ, что эти свиданія устраивались Г-жею Цертовичъ и чтобы она принимала какое либо дѣятельное участіе лично въ соціально-революціонной пропагандѣ, но несомнѣнно, что она не могла не знать характера и дѣятельности Ковальскаго, Дзянковскаго и другихъ у нея бывавшихъ, а подъ вліяніемъ Ковальскаго не только не доносила объ нихъ, но даже не препятствовала личностямъ этимъ сходится въ своей квартирѣ. Такимъ образомъ является очевиднымъ, что въ домѣ Г-жи Цертовичъ останавливаются, между собою знакомятся и входятъ въ сношенія лица принадлежащія къ болѣе выдающимся соціально-революціоннымъ пропагандистамъ города Варшавы (Дзянковскій, Пласковицкая, Елена Конъ, Висневскій, Цезарина Войнаровская), что направленіе этихъ лицъ не могло не быть извѣстнымъ Ковальскому, такъ какъ его собственною рукою, по его же сознанію

переписана была часть статьи соціалистическаго направленія, принадлежность которой Дзянковскому была ему извѣстна даже если исключительно вѣрить его собственнымъ показаніямъ. Наконецъ, что состоя воспитателемъ въ близкомъ ему семействѣ, Ковальскій не только допускаетъ въ качествѣ учителей въ домѣ такихъ лицъ, какъ Дзянковскій, но и находится съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, зная ихъ характеръ и направленіе.

7) *Цезарина Константиновна Войнаровская* 20 лѣтъ, уроженка города Каменецъ Подольска. Войнаровская воспитаніе получила въ Кишиневской женской гимназіи, по окончаніи которой въ 1877 году поступила въ С.-Петербургскіе врачебные курсы.

Согласно собственному ея показанію, прибыла въ Варшаву, гдѣ поселилась у Г-жи Цертовичъ (Т. I л. д. 114, 154), у своей давнишней знакомой. Тамъ познакомилась съ Дзянковскимъ, Софіею Пласковицкою, Альбиномъ Ковальскимъ. Заболѣвъ въ Петербургѣ тифомъ, она, по совѣту докторовъ, пріѣхала въ Варшаву съ цѣлью поправленія здоровья и для занятій преподаваніемъ уроковъ. Между тѣмъ немедленно почти по пріѣздѣ своемъ вступила въ дѣятельную роль пропагандистки.

Въ числѣ рукописей найденныхъ у Людвига Дзянковскаго оказались статьи соціалистическаго направленія переписанныя ея рукою и хотя она согласившись о сходствѣ этихъ рукописей съ ея почеркомъ, отвергаетъ однако свое участіе въ литературныхъ работахъ, сдѣланныхъ вѣроятно по указанію Дзянковскаго, но по сличенію почерковъ и согласно мнѣнію экспертовъ несомнѣнно, что отрицаніе ея не согласно съ обстоятельствами дѣла. Во время пребыванія своего съ 10 марта въ Варшавѣ она бывала на собраніяхъ у Дзянковскаго, на которыхъ обсуждалось положеніе дѣлъ (Показ. Сидорека Т. I л. д. 289) Варшавскаго сообщества соціалистовъ и кромѣ того на сходкахъ рабочихъ собиравшихся на Панской улицѣ въ домѣ подъ № 77 на квартирѣ сапожника Графинскаго вмѣстѣ съ Пласковицкою, Пухе-

вичемъ и Венцковскимъ, а съ послѣднимъ чередовалась даже въ чтеніи въ слухъ какой то статьи. Личность ея опознана находившимися на той же сходкѣ рабочими Ксенжекимъ и Рыгелемъ (Т. II л. д. обор. 168 и 218).

Пропагаторская цѣль поѣздки Цезарины Войнаровской въ Варшаву была несомчѣнно предпоставлена ей еще въ Петербургѣ, такъ какъ въ Варшавѣ она начала свою дѣятельность почти немедленно по прибытіи своемъ. На такую цѣль ея указываетъ между прочимъ и переписка ея съ пріятельницей ея Щусовой, тоже слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ, которая въ письмѣ присланномъ во время арестованія Войнаровской, увѣдомляя о разныхъ неудачахъ, постигшихъ ея знакомыхъ въ Петербургѣ (Т. II л. д. 53), прибавляетъ: дай Богъ, чтобы хотя вы дѣло дѣлали въ Варшавѣ. Такое желаніе не могло бы относиться къ преподаванію уроковъ, какъ объяснила Войнаровская потому, что она съ пріѣзда своего не занималась таковыми, а если и писала о какихъ либо занятіяхъ, то въ виду вышеизложеннаго при существованіи повидимому откровенныхъ отношеній съ Щусовой немогла говорить объ урокахъ. Тотчасъ по производствѣ первыхъ обысковъ у главныхъ, виновныхъ, Войнаровская помогала обратившемуся къ ней обвиняемому Висневскому въ скрытіи компрометирующихъ его книгъ и рукописей.

По справкамъ въ Петербургѣ о Войнаровской неполучено свѣдѣній о какой либо компроментирующей ея дѣятельности, но во всякомъ случаѣ роль ея въ средѣ Варшавскихъ пропагандистовъ обозначилась достаточно ясно.

8) *Софья Константиновна Пласковицкая* 25 лѣтъ, уроженка Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи дѣвица, родители ея проживаютъ въ г. Кіевѣ, изъ коихъ отецъ состоитъ управляющимъ домомъ. Воспитаніе Пласковицкая получила домашнее. Прибыла она въ Варшаву въ сентябрѣ прошедшаго года, гдѣ и поселилась по поводу арестованіи сестры ея. Сначала она жила на Варецкой въ домѣ подъ

№ 7 тамъ же гдѣ проживаетъ Г-жа Цертовичъ, а чрезъ нѣсколько времени поселилась въ квартирѣ съ родственницею послѣдней Филиповсвой, гдѣ проживала впрочемъ недолго, переѣхавъ наконецъ на отдѣльную квартиру на улицѣ Братской.

Поселившись въ Варшавѣ Софья Пласковицкая, имѣвшая свиданія съ заключенною въ X Павильонѣ Варшавской Цитадели сестрой своей; содѣйствовала къ сообщенію арестованныхъ тамъ же соціалистовъ съ наружнымъ миромъ. Такое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ записки найденной при обыскѣ въ тюрьмѣ въ февралѣ настоящаго года, гдѣ упоминается „Яскулка“ (ласточка) сестра Филипины, чрезъ которую можно было посылать книги. Записка эта въ числѣ прочихъ представлена, вмѣстѣ съ первымъ дознаніемъ о соціально-революціонной пропагандѣ, производившимся въ 1878 году, къ Господину Министру Юстиціи.

Кромѣ того въ концѣ марта, когда въ рукахъ Прокурорскаго надзора и Жандармскаго Управленія сосредоточивались главныя нити, къ открытію преслѣдуемаго нынѣ дѣла была представлена, Завѣдывающимъ X Павильономъ Варшавской Цитадели, записка найденная при обыскѣ въ вещахъ предназначенныхъ для передачи отъ Софіи Пласковицкой сестрѣ ея Филипинѣ. Около того же времени содержащійся въ Цитадели по дознанію производившемуся въ 1878 году, Иванъ Томашевскій заявилъ, что ему извѣстенъ одинъ изъ ключей къ шифру, посредствомъ котораго арестанты Цитадели, ведутъ тайную переписку. Путемъ этаго ключа удалось разобрать нѣсколько словъ написанныхъ шифромъ въ запискѣ къ Софіи Пласковицкой, изъ которыхъ оказалось, что она сообщала сестрѣ о задержаніи въ Краковѣ трехъ личностей подъ буквами М. Л и А. Такъ какъ по конфиденціальному сообщенію Австрійскихъ властей было извѣстно, что въ февралѣ были арестованы въ Краковѣ прибывшіе туда изъ Русской Польши соціалисты, въ числѣ которыхъ находился и скрывшійся изъ Варшавы, Людвигъ Варынскій, то слѣдуетъ полагать, что объ этомъ

Варынскомъ, близкомъ знакомомъ сестеръ Пласковицкихъ и упоминаетъ Софія въ своей запискѣ, называя его буквою Л. (Людвигъ) Во всякомъ случаѣ свѣдѣнія, имѣвшіяся у Софіи доказывали о сношеніяхъ ея съ соціалистами, что и совпадало уже въ то время съ доставленными о ней свѣдѣніями изъ негласныхъ за нею наблюденій.

По обыску Софіи Пласковицкой, у ней были найдены сочиненія соціально-революціоннаго направленія, а въ бумагахъ ея оказалось письмо начинающееся, словами: „Сливка проситъ Васъ" (онемъ уже было упомянуто при перечисленіи уликъ противъ Дзянковскаго) признанное Людвигомъ Дзянковскимъ за отправленное имъ. Хотя Дзянковскій и отрицалъ, чтобы эта записка была адресована къ Софіи Пласковицкой, но такое объясненіе не заслуживаетъ никакого довѣрія, ибо письмо написано къ женщинѣ, найдено у Пласковицкой, которая впрочемъ и не отвергаетъ, чтобы оно было писано къ ней, отказываясь лишь показать отъ кого она его получила. Записка эта безъ сомнѣнія указываетъ на дѣла, которыя она имѣетъ съ Дзянковскимъ и о характерѣ которыхъ безошибочно можно заключить, если принять въ соображеніе, что Дзянковскій и Сливинскій (очевидно подразумѣваемый подъ прозвищемъ „Сливка"): представляютъ собою дѣятелей соціалистическаго сообщества.

Кромѣ того въ бумагахъ Пласковицкой найдены: а) наброски плановъ Варшавы съ обозначеніемъ улицы Лешно и отмѣткою дома № 4, гдѣ жилъ Дзянковскій, и Сенаторской, гдѣ указанъ домъ, въ которомъ проживалъ, обвиняемый по дознанію 1878 года, Бржезинскій б) стихотвореніе подъ заглавіемъ утренняя пѣснь, которая служила основаніемъ шифра, которымъ между другими пользовались соціалисты, заключенные въ X Павильонѣ Варшавской Цитадели для тайныхъ переписокъ, въ которыхъ участвовала Софья Пласковицкая в) письмо къ Софьи отъ сестры ея Ипполиты Пласковицкой, имѣющее уже значеніе, какъ сообщающее Софіи Пласковицкой иносказательно о происходя-

щемъ въ Кіевѣ и выражающее интересъ къ тому (Т. I л. д. 183), что дѣлается въ Варшавѣ. По поводу этаго письма, было сдѣлано сношеніе съ Г. Начальникомъ Кіевскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія для производства обыска въ квартирѣ Ипполиты Пласковицкой, и предложенія ей разъясненія значенія письма ея къ сестрѣ Софіи. Ипполита Пласковицкая, допрошенная въ Кіевѣ, не дала въ сущности удовлетворительнаго показанія по поводу письма своего къ сестрѣ, объясняя свои явно иносказательныя выраженія, помѣщенныя въ письмѣ совершенно неправдоподобна. Въ числѣ бумагъ (Т. II л. д. 7, 8), отобранныхъ у Ипполиты Пласковицкой обращаетъ тоже на себя вниманіе, найденное у нея письмо изъ Варшавы отъ сестры ея Софіи, которое уже прямо указываетъ на направленіе последней. Въ письмѣ этомъ Софія Пласковицкая послѣ вопроса о томъ, что дѣлаютъ подруги Ипполиты спрашиваетъ: „дѣвица Евг... позволяетъ ли расчитывать на себя, какъ на личность, которая безусловно пожелаетъ изъ эгоистическихъ побужденій предаться дѣлу соціальной революціи?— эту фразу я разъясню въ письмѣ къ ней“.

Не касаясь вопроса о томъ, насколько такая переписка съ Ипполитою Пласковицкою бросаетъ тѣнь на отношенія послѣдней въ Кіевѣ, такъ какъ объ этомъ, какъ о предметѣ касающемся компетентности Кіевскихъ властей, разслѣдованіе не подлежало производству въ Варшавѣ, нельзя не обратить вниманія, что переписка эта характерезуетъ Софію Пласкевицкую, какъ личность, преданную революціонному дѣлу. Если же къ тому принять во вниманіе связи Софіи Пласковицкой съ Г-жею Цертовичъ, гдѣ она сходилась съ Дзянковскимъ, Ковальскимъ, гдѣ познакомилась съ Цезариной Войнаровской, которой способствовала нанять квартиру и наконецъ заявленіе сознавшихся обвиняемыхъ, Адама Сидорека, Людвига Ксенжскаго, Рыгеля и свидѣтеля Арефія Зотова о томъ (Т. I л. д. 289. Т. II л. д. 185. Т. II л. д. 168), что Софія Пласковицкая появлялась на собраніяхъ у Дзянковскаго и на сходкахъ рабочихъ

у Графинскаго, то участіе Софіи Пласковицкой въ дѣятельности Варшавскаго соціально-революціоннаго сообщества, явится вполнѣ опредѣлившимся. Находясь уже въ Цитадели София Пласковицкая писала записку, вѣроятно предназначавшуюся для передачи сестрѣ ея. Записка эта указываетъ, на сколько Софія Пласковицкая посвящена въ подробности связей соціалистовъ и какая между ею и ими существуетъ солидарность. Нельзя сверхъ сего обойти молчаніемъ и того (Т. II л. д. 211, 212), что Софія Пласковицкая отказалась давать какія либо объясненія объ отношеніяхъ своихъ къ кому бы то ни было (Т. I л. д. 163).

9) *Казиміръ Альфонсовичъ Пухевичъ* 21 года, уроженецъ г. Варшавы; воспитаніе получилъ въ III Варшавской классической гимназіи, гдѣ окончивъ курсъ въ 1875 году, поступилъ въ Варшавскій университетъ гдѣ находился на 4 курсѣ по юридическому факультету.

Свѣдѣнія полученныя негласнымъ путемъ до начала дознанія, указывавшія на знакомство его со студентами Дзянковскимъ и Рогальскимъ и на участіе его въ пропагандѣ соціалистическихъ идей, дали основаніе для обыска его квартиры, который долженъ былъ быть произведенъ 7 апрѣля, но въ виду отсутствія Пухевича изъ Варшавы обыскъ былъ отложенъ. Прибывшій въ Варшаву послѣ произведенныхъ обысковъ 7 апрѣля, Пухевичъ былъ задержанъ у квартиры арестованнаго уже тогда Станислава Рогальскаго, куда онъ пришелъ, не зная вѣроятно объ арестованіи послѣдняго. Произведеннымъ затѣмъ въ квартирѣ Пухевича обыскомъ не было обнаружено ничего могущаго служить къ его обвиненію и вообще дознаніемъ въ то время не было еще добыто противъ него достаточныхъ уликъ; почему и принимая во вниманіе его положеніе какъ студента, которому предстояли окончательные экзамены, производящій дознаніе нашелъ возможнымъ освободить его отъ заключенія подъ особый надзоръ полиціи. При дальнѣйшемъ же ходѣ дознанія полученныя негласнымъ путемъ свѣдѣнія о Пухевичѣ, подтвердились показаніемъ Арефія

Зотова, признавшаго въ немъ одно изъ лицъ (Т II л. д. 157), участвовавшихъ на сходкѣ у сапожника Графинскаго, гдѣ въ то же время были Войнаровская, Пласковицкая и Венцковскій, знакомсво съ которыми Пухевичъ отвергалъ.

10) *Стефанъ Казиміровичъ Шпотанскій* 23 лѣтъ, уроженецъ города Варшавы. По окончаніи курса наукъ въ Радомской гимназіи поступилъ въ 1875 г. въ Варшавскій университетъ на факультетъ математическихъ наукъ, гдѣ и состоялъ на 3 курсѣ. Шпотанскій былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дознанію, производившемуся въ 1878 году по обвиненію его въ знаніи о социалистическомъ революціонномъ движеніи въ Варшавѣ и недонесшій о томъ.

Свѣдѣнія, доходившія до производящаго дознаніе о Шпотанскомъ, хотя и указывали о связяхъ его съ главными руководителями дѣла пропаганды въ Варшавѣ, но тѣмъ не менѣе были всетаки на столько неопредѣлены, что не представлялось достаточныхъ данныхъ къ его привлеченію къ настоящему дознанію. Въ продолженіе же настоящаго дознанія, негласнымъ путемъ собираемыя свѣдѣнія, приписывали Шпотанскому роль не только знающаго о дѣйствіяхъ соціалистовъ, но и способствующаго къ сокрытію слѣдовъ преступленія. Произведеннымъ у него обыскомъ не было обнаружено у него чего либо, могущаго служить къ его обвиненію. Во время же производства дознанія, въ числѣ вещей найденныхъ въ квартирѣ Ивана Пашке въ томъ чемоданѣ, который попоказанію послѣдняго переданъ былъ ему на храненіе обвиняемымъ Станиславомъ Рогальскимъ, оказалась записочка, писанная повидимому привлеченнымъ къ дознанію и скрывшимся за границу Мендельсономъ, гдѣ между прочимъ упоминалось о Шпотанскомъ, какъ о личности, съ которой слѣдовали какія то деньги. Допрошенный по этому поводу Шпотанскій показалъ, что записка, предъявленная ему, гдѣ упоминается его фамилія написана почеркомъ Мендельсона, но содержанія этой за-

писки не объяснилъ. Признавая, что данныя о Шпотанскомъ могутъ лишь служить къ признанію виновнымъ въ недонесеніи, производящій дознаніе нашелъ возможнымъ принять противъ него мѣрою обезпеченія учрежденіе надъ нимъ полицейскаго надзора. Когда же при розыскахъ къ открытію тѣхъ лицъ, коихъ почерки были найдены въ бумагахъ Людвига Дзянковскаго и которыми были написаны различныя статьи, болѣе или менѣе относящіяся къ преслѣдуемымъ Варшавскими соціалистами цѣлямъ пропаганды, оказалась рукопись повидимому принадлежащая перу Шпотанскаго, то таковая была ему предъявлена. Рукопись эта заключаетъ въ себѣ переводъ одного изъ воззваній, сдѣланныхъ Парижской Коммуной къ народу. По поводу этой рукописи Шпотанскій показалъ, что однажды находясь на квартирѣ студента Злотницкаго, нечаянно залилъ его бумаги чернилами и переписалъ испорченную имъ рукопись, заключающую въ себѣ воззваніе. Оставивъ переписанное имъ у Злотницкаго, Шпотанскій не могъ, по словамъ его, объяснить, какимъ образомъ и для чего оно попало къ Дзянковскому, котораго онъ мало зналъ. Такой разсказъ Шпотанскаго о томъ какъ какъ онъ залилъ чернилами бумаги Злотницкаго тождественъ съ объясненіемъ Ковальскаго по поводу рукописи его найденной у Дзянковскаго и равнымъ образомъ не правдоподобенъ. Студентъ Злотницкій по всѣмъ даннымъ принадлежалъ къ числу главныхъ дѣятелей пропаганды. Онъ былъ близокъ и солидаренъ съ Дзянковскимъ а также съ Шпотанскимъ и если послѣдній, что слѣдуетъ думать, дѣлалъ по его порученію переводъ революціоннаго воззванія, то конечно не могъ не знать для какой цѣли это было нужно Злотницкому, а потому и слѣдуетъ придти къ заключенію, что Шпотанскій, на основаніи изложеннаго долженъ быть разсматриваемъ какъ пособникъ литературной части пропаганды.

11) *Доминикъ Фелиціановичъ Рымкевичъ* 24 лѣтъ, уроженецъ города Вильны изъ дворянъ, воспитывался въ Виленской гимназіи, а въ 1876 году прибылъ въ Варшаву

и поступилъ вольнослушателемъ на медицинскій факультетъ.

При обыскѣ Рымкевича, жившаго вмѣстѣ съ студентомъ Чарковскимъ на квартирѣ занимаемой отцомъ перваго было обнаружено: 29 экземпляровъ соціально-революціоннаго обозрѣнія „Земля и Воля“ № 1-й 1878 года, и 17 экземпляровъ изданной въ Лейпцигѣ брошюры, составляющей какъ бы катихизисъ соціалистовъ поляковъ, о которомъ было говорено выше при указаніи на сочиненія наиболѣе рисующія направленіе здѣшней пропаганды (Проток. осмотр. веществ. доказат. Т. I л. д. 143. Переводъ брошюры л. д. 144—145). Одинъ экземпляръ нѣмецкой брошюры Ивана Моста подъ заглавіемъ „Капиталъ и трудъ“ и кромѣ того начало перевода статьи этой на польскій языкъ. На брошюрѣ этой выставлены двѣ буквы B. S. и № 136.

По допросѣ Рымкевича, онъ не призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, преслѣдующему соціально-революціонныя цѣли, хотя и показалъ, что съ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ въ этомъ преступленіи былъ знакомъ по университету. Присутствіе выше означенныхъ брошюръ и журнала онъ объяснилъ тѣмъ, что получилъ все это отъ какого то до сихъ поръ ему неизвѣстнаго студента, который зашелъ къ нему за нѣсколько дней до произведеннаго у него обыска и просилъ Рымкевича спрятать у себя найденныя у него брошюры и журналъ. Фамилію свою приходившій студентъ хотя и называлъ, но Рымкевичъ ее позабылъ.

Такое объясненіе Рымкевича по своей невѣроятности не заслуживаетъ уваженія. Напротивъ того нельзя не придти къ заключенію, что онъ принадлежитъ къ числу знающихъ о дѣятельности Варшавскихъ соціалистовъ и по всѣмъ даннымъ принимавшихъ непосрдственное участіе въ дѣятельности ихъ. Значительное количество найденныхъ у него однородныхъ изданій указываетъ на цѣль ихъ распространенія, а начатый имъ переводъ на польскій

языкъ брошюръ Моста „Капиталъ и трудъ", который по собственному (Т. II л. д. 244) показанію онъ приготовлялъ къ печати указываетъ, что самая брошюра не случайно къ нему была принесена въ числѣ другихъ, какимъ то студентомъ, а получена имъ отъ кого либо изъ участвующихъ въ настоящемъ дѣлѣ лицъ. Отмѣтка на нѣмецкой брошюрѣ B. S. № 136, встрѣчается и другихъ обвиняемыхъ на отобранныхъ при обыскахъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ. Такъ напримѣръ, такія же буквы имѣются на брошюрѣ Либкнехта Въ защиту (Zum frutz und Schütz) найденной у Геринга и служившей основаніемъ къ составленной имъ компиляціи, оказавшейся у Дзянковскаго. Представляется слѣдовательно вполнѣ основательнымъ заключить, что получивъ изъ общаго источника, снабжавшаго Варшавскихъ соціалистовъ книгами соціалистическаго направленія сочиненія Моста, Рымкевичъ готовился обогатить литературу соціалистовъ польскихъ лишнимъ произведеніемъ. Кѣмъ именно сдѣланы отмѣтки „B. S," на попадающихся брошюрахъ и книгахъ не извѣстно, но представляется полно вѣроятіе, что буквы эти означали слова «Biblioteka Socyalistów или Socyalistyczna». Вышеозначенныя обстоятельства указываетъ на Доминика Рымкевича, какъ на одного изъ пособниковъ дѣлу распространенія соціалистической пропаганды и преступнаго ея направленія.

12) *Елена Яковлевна Конъ*, 20 лѣтъ отъ роду, уроженка города Варшавы, дочь купца, еврейка, воспитаніе получила въ частномъ пансіонѣ, гдѣ прошла три класса.

Елена Конъ обратила уже на себя вниманіе производившихъ дознаніе о соціально-революціонной пропагандѣ въ 1878 году. Послѣ арестованія Максимиліана Гейльнерна, оставшіеся на свободѣ соучастники его, старались устроить сношенія съ арестованными обвиняемыми и достигнуть этимъ путемъ однообразныхъ показаній по такимъ обстоятельствамъ, которыя при разнорѣчивыхъ объясненіяхъ могли бы служить уликами по дѣлу. Какъ на при-

мѣръ такаго обстоятельства указывать можно на четыре записки, отобранныя при свиданіи, разрѣшенномъ Гейльперну съ родными; одна изъ отобранныхъ записочекъ была написана Еленою Конъ, двѣ принесены для передачи Гейльперну отъ другихъ обвиняемыхъ и одна была написана Гейльперномъ для передачи находившемуся тогда на свободѣ Іосифу Плавинскому. Елена Конъ въ свою очередь писала Гейльперну: „Мать поѣхала въ понедѣльникъ вечеромъ въ Краковъ, чтобы розыскать тамъ какого то Роптера, Іосифъ Пл. (Плавинскій) далъ ей письмо къ Людвику В. (Варынскому) съ тѣмъ, чтобы онъ ей помогъ; оттуда она поѣдетъ въ Вѣну, гдѣ встрѣтитъ Яшу (живущаго въ Мюнхенѣ брата Гейльперна Якова) и сообщитъ ему точныя свѣдѣнія о всемъ дѣлѣ; съ этою цѣлью взяла она съ собою записку, которую ты приказалъ для него спрятать“ и далѣе мать, выѣзжая очень опасалась личнаго обыска на границѣ и т. д.

Елена Конъ и мать ея Паулина были привлечены къ дознанію, производившемуся въ 1878 году въ качествѣ обвиняемыхъ въ томъ, что, не участвуя въ пропагандѣ сами, завѣдомо оказали содѣйствіе дѣятелямъ ея. На основаніи изложеннаго, обѣ Конъ, мать и дочь были освобождены изъ подъ стражи, только подъ условіемъ внесенія значительнаго денежнаго залога (всего въ 9000 рублей).

Между тѣмъ передъ приступомъ къ настоящему дознанію негласныя свѣдѣнія, полученныя относительно Елены Конъ приписывали ей роль содѣйствующей въ тайнѣ цѣлямъ пропаганды и пишущей по заказу Сигизмунда Геринга статьи, предназначенныя для распространенія.

Свѣдѣнія о сношеніяхъ Елены Конъ съ какимъ то Сигизмундомъ безъ означенія его фамиліи были извѣстны по письмамъ ея къ Гейльперну еще при производствѣ перваго дознанія. При разсмотрѣніи вещественныхъ доказательствъ Дзянковскаго въ числѣ статей разными почерками написанныхъ, о которыхъ неоднократно говорено выше, найдена одна съ поправками и добовленіями, сдѣланными самимъ

Дзянковскимъ. По сличеніи почерка статьи этой подъ заглавіемъ „Положеніе рабочаго класса", составляющей извлеченіе изъ книги Карла Маркса „Капиталъ", съ несомнѣннымъ почеркомъ Елены Конъ—таковой оказался тождественнымъ.

Допрошенная по поводу этой статьи Елена Конъ показала (Т. II л. д. 176, 177), что статью эту писала для себя и не знаетъ какимъ образомъ рукопись эта у нея исчезла и попала къ Дзянковскому, котораго не знаетъ вовсе. При этомъ Елена Конъ показала, что знакома съ Сигизмундомъ Герингомъ но, что онъ не тотъ „Сигизмундъ", о которомъ она писала въ захваченной ея перепискѣ съ дядей своимъ Максимиліаномъ Гейльперномъ. По предложенному ей вопросу о знакомствѣ ея съ Г-жею Цертовичъ (свѣдѣнія объ этомъ знакомствѣ были доставлены агентами), Елена Конъ дала объясненіе крайне неудовлетворительное. Она показала, что узнавъ изъ газетъ, что нѣкая Филипповская, проживающая на улицѣ Видокъ подъ № 1 предлагаетъ свои услуги для преподаванія уроковъ музыки она отправилась по адресу, а когда пришла на квартиру эту, то, непомнитъ отъ кого узнала, что объ условіяхъ уроковъ можно узнать на Варецкой домъ № 7 у Г. Цертовичъ, отправившись на эту квартиру она, Конъ, переговорила съ какою то женщиною лѣтъ подъ 40, по ея предположенію Г-жею Цертовичъ; Учительницѣ музыки она не видала и уроковъ не брала, такъ, какъ мать ея этаго не пожела. Съ Софьею Пласковицкою тоже незнакома, но видѣла ее только при посѣщеніи тюрьмы, когда навѣщала своего дядю Гейльперна. Между тѣмъ извѣстно, что Филиповская жила одно время на улицѣ Видокъ подъ № 1 вмѣстѣ съ Софіею Пласковицкою.

Рукопись Елены Конъ заключающая въ себѣ статью, имѣющую значеніе въ общей совокупности другихъ соціалистическаго содержанія, которыя находились у Дзянковскаго; весьма неправдоподобныя объясненія ея о происхожденіи и цѣли написанія ея, странная исторія о поводѣ

знакомства ея съ Г-жею Цертовичъ и Софіею Пласковицкою, личностями вполнѣ изобличенными въ принадлежности къ соціалистическому сообществу въ Варшавѣ заставляющая думать, что она придаетъ знакомству этому не настоящій видъ; сношенія ея съ Сигизмундомъ Герингомъ, тождество котораго съ упоминаемымъ Сигизмундомъ въ перепискѣ съ Гейльперномъ, она отрицаетъ, не доказывая однако этаго въ связи съ тѣми обстоятельствами, которыя послужили къ ея привлеченію къ дѣлу о соціально-революціонной пропагандѣ, производившемуся въ 1878 году, заставляютъ видѣть въ Еленѣ Конъ личность, пособничество которой не только дѣятелямъ пропаганды, но и самому дѣлу ея должно быть признано вполнѣ доказаннымъ.

13) *Казиміръ Геронимовичъ Плавинскій* 21 года, уроженецъ города Могилева на Днѣпрѣ изъ дворянъ, окончивъ курсъ въ одной изъ Варшавскихъ гимназій, поступилъ въ Варшавскій университетъ, гдѣ и состоитъ на III-мъ курсѣ Медицинскаго Факультета. Плавинскій былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дознанію о соціально-революціонной пропагандѣ въ 1878 году. На него падало обвиненіе въ участіи въ распространеніи соціальнаго ученія.

Прежде производства настоящаго дознанія, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ Австрійскими властями оказалось, что арестованному въ Краковѣ соціалисту проживавшему прежде въ Варшавѣ Пекарскому были пересланы изъ Варшавы черезъ Краковскій Банкъ деньги 54 гульдена, заплоченныя для пересылки ихъ Пекарскому подъ именемъ Зелинскаго (каковымъ онъ себя въ Краковѣ называлъ) въ учетномъ Банкѣ въ Варшавѣ, Плавинскимъ. Въ началѣ настоящаго дознанія одинъ изъ первыхъ обысковъ былъ сдѣланъ у Казиміра Плавинскаго. Изъ книгъ указывающихъ направленіе Казиміра Плавинскаго и найденныхъ у него, можно указать „Косвенные налоги Ляссаля“ и обычаи и нравы Спенсера; а впрочемъ ни брошюръ ни книгъ преступнаго содержанія, равно какъ и никакой переписки обыскомъ у него не обна-

ружено. На одной изъ книгъ взятыхъ у Казиміра Плавинскаго оказалась надпись Станиславъ Некарскій.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Казиміръ Плавинскій отвергъ знакомстро свое съ Некарскимъ, а присутствіе фамиліи этой на находившейся у него книгѣ ничѣмъ не могъ объяснить. Всякое свѣдѣніе свое о соціалистической пропагандѣ въ Варшавѣ Плавинскій отрицалъ. Между тѣмъ не только вслѣдствіе свѣдѣній добытыхъ о немъ при дознаніи 1878 года, но и вслѣдствіе показанія о немъ Адама Сидорека (Т. II л. д. обор. 185), признавшаго его за видѣннаго имъ у Людвига Дзянковскаго на одномъ изъ собраній у него бывшихъ, гдѣ разсуждалось о разныхъ дѣлахъ, касавшихся общества соціалистовъ и состоянія ихъ кассы, есть основаніе утверждать, что Казиміръ Плавинскій продолжалъ поддерживать связи свои съ Варшавскими соціалистами революціонерами. Непосредственнаго же участія Казиміра Плавинскаго въ распространеніи соціалистической агитаціи не было въ дѣлѣ доказано.

14) *Антонъ Онуфріевичъ Висневскій* 26 лѣтъ, уроженецъ города Варшавы изъ дворянъ, воспитывался во II Варшавской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ, а затѣмъ въ 1871 году въ Варшавскомъ университетѣ, но изъ 1-го курса вышелъ по болѣзни. Въ 1877 году Висневскій получилъ мѣсто учителя въ начальномъ городскомъ училищѣ въ городѣ Торчинѣ Гроецкаго уѣзда Варшавской губерніи. По свѣдѣніямъ собраннымъ о Висневскихъ оказалось, что отъ должности учителя онъ былъ уволенъ въ концѣ прошлаго 1878 года вслѣдствіе жалобъ жителей на его дурное поведеніе и нерадивое исполненіе своихъ обязанностей (Приложено къ дѣлу Отношеніе Начальника Гроецк. уѣзднаго Жандармскаго Управленія отъ 18-го Іюня за № 65).

По дошедшимъ до производящаго дознаніе Подполковника Гохфельта свѣдѣніямъ, Висневскій, послѣ первыхъ обысковъ, произведенныхъ 7 и 8 апрѣля, скрылъ находившіяся у него какія то книги и бумаги, при чемъ былъ приблизительно указанъ адресъ того дома, куда вещи эти были

скрыты. По предварительномъ разслѣдованіи было обнаружено, что вещи эти скрыты на Ординацкой улицѣ въ домѣ подъ № 3. Произведеннымъ обыскомъ въ квартирѣ, проживающей въ этомъ домѣ Г-жѣ Чижевской были найдены въ кадкѣ съ водою спрятанными, книги и брошюры соціалистическаго направленія и нѣсколько тетрадей рукописей. Въ этой же квартирѣ найдена и врестована въ то же время Цезарина Войнаровская, адресъ которой не былъ извѣстенъ, хотя на нее какъ на участницу въ сообществѣ съ цѣлью революціонной пропаганды уже имѣлись серьезныя указанія. По допросѣ Г-жѣ Чижевской она немедленно чистосердечно показала (Т. I л. д. 141, 142), что вещи найденныя у нея были принесены и неговоря ни слова положены на столъ, какимъ то мущиной, котораго имени она не знаетъ, а равно и примѣтъ не успѣла замѣтить; что о принятіи какихъ то вещей, просила ее передъ тѣмъ Войнаровская. При этомъ Чижевская показала, что семейство Войнаровскихъ знала когда то очень давно, о существованіи Цезарины ей тоже было извѣстно, но лично она съ ней познакомилась въ недавнее время, когда Цезарина Войнаровская зашла за справками по поводу отдававшейся у нея, Чижевской, квартиры, которая впрочемъ, при первомъ посѣщеніи ея Войнаровскою уже была отдана. Допрошенная Войнаровская показала, что дѣйствительно она просила Чижевскую спрятать книги Висневскаго, не называя ей впрочемъ фамиліи его и, что Висневскій, боясь обыска просилъ ее помочь ему спрятать находившіяся у него, могущія компрометировать , его вещи. На вопросъ о томъ, гдѣ познакомилась Войнаровская съ Висневскимъ она отвѣчать отказалась (Т. I л. д. 114, 115).

Допрошенный при дознаніи Антонъ Висневскій, показалъ (Т. I л. д. 138 и 139), что познакомился въ концѣ Марта настоящаго года въ домѣ Г-жы Цертовичъ съ нѣкоею Цезариною, по фамиліи ему неизвѣстною, съ которою и видѣлся нѣсколько разъ въ семействѣ Цертовичъ и, что когда распространились по городу слухи о происходящихся

обыскахъ, то онъ опасаясь отвѣтственности за сохраняющіяся у него запрещенныя книги желалъ ихъ спрятать, а встрѣтившись затѣмъ на Ординацкой улицѣ съ Цезариной просилъ ее гдѣ нибудь спрятать его книги. Цезарина на это согласилась и пройдя вмѣстѣ съ нимъ по улицѣ, взяла отъ него книги и снесла ихъ въ квартиру незнакомой ему женщины, самъ же онъ туда вещей не относилъ. Такое показаніе его не вѣрно въ подробностяхъ, такъ какъ по удостовѣренію Г-жѣ Чижевской, вещи къ ней принесъ мущина, но въ главныхъ чертахъ не противорѣчитъ показаніямъ Войнаровской и Чижевской, съ прибавленіемъ лишь того обстоятельства, что познакомился съ Войнаровскою въ домѣ Г-жѣ Цертовичъ.

Сначала Висневскій не хотѣлъ показать откуда получилъ найденныя у неко брошюры соціалистическаго содержанія; но впослѣдствіи объяснилъ, что онѣ ему были даны Станиславомъ Рогальскимъ (Т. II л. д. обор. 248). Цѣль же имѣнія у себя книгъ этихъ Висневскій объяснилъ тѣмъ, что желалъ изучить соціальные вопросы, такъ какъ приготовлялся быть публицистомъ. Въ принадлежности къ соціалистическому революціонному сообществу Висневскій себя виновнымъ не призналъ, хотя призналъ знакомство свое съ такими дѣятелями, какъ Дзянковскій, Рогальскій, Казиміръ Плавинскій.

По разсмотрѣніи рукописей Висневскаго оказывается, что онѣ состоятъ главнымъ образомъ изъ выписокъ изъ различныхъ, отчасти запрещенныхъ сочиненій. Читая ихъ, Висневскій выписывалъ повидимому поражавшія его мѣста въ этихъ сочиненіяхъ, но трудно объяснить по этимъ выпискамъ и замѣткамъ на нихъ, къ какому выводу приходилъ Висневскій и какимъ собственно говоря цѣлямъ могли служить эти выписы, крайнѣ въ отношеніи развитія мыслей темныя. Какъ на исповѣдь своихъ убѣжденій, Висневскій указалъ на дневникъ свой, который онъ впрочемъ велъ въ 1878 году, будучи учителемъ народнаго училища въ городѣ Торчинѣ и перестаудъ вести съ пріѣзда въ Вар-

шаву. Въ общей сложности можно заключить главнымъ образомъ, что Висневскій человѣкъ крайне ограниченныхъ способностей и врядъ ли когда нибудь могъ быть сколько нибудь серьезнымъ дѣятелемъ пропаганды. Не подлежитъ сомнѣнію, что потѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ состоялъ съ Рогальскимъ, получая отъ него революціоннаго направленія брошюры по тѣмъ встрѣчамъ и знакомствамъ, которыя заводилъ у Цертовичъ, зная Дзянковскаго и Казиміра Плавинскаго и вѣроятно еще и другихъ дѣятелей соціально-революціоннаго движенія, онъ безъ сомнѣнія зналъ о существованіи пропаганды, бывъ посвященъ и въ нѣкоторыя тайны ея организаціи. Если же Висневскій въ дневникѣ своемъ и говоритъ, что онъ пропаганды не признаетъ, то это само по себѣ ничего не доказываетъ, такъ какъ это онъ писалъ, живя не въ Варшавѣ, не сходясь въ то время такъ часто съ партіей дѣятелей, имена которыхъ названы выше и которые съ тѣхъ поръ могли имѣть на него совершенно другое вліяніе. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть названъ въ числѣ тѣхъ, которые, зная о существованіи соціально-революціонной пропаганды въ Варшавѣ, не донесли объ этомъ начальству.

15) *Осипъ Ѳомичъ Бѣлявскій* 19 лѣтъ, сынъ умершаго православнаго священника, уроженецъ Гродненской губерніи Бѣльскаго уѣзда, воспитаніе получилъ въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ и по окончаніи 6 классовъ въ 1878 году, поступилъ вольнослушателемъ С.-Петербургскаго университета.

Въ чемоданѣ, найденномъ на квартирѣ рабочаго Ивана Пашке, принадлежащемъ, какъ это можно было видѣть не ему, а оставленномъ согласно его показанію у него Рогальскимъ, оказались вещи, которыя, судя по ихъ характеру, должны были принадлежать одному изъ серьезнѣйшихъ пропагандистовъ (см. Проток. осмотра Т 1 л. д. 73 и слѣд.) Между перепискою, находившеюся въ чемоданѣ были двѣ записки, написанныя однимъ почеркомъ и подписанныя одна словомъ „бѣлка“, а другая „О Бѣлявскій“

очевидно передѣланнымъ въ словѣ „Бѣлка“—Слѣдующаго содержанія: 1) Костя, отъ господина, который подастъ тебѣ это письмо ты получишь кое, что, за что уже заплочено. Устрой такъ чтобы онъ всѣхъ видѣлъ. Незабывай братъ мою сестру: не отталкивай ее, я нахожусь подъ надзоромъ полиціи по дѣлу Варшавскихъ, если знаешь. Продолжай то, что я началъ до утвержденія и т. д. 2) съ подателемъ будь какъ со мною; постарайтесь познакомить его съ нею, это нужно. Я теперь еще не совсѣмъ хорошъ, имѣю опеку.

Имя и фамилія „Осипъ Бѣлявскій, было извѣстно уже по дознанію о соціально-революціонной пропагандѣ, производившемуся въ Варшавѣ въ 1878 году, при чемъ Бѣлявскій, вольнослушатель С.-Петербургскаго университета, былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по тому дознанію и отданъ въ С.-Петербургъ подъ надзоръ полиціи. По разсмотрѣніи записокъ найденныхъ при нынѣшнемъ дознаніи въ тотъ періодъ его, когда нельзя было съ точностью опредѣлить, кому принадлежатъ, вещи оставленныя въ чемоданѣ найденномъ у Пашке, судя по содержанію ихъ нельзя было сомнѣваться, что авторъ записокъ рекомендуетъ подателя ихъ, хозяина чемодана, своимъ знакомымъ, какъ предполагалось проживающимъ въ Варшавѣ. Весь тонъ записокъ, найденныхъ среди всевозможныхъ доказательствъ принадлежности хозяина чемодана къ числу серьезныхъ дѣятелей соціально-революціонной агитаціи, повели къ постановленію о привлеченіи къ настоящему дѣлу Осипа Бѣлявскаго въ качествѣ обвиняемаго и къ распоряженію о высылкѣ его подъ арестомъ въ Варшаву. Выбывшій изъ Петербурга и оказавшійся въ Бѣлостокѣ, Бѣлявскій при допросѣ его (Т. II л. д. 138 и 139), признавъ вышеупомянутыя записки за имъ написанныя, но далъ о седержаніи и цѣли этихъ записокъ, а также относительно знакомства своего съ лицомъ, котораго горячо рекомендовалъ своимъ пріятелямъ, такую несообразную путаницу, что съ перваго взгляда она представляется полною ложною. Личность,

которую Бѣлявскій рекомендовалъ товарищамъ въ запискѣ, онъ назвалъ Лубенскимъ, показавъ между прочимъ, что его почти не зналъ. Одно только и оказалось вѣрнымъ въ показаніи Бѣлявскаго то обстоятельство, что адресатъ одной изъ записокъ „Костя“ есть проживающій въ Бѣлостокѣ, ученикъ реальнаго училища Константинъ Пенькевичъ, а другая записка адресована къ бывшимъ же товарищамъ Бѣлявскаго безъ означенія ихъ имянъ. Записки эти, согласно показанію Бѣлявскаго, Лубенскій долженъ былъ вручить лично при проѣздѣ въ Варшаву, черезъ Бѣлостокъ, гдѣ долженъ былъ остановиться. Копія съ показанія Бѣлявскаго, а равно и требованіе о допросѣ ученика Реальнаго училища Пенькевича и другихъ товарищей знавшихъ Бѣлявскаго, найденныя при обыскѣ Бѣлявскаго въ Бѣлостокѣ письмо съ деньгами для доставленія въ Петербургъ, а равно и карточки съ таинственными записками на нихъ какого то Корсака къ разнымъ личностямъ, живущимъ въ Гродненской губерніи, были препровождены къ Начальнику Гродненскаго Жандармскаго Управленія: первое для производства допросовъ и присылки оказавшагося въ Варшаву, а вторыя для мѣстнаго дознанія, какъ касавшіяся Гродненской губерніи. Изъ присланныхъ допросовъ Пенькевича нельзя было вывести никакихъ заключеній, такъ какъ онъ не получилъ записки Бѣлявскаго не будучи въ то время въ Бѣлостокѣ и не могъ видѣть никакаго заѣзжавшаго въ Бѣлостокъ, съ запиской къ нему человѣка (Т. II л. д. 193). Одинъ же изъ товарищей Бѣлявскаго, Григорій Лейбовъ Штейнъ показалъ (Т. II л. д. 195), что въ декабрѣ пріѣзжалъ въ Бѣлостокъ какой то человѣкъ, назвавшій себя ученикомъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, по фамиліи его Штейнъ не помнитъ, который хотѣлъ познакомиться съ учащеюся молодежью. Такъ какъ все касающееся изслѣдованія отношеній Бѣлявскаго къ товарищамъ его могло касаться обязанности Гродненскаго Жандармскаго Управленія (Т. II л. д. 222), то постановленіемъ состоявшимся 28 мая производящій дознаніе, прописавъ подробно

все до Бѣлявскаго касающіяся обстоятельства и снявъ копію съ протокола допросовъ произведенныхъ Начальникомъ Бѣлостокскаго уѣзднаго Жандармскаго Управленія препроводилъ переписку къ Начальнику Гродненскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія для производства по усмотрѣнію его дознанія. Дѣятельность же Бѣлявскаго по Варшавѣ совершенно ничѣмъ не проявлялась и единственное возможное ему поставить въ вину, это сношеніе его съ какимъ то человѣкомъ по фамиліи *Лубенскимъ*, вѣроятно впослѣдствіи проживавшимъ въ Варшавѣ подъ именемъ *Славскаго* (о немъ будетъ ниже) и представлявшимъ изъ себя соціалиста революціонера, при чемъ Бѣлявскому, снабжавшему его самаго подозрительнаго содержанія письмами, было извѣстно, что онъ ѣдетъ въ Варшаву, гдѣ о соціально-революціонномъ движеніи ему, Бѣлявскому, какъ находящемуся подъ надзоромъ полиціи по обвиненію въ прикосновенности къ этому дѣлу было тоже хорошо извѣстно и слѣдовательно, онъ вторично можетъ быть обвиняемъ въ недонесеніи о существованіи преступнаго сообщества въ Варшавѣ.

16) *Людвигъ Ѳомичъ Черковскій*, 23 лѣтъ, уроженецъ Гродненской губерніи, изъ дворянъ, по окончаніи курса въ Виленской гимназіи въ 1875 году поступилъ въ Варшавскій университетъ по Медицинскому факультету.

Чарковскій проживалъ въ Варшавѣ на одной квартирѣ съ привлеченнымъ къ настоящему дѣлу Доминикомъ Рымкевичемъ. Еще за двѣ недѣли до производства обыска у послѣдняго, Чарковскій уѣзжалъ въ отпускъ на Пасху къ отцу своему помѣщику Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи. При возвращеніи его, онъ былъ задержанъ вслѣдствіе свѣдѣній, указывавшихъ на него вѣроятно по причинѣ его сожительства съ Рымкевичемъ. При обыскѣ вещей Чарковскаго найденъ былъ одинъ томъ журнала „Впередъ". По допросѣ о томъ отъ кого получилъ онъ эту книгу, Чарковскій отозвался невѣденіемъ. Кромѣ этого обстоятельства произведеннымъ дознаніемъ не было обнаружено никакихъ данныхъ для обвиненія Чарковскаго въ

принадлежности къ социалистическому движенію въ Варшавѣ.

17) *Исаія Симховъ Шайдеръ* 20 лѣтъ, еврей, уроженецъ г. Варшавы, воспитывался въ 4-хъ классной Варшавской прогимназіи, вышелъ оттуда въ 1874 году; Шайберъ состоитъ учителемъ еврейскаго училища въ Варшавѣ.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго за посѣщеніе сходокъ рабочихъ, Шайдеръ сознался въ этомъ (Т. II л. д. 135), объяснивъ, что какъ только онъ узналъ о противозаконности цѣлей, преслѣдуемыхъ собиравшимися на сходкахъ личностями, то пересталъ посѣщать ихъ т. е. Шайдеръ призналъ себя виновнымъ въ недонесеніи. Нѣкоторая часть его показанія однако весьма сомнительна такъ напримѣръ: Шайдеръ показалъ, что на квартиру на Твардой улицѣ № 12 его пригласилъ нѣкто по прозвищу *американецъ* причемъ описывалъ примѣты его близко сходныя съ примѣтами Осипа Бейта, привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго къ настоящему дѣлу; затѣмъ Шайдеръ, по требованію производившаго дознаніе, указалъ квартиру на Твардой № 12, гдѣ бывалъ нѣсколько разъ на сходкахъ, и оказавшаяся тою самою, гдѣ жилъ и былъ арестованъ Осипъ Бейтъ, по предъявленіи же послѣдняго Шайдеру, вопреки очевидности, заявилъ, что его никогда не видалъ. Кромѣ того Шайдеръ сознавшійся, что не однократно бывалъ на сходкахъ въ вышесказанной квартирѣ, причемъ добавилъ, что тамъ собирались личности какъ интеллегентнаго такъ и рабочаго класса, по приглашенію его назвать кого нибудь изъ этихъ личностей заявилъ, что фамилій никого изъ бывшихъ тамъ не знаетъ и въ лицо опознать не можетъ. Такое показаніе Шайдера представляетъ собою запирательство съ цѣлью укрывательства тѣхъ лицъ, съ которыми проводилъ неоднократно нѣсколько часовъ сряду и которыхъ конечно долженъ былъ знать въ лицо.

18) *Маврикій Феликсовичъ Зельцеръ*, уроженецъ г. Варшавы, еврей, по окончаніи курса во 2-й Варшавской гимназіи поступилъ въ Варшавское Ветеринарное училище,

гдѣ и нынѣ находится. До возникновенія настоящаго дознанія свѣдѣнія о Зельцерѣ, приписывали ему полное знаніе о всѣхъ дѣйствіяхъ Варшавскихъ пропагандистовъ, хотя и безъ принятія прямаго участія въ самой пропагандѣ. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Маврикій Зельцеръ далъ показаніе, изъ котораго несомнѣнно можно вывести о связяхъ его съ привлеченнымъ къ дознанію 1878 года, соціалистомъ Поспѣловымъ. При этомъ Зельцеръ категорически показалъ (Т. II л. д. 47, 48), что получалъ на свое имя телеграммы и письма, предназначенныя для Поспѣлова. Зельцеръ объясняетъ, что близко Поспѣлова не зналъ и получалъ письма и телеграммы на его имя, такъ сказать, помимо своей воли; по объясненію этому едва ли можно дать, полную вѣру. Затѣмъ дальнѣйшее отрицаніе Зельцеромъ даже знакомства съ личностями, составляющими главныхъ дѣятелей соціалистическаго движенія, состоитъ въ противорѣчіи съ весьма точными донесеніями агентовъ. Во всякомъ случаѣ, Зельцеръ, по даннымъ настоящаго дознанія можетъ быть обвиняемъ лишь въ недонесеніи, и крайняя не развитость его всегда бы мѣшала ему быть сколько нибудь серьезнымъ дѣятелемъ.

19) *Александръ Романъ Лессовъ* 22 лѣтъ, студентъ Варшавскаго университета, былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго вслѣдствіе сообщенныхъ о немъ свѣдѣній, какъ соучастникъ сообщества соціально-революціонныхъ пропагандистовъ, но ни произведеннымъ у него обыскомъ ни данными добытыми дознаніемъ, не выяснилось обстоятельство могущаго служить къ обвиненію Лессова въ настоящемъ дѣлѣ (*).

20) *Аделина Евстафьевна Дырмонтъ*, 22 лѣтъ, уроженка Ковенской губерніи, слушательница акушерскихъ курсовъ при Еленинскомъ Институтѣ въ С.-Петербургѣ.

---

*) По дознанію 1878 года, Лессовъ обвинялся въ томъ, что жилъ въ одной квартирѣ съ Шпотаньскимъ и Завадскимъ. Графъ Коцебу полагавъ выдержать его три мѣсяца въ тюрьмѣ а Мин. Юстиціи отдать лишь подъ надзоръ полиціи.

При разсмотрѣніи вещей, найденныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Ивана Пашке, найдены были два свидѣтельства Щавельскаго уѣзднаго исправника, выданныя дворянкѣ Аделинѣ Евстафьевнѣ Дырмонтъ. Кромѣ того у Станислава Рогальскаго, въ числѣ найденныхъ у него документовъ оказались еще два свидѣтельства, выданныя той же Аделинѣ Дырмонтъ Виленскимъ Губернаторомъ. Документы эти по справкѣ оказались подлинными, сама же Дырмонтъ проживающею въ Петербургѣ. Допрошенная въ Петербургѣ Г-жею Дырмонтъ показала, что не имѣетъ знакомыхъ въ Варшавѣ, а о Рогальскомъ и Пашке никогда не слыхала, а что документы ея, найденныя въ Варшавѣ пропали дѣйствительно во время ея отсутствія изъ Петербурга въ числѣ еще нѣкоторыхъ вещей, оставленныхъ ею на квартирѣ, гдѣ она проживала. Другихъ данныхъ для опредѣленія отношенія къ настоящему дѣлу Аделины Дырмантъ дознаніемъ не добыто.

21) *Антонъ Злотницкій.* По свѣдѣніямъ, имѣвшимся о немъ до начала дознанія и по даннымъ, выяснившимся по настоящему дѣлу, онъ принадлежитъ къ числу серьезнѣйшихъ дѣятелей пропаганды. Злотницкій, находившійся въ числѣ студентовъ Варшавскаго университета, былъ уволенъ въ отпускъ на Пасху къ родственникамъ; изъ отпуска Злотницкій, вѣроятно предъувѣдомленный о производящемся дознаніи не возвращался и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ полиціею бѣжалъ за границу. По показанію Адама Сидорека и найденнымъ рукописямъ его у студента Дзянковскаго, а также и заявленію Шпотанскаго, нельзя не видѣть въ немъ человѣка, принимавшаго дѣятельное участіе въ соціально-революціонной пропагандѣ въ Варшавѣ.

22) *Понятовскій* и 23) *Славскій.* Кромѣ указанныхъ выше лицъ изъ матеріаловъ, добытыхъ настоящимъ дознаніемъ можно составить себѣ опредѣленное понятіе о двухъ личностяхъ, выбывшихъ изъ Варшавы до начала настоящаго дознанія и полученія о личностяхъ этихъ какихъ либо свѣдѣній. Они извѣстны были въ Варшавѣ

подъ именами Понятовскаго и Славскаго. Въ показаніи Адама Сидорека (Т. I л. д. 289, 290) въ первый разъ были названы Понятовскій и Славскій, какъ снабдившіе его преступными брошюрами и которыхъ слѣдуетъ признавать въ числѣ руководящихъ дѣятелей пропаганды. По указаннымъ Сидорекомъ адресамъ Понятовскаго и Славскаго оказалось, что оба они проживали въ Варшавѣ, были подъ этими именами заявлены въ Полиціи, но оба выѣхали изъ Варшавы приблизительно около начала Февраля.

Разслѣдованіе о Славскомъ навело на положительное указаніе о знакомствѣ его съ Сигизмундомъ Герингомъ, который согласто сознанію своему посредствомъ подложнаго письма, будтобы изъ Вильны, выручалъ съ оставленной Славскимъ въ квартирѣ въ Варшавѣ его вещи изъ опасенія, чтобы таковыя не попали въ полицію и непослужили бы къ розыскамъ Славскаго, арестованнаго въ Австріи (Кремеръ). Въ числѣ лицъ являвшихся для полученія вещей, оставленныхъ Славскимъ согласно показанію сестры хозяина квартиры, гдѣ онъ проживалъ былъ Иванъ Пашке, а это заставляетъ думать, что найденный на квартирѣ послѣдняго чемоданъ былъ собственностію Славскаго. Показаніе же Пашке, что чемоданъ этотъ принадлежавшій Понятовскому, онъ получилъ отъ Рогальскаго сомнительно, и легко могло быть дано въ видахъ уменьшенія его, Пашке, виновности. Какъ бы то ни было однако нельзя сомнѣваться, что личность, именовавшаго себя въ Варшавѣ Славскимъ арестована въ началѣ февраля въ Краковѣ, гдѣ согласно сообщенію Австрійскихъ властей задержанъ по обвиненію въ распространеніи соціально-революціонной пропаганды *Кремеръ* при обыскѣ котораго найдены русскіе подложные виды *Славскаго* и Понятовскаго. Фотографическая карточка этого *Кремера* присланная изъ Австріи была признана за портретъ бывшаго студента *С.-Петербургскаго Технологическаго Института* Эразма *Кобылянскаго*, что касается Понятовскаго, то личность его, кромѣ показанія Сидорека, характеризуется заявленіемъ Ивана Пашке, изъ котораго

слѣдуетъ заключить, что Понятовскій во время пребыванія своего въ Варшавѣ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ главныхъ дѣятелей соціалистическаго сообщества Станиславу Рогальскому, съ которымъ состоялъ въ перепискѣ черезъ Пашке и по отъѣздѣ изъ Варшавы. Послѣднее обстоятельство подтверждается свѣдѣніями, полученными изъ Австріи, изъ которыхъ видно, что при обыскѣ задержаннаго тамъ соціалиста подъ именемъ Бесядовскаго, было найдено заготовленное къ отправкѣ письмо по адресу Ивана Пашке. Въ предъявленной Ивану Пашке фотографической карточкѣ Бесядовскаго, онъ призналъ знакомаго ему въ Варшавѣ человѣка, носившаго фамиліи Понятовскаго.

Ближайшее указаніе о личности Славскаго и Понятовскаго ожидалось отъ Австрійскихъ чиновниковъ, долженствовавшихъ прибыть въ Варшаву для взаимнаго ознакомленія съ дѣлами о соціалистической пропагандѣ въ Россіи и Австріи. Пріѣздъ этихъ чиновъ къ сожалѣнію не состоялся, въ письменныхъ же сношеніяхъ Австрійскія власти сообщали свѣдѣнія о задержанныхъ тамъ соціалистахъ лишь на столько, на сколько это было нужно для опредѣленія личностей этихъ для Австрійскаго суда.

Затѣмъ изъ лицъ принадлежащихъ къ рабочему классу привлечены къ дѣлу нижеслѣдующія.

24) *Адамъ Францевъ Сидорекъ* 42 лѣтъ, уроженецъ Сѣдлецкой губерніи, мѣщанинъ, столярный подмастерье; обучался въ начальномъ народномъ училищѣ; въ Варшавѣ проживаетъ около 25 лѣтъ, и въ послѣднія 11 лѣтъ, работалъ въ мастерскихъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги.

По обыску, сдѣланному въ квартирѣ Адама Сидорека, проживавшаго на Панской улицѣ въ домѣ подъ № 77, вслѣдствіе доставленныхъ свѣдѣній о принадлежности его, Сидорека, къ числу наиболѣе увлеченныхъ соціалистическимъ ученіемъ и даже распространявшихъ его среди рабочихъ. При обыскѣ квартиры (Т. I л д. об—170) Сидорека найдены брошюры на русскомъ языкѣ а именно

13 іюля и 24 Января и рѣчь Софіи Ларіоновны Бардиной, двѣ брошюры на польскомъ языкѣ „чего желаютъ работники" и „интересный разсказъ". Особое же вниманіе на себя обращаютъ рукописи, изъ которыхъ главнымъ образомъ слѣдуетъ отмѣтить сочиненную и написанную Сигизмундомъ Герингомъ (о ней было говорено при изложеніи уличающихъ послѣдняго обстоятельства). Кромѣ того какъ имѣющую значеніе, слѣдуетъ упомянуть рукопись со статьею „Положеніе работниковъ" неизвѣстнаго автора.

Показанія Сидорека съ перваго допроса были уклончивы и не выясняли положенія его въ дѣлѣ, но дальнѣйшія его сознанія, хотя и оставляютъ много желать въ смыслѣ полноты и послѣдовательности, но во всякомъ случаѣ проливаютъ значительный свѣтъ на самаго Сидорека и нѣкоторыхъ другихъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу (Т. I л. д. 117 обор. 270). Неоднократно были сдѣланы ссылки на показанія Адама Сидорека, и здѣсь остается лишь резюмировать его сознаніе (Т. II л. д. 14, 16, 17, 36), что касается его самаго. Сидорекъ сознался, что познакомившись съ проживавшими въ Варшавѣ Понятовскимъ и Славскимъ; книжки получилъ отъ перваго изъ нихъ; на квартирѣ его бывалъ нѣсколько разъ и въ одно изъ посѣщеній встрѣтилъ тамъ студента Злотницкаго, который рекомендовалъ его Дзянковскому. Послѣдняго, Сидорекъ по приглашенію его, посѣщалъ и тамъ встрѣтился съ Герингомъ. Видѣлъ на одномъ изъ собраніи у Дзянковскаго двухъ женщинъ, которыхъ узналъ въ содержащихся въ X Павильонѣ Варшавской, Цитадели Софіи Пласковицкой и Цезаринѣ Войнаровской затѣмъ Сидорекъ сознался, что по порученію Дзянковскаго вмѣстѣ съ знакомымъ своимъ столяромъ Станиславомъ Вихницкимъ ѣздилъ въ Лодзь съ цѣлью распространенія тамъ соціалистическихъ брошюръ. При собравшихся въ одинъ изъ двухъ приведенныхъ дней въ Лодзи, рабочихъ въ какомъ то ресторанѣ, пробовалъ читать имъ одну изъ найденныхъ у него рукописей, но эта попытка не удалась, потому, что слу-

шать его не захотѣли. Такимъ образомъ изъ показанія Сидорека вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что подъ вліяніемъ скрывшихся изъ Варшавы Понятовскаго Славскаго, Злотницкаго и арестованнаго по настоящему дѣлу Дзянковскаго онъ не только былъ увлеченъ ученіемъ социалистовъ, но проникся имъ на столько, что исполнялъ возлагавшіяся на него порученія по распространенію пропаганды внѣ Варшавы. Въ подробностяхъ своихъ показаній Сидорекъ ошибается, часто самъ себѣ противорѣчитъ, но это можно объяснить себѣ его крайне возбужденнымъ состояніемъ, вслѣдствіе сильно на него подѣйствовавшей, принятой противъ него мѣры ареста и кромѣ того страхомъ показывать истину опасаясь мести тѣхъ противъ кого показанія его должны были быть направлены.

25) *Осипъ Брониславовъ Бейтъ* 17 лѣтъ, уроженецъ Млавскаго уѣзда Плоцкой губеніи, сынъ умершаго управляющаго имѣніемъ Гр. Браницкаго Кіевской губерніи, воспитаніе получилъ въ 5 Варшавской гимназіи, гдѣ окончилъ только два класса и выбылъ къ родителямъ въ 1874 году. Бейтъ снова прибылъ въ Варшаву въ 1877 году и поступилъ въ машинное заведеніе Прондзыльскаго и Трыльскаго въ качествѣ практиканта. Занятія его въ этомъ заведеніи были однако преимущественно въ конторѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ полученіемъ корреспонденціи. До производства дознанія, свѣдѣнія, доставленныя не гласнымъ путемъ указывали на квартиру Бейта, (Твардая улица домъ № 12) какъ на мѣсто, гдѣ собирались частныя сходки рабочихъ подъ руководствомъ интеллегентныхъ личностей. Относительно самаго Бейта было сказано, что онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ и подъ вліяніемъ соціалиста, извѣстнаго между рабочими въ Варшавѣ за отчаяннаго агитатора, подъ прозвищемъ *Американца*. Личность эта скрылась въ Австрію и по слухамъ арестована въ Краковѣ. По нѣкоторымъ показаніямъ можно предпологать, что это долженъ быть одинъ изъ друхъ упомянутыхъ выше проживавшихъ въ Варшавѣ подъ именами Славскаго и Понятовскаго, что

впрочемъ вполнѣ констатировать не удалось. Далѣе по негласнымъ же свѣдѣніямъ, Бѣйтъ получалъ изъ Австріи письма отъ этого, „Американца", адресовавшіяся на его имя для сообщенія ихъ другимъ Варшавскимъ соціалистамъ.

Произведеннымъ обыскомъ у Бейта не было обнаружено ничего, указывающаго на его преступныя связи, а допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Осипъ Бейтъ упорно заперся, отрицая всякое знаніе о какомъ либо революціонномъ движеніи въ Варшавѣ, а тѣмъ болѣе въ участіи въ немъ. Изъ показаній Ксенжскаго, Шайдера, Франца Рыгеля и Зотова яствуетъ, что на Твардой улицѣ № 12 на той самой квартирѣ (Т. II л. д. обор. 145, 146, 168, 186, 218), гдѣ проживалъ Осипъ Бейтъ бывали сходки рабочихъ, опредѣленно описанныя показаніями вышеупомянутыхъ участвовавшихъ на этихъ сходкахъ лицъ и кромѣ того, что тотъ же Бейтъ появлялся на сходкахъ, собиравшихся у сапожника Графинскаго (Панская домъ № 77). Хотя Шайдеръ, указавшій даже квартиру Бейта, гдѣ собирались сходки и показалъ, что не признаетъ въ предъявленнымъ ему Бейтѣ хозяина квартиры, гдѣ были сходки, но такому показанію нельзя вѣрить и при томъ въ виду опредѣлительнаго признанія Бейта Ксенжскимъ и Зотовымъ исчезаетъ всякое сомнѣніе относительно дѣятельности Бейта.

Примѣчаніе: Дѣло о Бейтѣ подлежитъ прекращенію за смертію его (донесеніе Прокурора Судебной Палаты отъ за № Г. Министру Юстиціи.

26) *Эдуардъ Осиповъ Графинскій* 22 лѣтъ, уроженецъ Калишской губерніи, мѣщанинъ, по ремеслу сапожникъ, женатый, имѣетъ ребенка, обучался въ начальномъ училищѣ.

Графинскій въ послѣднее время проживалъ въ Варшавѣ на Панской улицѣ подъ № 77 т. е. въ томъ, же домѣ, гдѣ помѣщался привлеченный къ настоящему дѣлу Адамъ Сидорекъ. До начала дознанія негласныя свѣдѣнія

говорили о сходкахъ, бывавшихъ въ домѣ этомъ, но прямаго указанія на какое либо участіе въ дѣлѣ Графинскаго не было сдѣлано. Во время производства настоящаго дознанія, а именно 8 мая Приставъ Іерусалимскаго участка Варшавской Полиціи (Т. II л. д. 86) прислалъ производившему настоящее дознаніе извѣщеніе, что нѣкто Арефій Зотовъ сдѣлалъ заявленіе о готовившейся сходкѣ соціалистическаго характера у нѣкоего Ксенжскаго, а равно донесъ, что получилъ отъ послѣдняго книги соціально-революціоннаго характера, которыя и представилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ заявилъ, что онъ проживалъ въ мартѣ настоящаго года на квартирѣ сапожника Эдуарда Графинскаго на Панской улицѣ № 77 гдѣ 29 марта была сходка соціалистовъ, въ которой принимали участіе, между прочимъ, арестованный нынѣ Сидорекъ и проживающій въ томъ же домѣ на Панской поденщикъ Мартинъ Кутневскій. Постановленіемъ, состоявшимся 8 мая Графинскій, Зотовъ, Ксенжскій и Кутневскій были привлечены къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ.

Около того же времени къ Прокурору Варшавской Судебной Палаты было представлено дознаніе произведенное Начальникомъ Жандармскаго Управленія Блонскаго уѣзда по поводу привезенныхъ туда изъ Варшавы Францемъ Рыгелемъ брошюръ соціалистическаго содержанія. Прокуроръ Палаты (Т. II л. д. 111), находя связь настоящаго дѣла съ дознаніемъ, произведеннымъ по Блонскому уѣзду препроводилъ дознаніе это для провѣрки показаній обвиняемаго Франца Рыгеля къ подполковнику Гохфельту, занимавшемуся изслѣдованіемъ дѣла о соціально-революціонной пропагандѣ: Францъ Рыгель былъ вызванъ въ Варшаву и при первомъ допросѣ его, въ измѣненіе даннаго имъ въ Блонскомъ уѣздѣ показанія о способѣ пріобрѣтенія привезенныхъ имъ въ домѣ своихъ родителей брошюръ соціалистическаго содержанія откровенно заявилъ (Т. II л. д. 132), что книжки получены имъ въ Варшавѣ отъ сапожника Эдуарда Графинскаго. Оставленный впредь до ближайшаго

разслѣдованія правдивости его показанія подъ арестомъ (Т. II л. д. 141), Францъ Рыгель, вновь допрошенный показалъ, что съ Графинскимъ познакомилъ его родственникъ Людвигъ Ксенжскій, подговаривавшій его неоднократно принять участіе въ сходкахъ рабочихъ. На одной изъ этихъ сходокъ у Графинскаго, а именно въ Вербное воскресенье, Рыгель былъ вмѣстѣ съ Ксенжскимъ и встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ личностей, которыхъ послѣ и опозналъ (Венцковскаго, Войнаровскую, Сидорека, Кутневскаго, Бейта). Допрошенные затѣмъ Людвигъ Ксенжскій въ главныхъ чертахъ показаніе Рыгеля относительно сходки у Графинскаго подтвердилъ, добавивъ много характеристическихъ и важныхъ для дѣла подробностей между которыми заявилъ, что на сходкѣ 29 марта былъ въ числѣ выбранныхъ въ кассиры общества соціалистовъ Графинскій. Не смотря однако на такія категорическія показанія, не представляющія ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновности Графинскаго онъ не сознался ни въ чемъ и отрицалъ правдивость изложенныхъ показаній и даже самое знакомство свое съ Францемъ Рыгелемъ. Но кромѣ того существуетъ еще показаніе Адама Сидорека, заявившаго, что на квартирѣ Графинскаго въ великомъ посту настоящаго года, было собраніе, на которомъ Сигизмундъ Герингъ, извѣстный Сидореку подъ прозвищемъ испанца, читалъ вслухъ статью. По заявленію Сидорека (Т. II л. д. 16), статья эта была будто бы о польской литературѣ; слушателями были кромѣ самаго Графинскаго, Сливинскій и еще неизвѣстный Сидореку русскій (Зотовъ); Графинскій и это обстоятельство голословно отвергаетъ.

Все вышеизложенное несомнѣнно доказываетъ, что Графинскій изображаетъ изъ себя личность серьезно за раженную соціально-революціонными ученіями, принятыми имъ подъ вліяніемъ главнѣйшихъ дѣятелей Варшавской пропаганды, изъ которыхъ можно указать Геринга и Венцковскаго. Такимъ образомъ Графинскій не только занимался съ усердіемъ соединеніемъ у себя на квартирѣ людей

сочувствующихъ соціалистическому ученію, но самъ передавалъ другимъ брошюры, приказывая распространять ихъ и притомъ, угрожая въ случаѣ донесенія начальству, или сознанія объ источникѣ полученія—мщеніемъ.

27) *Осипъ Антоновъ Щепанскій* 32 лѣтъ, уроженецъ Ломжинской губерніи, мѣщанинъ, грамотный, женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей. По ремеслу Щепанскій слесарь и работалъ въ послѣднее время на привислянской желѣзной дорогѣ, проживая близь станціи Новая Прага.

По негласнымъ свѣдѣніямъ о Щепанскомъ, онъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Дзянковскаго зачастую отправлявшагося къ нему на Прагу, гдѣ будто бы на квартирѣ Щепанскаго собирались и другіе работники съ привислянской желѣзной дороги. Произведеннымъ обыскомъ на квартирѣ Щепанскаго не было обнаружено ничего указывающаго на его принадлежность къ соціалистическому движенію. При допросахъ Щепанскій всякое знакомство свое съ Дзянковскимъ отвергъ и вообще заявилъ, что ничего о какомъ либо революціонномъ движеніи между рабочими не знаетъ. Прямыхъ доказательствъ на непосредственное знакомство его съ Дзянковскимъ не найдено, если не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что въ записной книжкѣ Дзянковскаго есть расходъ на извощика на Прагу, окоторомъ Дзянковскій не могъ дать никакаго объясненія. Относительно же незнанія и не принятія участія Щепанскимъ въ какомъ либо проявленіи соціалистическаго движенія то въ дѣлѣ имѣется доказательство противнаго, такъ какъ изъ показанія Арефія Зотова видно, что предъявленнаго ему Осипа Щепанскаго, онъ призналъ за бывшаго на сходкѣ у Графинскаго, когда тамъ читались въ слухъ соціалистическія статьи, раздавались всѣмъ книжки и выбирались кассиры. Къ этому нельзя не присовокупить, что по наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ Щепанскимъ современи его заарестованія онъ принадлежитъ къ личностямъ характера крайнѣ скрытнаго, упорнаго и раздражительнаго и по весьма точнымъ собраннымъ негласнымъ свѣдѣніямъ спо-

собою имѣть крайне вредное вліяніе на своихъ товарищей рабочихъ, эти обстоятельства при наличности данныхъ доказывающихъ его участіе въ соціалистическихъ сходкахъ и были причиною избранія противъ него какъ мѣры заключенія его подъ стражу.

28) *Иванъ Григорьевъ Пашке* 17 лѣтъ, уроженецъ города Варшавы, сынъ токаря и самъ работалъ по этой части. Былъ въ прогимназіи, но курса не окончилъ. Свѣдѣнія имѣвшіяся объ Иванѣ Пашке до привлеченія его въ качествѣ обвиняемаго указывали на него какъ на лицо, давно уже находившееся подъ вліяніемъ самыхъ ярыхъ дѣятелей революціонной агитаціи. Онъ былъ знакомъ, какъ сообщалось, съ Варынскимъ (извѣстнымъ между Варшавскими рабочими подъ именемъ Буха, нынѣ арестованнымъ въ Краковѣ) и съ многими дѣятелями пропаганды. По сообщенію Австрійскихъ властей, адресъ его на заготовленномъ къ отсылкѣ письмѣ, былъ найденъ у арестованнаго въ Краковѣ соціалиста Бесядовскаго. Квартиту Пашке, свѣдѣнія здѣшнихъ агентовъ, называли складомъ книгъ, библіотекой соціалистовъ, а равно и мѣстомъ, гдѣ собирались между собою главные дѣятели соціалистическихъ сообществъ.

Произведеннымъ обыскомъ найдено у него значительное количество книгъ и брошюръ преступнаго содержанія и кромѣ того чемоданъ съ вещами, о которомъ неоднократно упоминалось выше, при описаніи участія въ дѣлѣ Рогальскаго, Славскаго и Понятовскаго.

Протоколъ разбора вещественныхъ доказательствъ, найденныхъ у Пашке приложенный къ дѣлу (Т. I л. д. 73), подробно описывающій все найденное въ чемоданѣ указываетъ на явную принадлежность хозяина его къ Варшавскому соціально-революціонному сообществу. Въ настоящее время личность эта не находится въ Варшавѣ; упоминая же объ этихъ вещахъ съ цѣлью опредѣленія пути, которымъ онѣ могли попасть къ Ивану Пашке, нельзя не усумниться въ томъ, чтобы Пашке получилъ ихъ отъ Рогальскаго. По всѣмъ основаніямъ изложеннымъ выше

(см. описаніе участія въ дѣлѣ Славскаго) Пашке по собственной волѣ принялъ вещи изъ бывшей квартиры Славскаго.

Кромѣ того несомнѣнно, что Пашке служилъ цѣлямъ пропагандистовъ не однимъ этимъ способомъ. Черезъ него велась переписка социалистами находящимися въ Краковѣ, и онъ принималъ самъ участіе на сходкахъ рабочихъ (Показ. Рыгеля Т. II л. д. 168—169, Показ. Ксенжскаго Т. II л. д. 217—218, Показ. Г-жѣ Поплавской Т. II л. д. 2, Показ. Зотова Т. II л. д. 186—187).

Въ показаніяхъ своихъ Пашке сначала былъ очень сдержанъ и скрывалъ всякое свое участіе въ дѣлѣ, но подъ конецъ дознанія сдѣлалъ заявленія, хотя и не вполнѣ опредѣляющія его роль и вѣроятно далеко не до конца исчерпывающія свѣдѣнія его о всемъ, что касается, соціалистической агитаціи и участія въ ней разныхъ лицъ, но тѣмъ не менѣе подтверждающія свѣдѣнія о пособничествѣ его дѣлу пропаганды. Не смотря на свои крайне молодые годы, Иванъ Пашке представляетъ изъ себя юношу находившагося вполнѣ подъ вліяніемъ вредныхъ ученій. Подчиняясь соціалистамъ по неразвитости своей и не вполнѣ сознавая всю отвѣтственность, которую бралъ на себя, Иванъ Пашке дѣйствовалъ вѣроятно подъ вліяніемъ страха и угрозъ со стороны учителей своихъ. Обращая вниманіе на образъ жизни Ивана Пашке, надо отмѣтить, что онъ въ январѣ настоящаго года отдѣлился отъ общей квартиры, гдѣ проживалъ его отецъ, и такъ какъ расходъ этотъ не соотвѣтствуетъ заработкамъ Пашке, не увеличившимся съ прошлыхъ лѣтъ, то надо думать, что на расходъ этотъ Пашке получалъ деньги отъ сообщества соціалистовъ.

29) *Иванъ Игнатьевъ Сливинскій* 33 лѣтъ, уроженецъ гор. Варшавы, мѣщанинъ слесарь, работавшій на Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, женатый, неграмотный.

Свѣдѣнія о принадлежности Ивана Сливинскаго къ числу рабочихъ, посѣщающихъ сходки были получены до начала дознанія и если Сливинскій не былъ привлеченъ

въ качествѣ обвиняемаго съ первыхъ дней, то только потому, что не былъ отысканъ. По производствѣ обыска его квартиры не оказалось ничего уличающаго Сливинскаго. При обыскѣ Софіи Пласковицкой на квартирѣ ея было найдено письмо къ ней Людвига Дзянковскаго, о которомъ было упомянуто выше. Записка эта начиналась словами: „Сливка проситъ васъ зайдти къ нему для переговора о дѣлѣ и т. д". Такъ какъ было извѣстно, что Сливка есть прозваніе Сливинскаго, то не смотря на отрицаніе имъ какихъ либо свѣдѣній о соціалистической агитаціи а равно и знакомства съ Софіей Пласковицкой и вообще съ кѣмъ бы то ни было изъ дѣятелей пропаганды онъ былъ заключенъ подъ стражу. Такая мѣра оправдалась при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія, такъ какъ появилось нѣсколько показаній сознавшихся обвиняемыхъ, которыя уличили Сливинскаго въ принятіи имъ дѣятельнаго участія въ соціалистическомъ движеніи.

Во второмъ показаніи своемъ Сливинскій призналъ (Т. II л. д. 39, 40), что о соціалистическихъ кружкахъ въ Варшавѣ не только зналъ, но и былъ кассиромъ одного изъ кружковъ этихъ. При этомъ онъ разсказалъ, что кассиромъ сдѣлался по приглашенію нѣкоего *Вонсовича*, слесаря, съ которымъ знакомъ давно и который давно уговаривалъ его присоединиться къ соціалистическому движенію, имѣющему цѣлью заставить фабрикантовъ повысить заработную плату рабочихъ. Вонсовичъ будто бы уговаривалъ его, Сливинскаго, сдѣлаться кассиромъ одного изъ кружковъ, на что Сливинскій, согласившись получилъ въ присутствіи Вонсовича отъ какого-то неизвѣстнаго 75 рублей съ приказаніемъ выдавать деньги только по требованію Вонсовича, что онъ и исполнялъ. О цѣли кассы Сливинскій будто бы не зналъ и показалъ о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ неправдоподобно, хотя и въ этомъ показаніи сознался, что былъ кассиромъ кружка.

Между тѣмъ противъ Сливинскаго явились слѣдующія показанія. Адамъ Сидорекъ показалъ (Т. II л. д. 14, 16),

что видѣлъ Ивана Сливинскаго у Графинскаго въ тотъ вечеръ, когда Сигизмундъ Герингъ читалъ въ слухъ какую то статью (Т. I л. д. 217). Людвигъ Ксенжскій заявилъ, что видѣлъ его на сходкѣ у Графинскаго, гдѣ происходили чтенія соціалистическихъ статей, раздавались книжки и происходили выборы кассировъ, въ числѣ которыхъ былъ избранъ Иванъ Сливинскій. Изъ показанія Франца Рыгеля видно (Т. II л, д. 198), что онъ его видѣлъ на той же сходкѣ. Арефій Зотовъ не только показалъ, что видѣлъ Сливинскаго (Т. II л. д. 186, 187), но и указалъ на то, что Сливинскому выказали особое довѣріе. Г-жа Войнаровская, отдавая читанную ею рукопись Адаму Сидореку, рекомендовала послѣднему не всякому эту рукопись довѣрять, а только извѣстнымъ людямъ какъ напримѣръ: Вонсовичу и Сливинскому. Предъявленный Рыгелю, Ксенжскому и Зотову и признанный этими лицами Сливинскій отвѣчалъ, что въ первый разъ ихъ видитъ.

30) *Вонсовичъ*, слесарь; ближайшія свѣдѣнія онемъ кромѣ указанныхъ выше при разборѣ обвиненія Сливинскаго, неизвѣстны; по имѣющимся даннымъ, одинъ изъ серьезнѣйшихъ дѣятелей пропаганды изъ числа рабочихъ скрылся, и мѣры къ розысканію его приняты.

31) *Мартынъ Егоровъ Кутневскій* 25 лѣтъ, уроженецъ Сувалкской губерніи, неграмотный поденщикъ, имѣетъ трехъ дѣтей, проживалъ на Панской улицѣ № 77, гдѣ жили Сидорекъ и Графинскій.

По показанію Франца Рыгеля и Арефія Зотова, Мартынъ Кутневскій (Т. II л. д. 141 обор.—Т. II л. д. 186, 187) принималъ участіе въ сходкахъ у Графинскаго но какъ при первоначальномъ, такъ и при послѣдующихъ допросахъ не сознался. Вышесказанныя свидѣтельскія показанія въ совокупности со свѣдѣніями имѣвшимися о Кутневскомъ не оставляютъ сомнѣнія, что онъ принадлежалъ, изъ числа рабочихъ, къ наиболѣе увлеченнымъ соціалистическимъ ученіемъ.

32) *Людвигъ Іосифовичъ Ксенжскій* 30 лѣтъ, уроженецъ Радомской губерніи, мѣщанинъ женатъ, имѣетъ четырехъ дѣтей, обучался въ начальномъ училищѣ и въ воскресной ремесленной школѣ. Ксенжскій привлекался къ дознанію, произведенному въ 1878 году, о соціально-революціонной пропагандѣ по обвиненію его въ недонесеніи. Привлеченъ къ настоящему дѣлу вслѣдствіе показанія Франца Рыгеля, котораго уговорилъ принять участіе въ сходкѣ у Графинскаго, съ которымъ его и познакомилъ. При допросѣ немедленно сознался въ томъ, что самъ былъ знакомъ съ Графинскимъ, жившимъ одно время съ нимъ въ одномъ домѣ, что черезъ Графинскаго былъ введенъ на квартиру въ домъ подъ № 12 на Твардой улицѣ, гдѣ проживалъ Бейтъ и гдѣ собирались сходки равнымъ образомъ Ксенжскій сознался въ томъ, что принималъ участіе на сходкахъ бывавшихъ у Графинскаго, когда тотъ переселился на Панскую въ домъ № 77. Чистосердечныя показанія Ксенжскаго (Т. II л. д. 181, 182, 217) послужили къ уличенію многихъ изъ дѣятелей пропаганды интеллегентнаго и рабочаго классовъ, какъ это можно было замѣтить по сдѣланнымъ выше многократнымъ ссылкамъ на его показаніе. Принадлежность свою къ кружкамъ, собиравшимся между рабочими, Ксенжскій объясняетъ любопытствомъ сначала, а затѣмъ угрозамъ, сдѣланными ему если бы онъ захотѣлъ прекратить посѣщеніе сходокъ. Тѣмъ не менѣе знакомство Ксенжскаго съ главными дѣятелями соціально-революціоннаго движенія и продолжавшееся посѣщеніе имъ сходокъ, послѣ привлеченія его въ качествѣ обвиняемаго въ 1878 году, заставляютъ смотрѣть на него серьезнѣе, чѣмъ на человѣка въ первый разъ по легкомыслію вовлеченнаго въ преступное сообщество.

33) *Станиславъ Карловъ Вихшицкій* 33 лѣтъ, прусскій подданный, уроженецъ гор. Грабова въ Познани, гдѣ проживалъ до 1875 года, и воспитывался въ элементарной школѣ; женатъ, имѣетъ дочь; занимается столярнымъ ремесломъ. Привлеченный къ дѣлу вслѣдствіе показанія

Сидорека (Т. II л. д. 14, 16, 17, 236), сознавшагося въ томъ, что ѣздилъ въ г. Лодзь по порученію Дзянковскаго вмѣстѣ съ Вихшицкимъ, который тоже Дзянковскаго зналъ и былъ увѣдомленъ о цѣли поѣздки. Чрезъ Вихшицкаго, какъ показалъ Сидорекъ, имѣвшаго въ Лодзи родственника по фамиліи Кравчика, удалось Сидореку и Вихшицкому познакомиться въ Лодзи съ рабочими, съ которыми они и проводили время въ различныхъ ресторанахъ. Хотя Вихшицкій и отвергалъ знаніе цѣли поѣздки въ Лодзь, но тѣмъ не менѣе общій характеръ его показаній не опровергаетъ опредѣленнаго показанія Сидорека, оговорившаго Вихшицкаго въ распространеніи брошюръ преступнаго содержанія между рабочими. Несомнѣнно, что Вихшицкій, познакомленный Сидорекомъ съ Славскимъ и какимъ то блондиномъ котораго Сидорекъ называлъ Соломономъ въ смыслѣ мудрости его и подъ которымъ слѣдуетъ предпологать Дзянковскаго и наконецъ, какъ близкій пріятель Сидорека несомнѣнно, что Вихшицкій былъ посвященъ въ тайны соціалистовъ революціонеровъ. Съ достовѣрностью можно вмѣстѣ съ тѣмъ вывести заключеніе, что Вихшицкій хотя можетъ быть и не въ такой степени какъ Сидорекъ служилъ цѣлямъ соціалистической пропаганды.

34) *Францишекъ Игнатьевъ Рыгель* 20 лѣтъ, уроженецъ Блонскаго уѣзда Варшавской губерніи.

Привлеченный къ дознанію въ Блонскомъ уѣздѣ по поводу того, что прибывъ изъ Варшавы, гдѣ находился на работѣ, къ родителямъ въ дер. Выгнанку, привезъ съ собою 8 брошюръ соціалистическаго содержанія. При допросѣ его въ первый разъ въ Блонскомъ уѣздѣ показалъ, что получилъ эти книги отъ неизвѣстнаго, ѣдучи изъ Варшавы въ вагонѣ желѣзной дороги. Подробности о присоединеніи дознанія о немъ къ настоящему дѣлу изложены выше при изложеніи обстоятельствъ дѣла, касающихся Графинскаго. Францишекъ Рыгель сознался при допросахъ его въ Варшавѣ, что брошюры, которыя онъ привезъ въ деревню были ему даны Графинскимъ. Онъ далъ вообще

обширное показаніе о всемъ ему извѣстномъ по дѣлу о соціально-революціонной пропагандѣ въ Варшавѣ. Францъ Рыгель, хотя и былъ на одной сходкѣ у Графинскаго, но сдѣлалъ это по уговору родственника своего Ксенжскаго, хотя и получилъ отъ перваго изъ нихъ книги для распространенія у себя на родинѣ, но этого не дѣлалъ а привезъ и оставилъ ихъ въ домѣ своихъ родителей. По даннымъ добытымъ настоящимъ дознаніемъ Францъ Рыгель долженъ былъ скорѣе отнесенъ къ числу не доносителей.

35) *Францъ Францевъ Швейковскій* 26 лѣтъ, уроженецъ Калишской губерніи мѣщанинъ, столярный подмастерье, воспитаніе получилъ въ народномъ начальномъ училищѣ. Подвергнутый обыску и арестованный первоначально вслѣдствіе указаній нѣсколько неопредѣленныхъ впрочемъ о томъ, что въ домѣ гдѣ онъ проживалъ (улицъ Лешно № 53) бывали сходки рабочихъ, Швейковскій былъ допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго.

По обыску у него оказались три книжки соціалистическаго содержанія. При допросѣ онъ показалъ (Т. I л. д. 107), что получилъ эти книжки отъ человѣка извѣстнаго ему подъ названіемъ „Американца", фамиліи его не знаетъ, а встрѣтился съ нимъ онъ Швейковскій, въ ресторанѣ, послѣ чего Американецъ приходилъ къ нему на квартиру. Такъ какъ по дѣлу не было обнаружено, кромѣ найденныхъ у него книжекъ, ничего указывавшаго на болѣе близкія отношенія Швейковскаго къ соціалистическому сообществу, то производившій настоящее дознаніе нашелъ возможнымъ, освободить Швейковскаго изъ подъ стражи, учредить надъ нимъ полицейскій надзоръ. Какъ оказалось по полученнымъ отъ полиціи свѣдѣніямъ, Швейковскій изъ мѣста жительства своего скрылся. По даннымъ настоящаго дознанія Швейковскій можетъ быть обвиняемъ по послѣдней части 251 ст. Улож. о Наказ. за храненіе у себя книги революціоннаго содержанія.

36) *Францъ Францевъ Келеръ* 27 лѣтъ, уроженецъ Ломжинской губерніи, столяръ мастеръ мѣщанинъ.

Первоначальныя указанія, передъ началомъ дознанія, были сдѣланы на квртиру Кеглера, (на Тамкѣ № 8) какъ на мѣсто сходокъ рабочихъ. Произведеннымъ обыскомъ въ квартирѣ Келера, не было ничего обнаружено подозрительнаго и за недостаточностью болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, Францъ Келеръ въ началѣ дознанія не былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго. Послѣ сознанія Сидорека относительно поѣздки его вмѣстѣ съ Вихшицкимъ въ Лодзь, изъ показанія послѣдняго слѣдавало придти къ заключенію, что когда на канунѣ поѣздки въ Лодзь Вихшицкій встрѣтился съ Сидорекомъ на улицѣ, то послѣдній былъ вмѣстѣ съ Келеромъ, въ присутствіи котораго происходилъ разговоръ Сидорека съ Вихшицкимъ долженствовавшій разъяснить Келеру цѣль ихъ поѣздки. Это обстоятельство въ связи съ прежними свѣдѣніями о Келерѣ побудили допросить его въ качествѣ обвиняемаго. При чемъ онъ заявилъ, что разговора Сидорека съ Вихшицкимъ, о поѣздкѣ въ Лодзь онъ не слыхалъ. Тѣмъ не менѣе въ виду опредѣленнаго показанія Вихшицкаго (Т. II л. д. 33) и принявъ во вниманіе близкое знакомство Кеглера съ Сидорекомъ и частныя ихъ свиданія трудно допустить, чтобы Сидорекъ не посвящалъ своего пріятеля въ нѣкоторыя тайны столь близкаго ему дѣла, какъ соціалистическая пропаганда. При томъ, на вопросъ предложенный Келеру извѣстенъ ли ему „Философъ“, (прозвище Дзянковскаго между рабочими) то онъ призналъ, что названіе ему извѣстно, хотя и далъ уклончивое показаніе о случаѣ при которомъ видѣлъ этого „Философа“. Совокупность всего изложеннаго приводитъ къ заключенію, что Кеглеръ зналъ о существованіи въ Варшавѣ тайнаго сообщества съ противоправительственными цѣлями, а равно и о принадлежности къ нему Сидорека но объ этомъ не доносилъ Начальству.

37) *Иванъ Людвиковъ Ленчевскій* 20 лѣтъ, уроженецъ гор. Ломжи сынъ чиновника, окончилъ 3 класса Ломжин-

ской гимназіи и 4-й классъ въ Варшавскомъ ремесленномъ училищѣ, столярный подмастерье.

По свѣдѣніямъ доставленнымъ до начала дѣла было указано, что столярный подмастерье Иванъ Ленчевскій принадлежитъ къ числу послѣдователей соціалистическаго ученія и находится подъ вліяніемъ Рогальскаго, снабжающаго его революціонными книжками. При обыскѣ Ленчевскаго не было найдено ничего, могущаго служить къ его изобличенію (Т. II л. д. 152). Въ первомъ показаніи своемъ не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ отвергъ знакомство съ Рогальскимъ. Рогальскій же это знакомство съ Ленчевскимъ призналъ. Такое разнорѣчіе въ показаніяхъ, наводя серьезное подозрѣніе на искренность показанія Ленчевскаго повлекло за собою его арестованіе. Нѣсколько времени спустя Ленчевскій однако сознался (Т. II л. д. 185), что познакомился съ Рогальскимъ въ одной изъ ресторацій и бывалъ у него на дому, какъ въ прежней квартирѣ Рогальскаго въ улицѣ Новолипки, такъ и въ послѣдней на улицѣ Багно. Передъ Рождествомъ прошлаго года, Рогальскій далъ ему для чтенія книгу „Капиталъ и трудъ“ Лассаля, а нѣсколько позже двѣ брошюры соціалистическаго содержанія изъ которыхъ помнитъ заглавіе только одной, а именно; „Долой соціалистовъ“ кромѣ того Рогальскій доставилъ ему доступъ въ дешевую библіотеку, которой завѣдывалъ, и откуда Ленчевскій пользовался книгами. Такія отношенія свои къ Ленчевскому и фактъ передачи ему запрещенный брошюры (Т. II л. д. 236) Рогальскій призналъ. На сколько проникся Ленчевскій соціалистическимъ ученіемъ опредѣлить трудно; въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Ленчевскій посѣщалъ какія либо сходки, но о принадлежности Рогальскаго къ числу пропагандистовъ революціонныхъ идей, Ленчевскій несомнѣнно зналъ.

38) *Станиславъ Людовиковъ Гутмаеръ* 22 лѣтъ, уроженецъ гор. Варшавы обойщикъ мѣщанинъ, воспитывался въ 4-й Варшавской гимназіи, гдѣ окончилъ только 2 клас-

са и вышелъ оттуда по недостатку средствъ къ продолженію образованія.

Къ настоящему дѣлу (Т. II л. д. 23. 24) Гутмаеръ былъ привлеченъ на томъ основаніи, что фамилія его встрѣчается на клочкѣ бумаги найденной у Сидорека. Противъ фамиліи и адреса Гутмаера есть отмѣтка „Пеніонжекъ". Допрошенный Сидорекъ по поводу этой отмѣтки далъ сначала очевидно невѣрное показаніе о какомъ то Пасонжкѣ, снабдившемъ его этимъ адресомъ, но впослѣдствіи сознался, что адресъ Гутмаеръ ему далъ въ Лодзи рабочій Пеніонжекъ, при чемъ заявилъ однако (Т. II л. д. 36), что Гутмаера по этому адресу не отыскивалъ и вовсе не знаетъ. Кромѣ этого обстоятельства не было на Гутмаера никакихъ указаній въ дѣлѣ и несомнѣнно, что онъ связей съ Варшавскимъ обществомъ соціалистовъ никакихъ не имѣетъ. При обыскѣ же квартиры Гутмаера у него была найдена брошюра „Прочь соціалистовъ" полученная имъ, какъ онъ объяснилъ, отъ неизвѣстнаго, встрѣченнаго имъ въ Ботаническомъ саду. Гутмаеръ на основаніи изложеннаго подлежитъ обвиненію по послѣдней части ст 251 Улож. о Наказ.

39) *Францишекъ Игнатьевъ Кравчикъ* 27 лѣтъ, прусскій подданный, уроженецъ Познани, занимается сапожнымъ мастерствомъ проживая въ г. Лодзи Кравчикъ былъ привлеченъ къ дѣлу вслѣдствіи показаній Сидорека и Вихницкаго, заявившихъ, что они останавливались у Кравчика при поѣздкѣ своей въ Лодзь и, что Вихницкій состоитъ съ нимъ въ родствѣ. Изъ дознанія не открыто какихъ либо данныхъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, чтобы Кравчикъ завѣдомо оказывалъ какое либо пособничество Сидореку и Вихницкому, хожденіе же ихъ вмѣстѣ въ гостинницу города Лодзи объясняется ихъ отношеніями, какъ родственниковъ и знакомыхъ.

40) *Осипъ Адамовъ Слежевичъ* 56 лѣтъ, уроженецъ Ковенской губерніи проживаетъ въ Варшавѣ и занимается поденною работою, грамотенъ только по литовски по мѣсту

жительства Слежевича на Лешно № 53 въ домѣ гдѣ проживалъ и былъ арестованъ Роттенгруберъ, привлеченный къ дознанію 1878 года, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ у него найдена польская брошюра соціалистическаго содержанія. На Слежевича, человѣка вполнѣ неразвитаго, незнающаго польской грамоты, нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній объ участіи его тѣмъ или другимъ способомъ въ соціалистической агитаціи. Нахожденіе же у него брошюръ можетъ навлечь на него преслѣдованіе по послѣдней части 251 ст. Улож. о Наказ.

41) *Степанъ Игнатьевъ Скаржинскій* 21 года, урожепецъ гор. Варшавы, изъ дворянъ, слесарь, нигдѣ не обучался. Противъ него кромѣ свѣдѣній сообщенныхъ негласно о знакомствѣ его съ Дзянковскимъ, въ дѣлѣ никакихъ уличающихъ обстоятельствъ не обнаружено.

42) *Викторъ Константиновъ Будзинскій*, уроженецъ гор. Варшавы слесарь, мѣщанинъ. Противъ него тоже никакихъ данныхъ къ обвиненію его въ принадлежности къ соціально-революціонному движенію изъ настоящаго дѣла не усматривается.

43) *Янъ Рыгель*, братъ привлеченнаго къ настоящему дѣлу Франца. Привлеченіе въ качествѣ обвиняемаго Яна Рыгеля, Начальникомъ Жандармскаго Управленія Блонскаго уѣзда послѣдовало только потому, что проживалъ въ томъ домѣ, куда братъ его привезъ изъ Варшавы запрещенныя брошюры, но не представляется основаній обвинять Яна Рыгеля, тѣмъ болѣе, что немедленно по прибытіи въ домъ его мѣстныхъ властей онъ представилъ имъ всѣ брошюры, привезенныя его братомъ.

44) *Арефій Ивановъ Зотовъ* уроженецъ Тамбовской губерніи мѣщанинъ 27 лѣтъ, былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго вслѣдствіе сообщенія полиціи, куда онъ представилъ полученныя имъ отъ Ксенжскаго брошюры соціалистическаго содержанія, но съ первыхъ допросовъ Арефія Зотова оказазось, что не принимая никакого участія въ соціалистическомъ сообществѣ и проживая на квартирѣ

Графинскаго былъ свидѣтелемъ происходившихъ тамъ сходокъ, о которыхъ по собственной инициативѣ заявилъ полиціи. Заявленія его при допросахъ послужило къ раскрытію многихъ подробностей дѣятельности Варшавскаго соціалистическаго сообщества.

Совокупность всего изложеннаго приводитъ по мнѣнію моему къ слѣдующимъ выводамъ.

Во 1-хъ; настоящимъ дознаніемъ раскрыто въ Варшавѣ существованіе сообщества лицъ, солидарныхъ между собою, находящихся подъ вліяніемъ крайнихъ соціалистическихъ идей и стремящихся въ конечныхъ своихъ цѣляхъ къ разрушенію существующаго государственнаго и общественнаго строя.

Во 2-хъ, что хотя изъ произведеннаго дознанія нельзя подробно выяснить организацію сообщества и вполнѣ точно указать на распредѣленіе ролей его членовъ; но изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла несомнѣнно явствуетъ, что нѣсколько личностей, почти исключительно изъ учащейся молодежи, соединяясь для осуществленія вышеуказанныхъ цѣлей, направили дѣйствія свои на классъ ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, стараясь путемъ распространенія между ними письменной и устной пропаганды соціалистическихъ революціонныхъ воззрѣній, возбудить крайне недовольство ихъ своимъ положеніемъ и довести ихъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, къ возстанію противъ существующаго правительства и общественнаго порядка.

Въ 3-хъ, что вышесказанное общество соціалистовъ революціонеровъ не только осуществилось соединеніемъ между собою лицъ интеллегентнаго класса, но и успѣло вовлечь въ среду свою людей изъ класса ремесленниковъ и рабочихъ, которые подъ вліяніемъ этихъ соціалистовъ революціонеровъ и въ ихъ присутствіи, собирались на сходки для чтенія преступныхъ сочиненій, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ

способствовали пропагандистамъ въ дальнѣйшемъ распространеніи этихъ сочиненій между людьми рабочаго класса.

Такія дѣйствія принадлежащихъ къ раскрытому настоящимъ дознаніемъ обществу лицъ, составляютъ преступленіе предусмотрѣнное 2-ю частью 250 ст. Улож. о Наказ.

Обращаясь далѣе къ мѣрѣ участія въ упомянутомъ преступленіи; привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ, то ихъ надлежитъ раздѣлить на слѣдующія V категорій.

Къ первой категоріи, должны быть отнесены лица, дѣятельность которыхъ заключалась въ непосредственномъ участіи въ распространеніи соціально-революціонной пропаганды, а именно: въ собраніи около себя дѣятелей пропаганды для обсужденія ея положенія и мѣръ къ продолженію ея; въ обращеніи отдѣльныхъ личностей на путь агитаціи; въ соединеніи у себя разныхъ средствъ для поддержки Пропаганды, какъ литературныхъ, въ видѣ статей предназначеныхъ для распространенія, такъ и въ видѣ фальшивыхъ паспортовъ и другихъ видовъ на жительство для облегченія пропагандистамъ, возможности скрыться отъ преслѣдованія; въ доставленіи лицамъ извѣстнымъ по своему сочувствію къ соціально-революціоннымъ идеямъ возможности сходиться знакомиться, сближаться; въ управленіи ходомъ бесѣдъ на сходкахъ и чтеніи вслухъ статей возбуждающаго преступнаго характера; въ поддержкѣ наконецъ сношеній съ единомышленниками, пребывающими въ другихъ частяхъ имперіи и за границей: словомъ въ такой дѣятельности которая подходитъ подъ понятіе распредѣленія ролей между лицами совершившими преступленіи по предварительному согласію, исчисленныхъ въ ст. 13 уложенія сообщниковъ и тѣхъ изъ пособниковъ, которыхъ содѣйствіе къ развитію и укрѣпленію связей членовъ сообщества, а слѣдовательно и для успѣшнаго совершенія преступленія, было необходимо.

Къ числу такихъ слѣдуетъ отнести изъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу слѣдующихъ 10 лицъ, студентовъ Варшавскаго университета: Людвига *Дзинковскаго*, Станислава

Рогальскаго, вольнослушателя того же университета Сигизмунда *Геринга*, студента С.-Петербургскаго университета и Инженеръ Технолога Александра *Венцковскаго*, ученицу женскихъ медицинскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ Цезарину *Войнаровскую*, и мѣщанку Софію *Пласковицкую*, какъ сообщниковъ и домашняго учителя Альбина *Ковальскаго*, какъ пособника преступленія. Къ этой же категоріи должны относиться и скрывшіеся изъ Варшавы *Злотницкій*, *Понятовскій и Славскій*.

Ко второй категоріи должны быть отнесены лица, участіе которыхъ въ дѣлѣ ограничилось болѣе пассивною ролью а именно: а) такихъ которые по даннымъ дознанія обвиняются только въ литературныхъ трудахъ пропагандистовъ, б) тѣхъ изъ пособниковъ которые подъ вліяніемъ другихъ, болѣе развитыхъ и энергическихъ дѣятелей, оказали свое содѣйствіе какимъ либо способомъ пропагандѣ, но пособничество которыхъ не имѣло однако характера организаторства, в) попустителей, 2, укрывателей, понимая подъ послѣдними отказавшихся, вопреки очевидному знанію ихъ, назвать лицъ, участвующихъ въ преступленіи.

Къ числу такихъ слѣдуетъ отнести „15" лицъ, а именно: студентовъ Варшавскаго университета Стефана *Шпотанскаго*, Казиміра *Пухевича*, Казиміра *Плавинскаго*, вольнослушателя того же университета Доминика *Рымкевича*, бывшаго учителя Антона *Висневскаго*, дочь купца Елену *Конъ*, жену нотаріуса Діонисію *Цертовичъ*, учителя еврейскаго училища Исаію *Шайдера*, рабочихъ Эдуарда *Графинскаго*, Адама *Сидорека*, Ивана *Сливинскаго*, Ивана *Пашке*, Станислава *Вихницкаго*, скрывшагося *Вонсовича* и Людвика *Ксенжскаго*.

Къ третьей категоріи должны быть отнесены а) лица рабочаго класса, которые хотя и бывали на сходкахъ, но дѣлали это болѣе по неразвитію изъ чувстра любопытства, или подъ страхомъ угрозъ дѣлаемыхъ имъ товарищами ихъ б) всѣ лица, противъ которыхъ добыты данныя къ обвиненію ихъ въ томъ, что или знавъ о существованіи въ

Варшавѣ преступнаго сообщества съ противоправительственными цѣлями и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили этой обязанности. Къ числу такихъ относятся слѣдующія „7“ лицъ: ученикъ ветеринарнаго училища Маврикій Зельцеръ, рабочіе Францъ Рыгель, Мартынъ Кутневскій, Францъ Кеглеръ, Осипъ Щепанскій, Иванъ Ленчевскій, и вольнослушатели С.-Петербургскаго университета Осипъ Бѣлявскій.

Къ четвертой категоріи относятся тѣ изъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу, относительно которыхъ не обнаруженъ связей съ дѣятелями, принадлежащими къ революціонному сообществу, но при обыскахъ которыхъ найдены книги или брошюры, имѣніе у себя которыхъ по содержанію ихъ даетъ основаніе къ примѣненію послѣдней части статьи 251 Улож. о Наказ.

Къ числу такихъ относятся „4“ лица а именно: студентъ Варшавскаго университета Людвикъ *Чарковскій*, и рабочій Францъ *Швайковскій*, Станиславъ *Гутмаеръ*, Осипъ *Слежевичъ*.

Наконецъ *къ пятой категоріи* относятся лица, хотя и привлеченныя къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, по возникшимъ противъ нихъ подозрѣніямъ, но противъ которыхъ не добыто какихъ либо данныхъ къ уличенію ихъ и дѣло о которыхъ затѣмъ подлежатъ прекращенію. Къ числу такихъ принадлежатъ слѣдующія лица, а именно: студентъ Варшавскаго университета Романъ Лессовъ, слушательница акушерскихъ курсовъ при Еленинскомъ институтѣ въ Петербургѣ Аделина *Дырмонтъ*, рабочіе Янъ *Рыгель*, Францискъ *Кравчикъ*, Викторъ *Будзинскій*, Степанъ *Скаржинскій*, и мѣщанинъ Арефій *Зотовъ*.

Въ заключеніе переходя къ тому направленію, которое должно получить настоящее дознаніе я полагаю, что разсмотреніе его судебнымъ порядкомъ представлялось бы желательнымъ, при чемъ по количеству и вѣскости данныхъ разъясняющихъ составъ и признаки преслѣдуемаго преступленія разрѣшеніе его судомъ представлялось бы вполнѣ

возложенымъ. Если же направленіе настоящаго дѣла къ разрѣшенію въ порядкѣ судебномъ было бы признано по обстоятельствамъ настоящаго времени неудобнымъ, то на такой случай я считаю долгомъ изложить нижеслѣдующее мнѣніе мое о тѣхъ мѣрахъ наказаній, которымъ должны быть подвергнуты лица, привлеченныя въ качествѣ обвиняемыхъ къ настоящему дѣлу при разрѣшеніи его въ административномъ, порядкѣ согласно 29 ст. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 19 мая 1871 г.

Примѣняясь къ 250 статьѣ Улож. о Наказ. карающей за преступленіе, составляющее предметъ изслѣдованія настоящаго дѣла, я полагалъ бы отправляться для опредѣленія наказаній обвиняемымъ отъ 31 ст. Улож. т. е. отъ ссылки на житье въ Восточныя губерніи Сибири, безъ лишенія правъ состоянія въ силу разрѣшенія дѣла административнымъ, а не судебнымъ порядкомъ, понижая это показаніе для менѣе тяжко обвиняемыхъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія.

Такимъ образомъ я полагаю, справедливою мѣрою наказанія была бы для слѣдующихъ лицъ I-й категоріи: Людвига *Дзянковскаго*, Александра *Венцковскаго*, Сигизмунда *Геринга*, Станислава *Рогальскаго*, Альбина *Ковальскаго* и Софіи *Пласковицкой*, ссылка ихъ на житье въ Восточныя губерніи Сибири. Принимая же во вниманіе несовершеннолѣтіе причисленной по виновности ея къ первой же категоріи Цезарины Войнаровской, сослать ее на житье въ Сибирь западную.

Примѣчаніе: Къ этой же категоріи отнесены студентъ Варшавскаго университета Антонъ Злотницкій и извѣстные въ Варшавѣ подъ именами Понятовскаго и Славскаго, но такъ какъ они скрылись, то опредѣленіе, какъ ихъ личностей такъ и статей виновности ихъ можетъ послѣдовать лишь по явкѣ или поимкѣ ихъ.

Для слѣдующихъ лицъ II категоріи: Казиміра *Пухевича*, Стефана *Шпотанскаго*, Казиміра *Плавинскаго*, Антона *Висневскаго*, Доминика *Рымкевича*, Исаіи *Шайдера*, Эду-

арда *Графинскаго* и Ивана *Сливинскаго,* ссылка на житье въ Западную Сибирь; Адама *Сидорека* и Людвика *Ксенжскаго,* въ виду ихъ сознанія, а также Станислава *Вихницкаго* и Діонисію *Цертовичъ*, выселить изъ Царства Польскаго съ водвореніемъ ихъ въ одной изъ Сѣверо-восточныхъ губерній Россіи и учрежденіемъ надъ ними строгаго надзора полиціи; Елену *Конъ*, въ виду несовершеннолѣтія ея, а также принявъ въ соображеніе нѣкоторую особенность ея положенія, какъ невѣсты и племянницы арестованнаго по дознанію 1878 года, Максимиліана *Гейльперна,* дѣйствовавшей подъ его вліяніемъ заключить въ крѣпости на два года съ учрежденіемъ надъ нею, по освобожденіи ея, на три года особаго надзора полиціи: Ивана *Пашке*, въ виду крайней его молодости и сдѣланнаго имъ сознанія заключить тоже въ крѣпости на тотъ же срокъ и съ тѣми же послѣдствіями по освобожденіи.

Примѣчаніе: Къ этой категоріи относятся и рабочій *Вонсовичъ*, скрывшійся изъ Варшавы и окончательное сужденіе о которомъ возможно лишь по явкѣ или поимкѣ его.

Лицъ III категоріи: Маврикія *Зельцера,* Осипа *Бѣлявскаго,*Мартына *Кутневскаго* и Осипа *Щепанскаго*, заключить въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ съ отдачею ихъ по освобожденіи подъ особый надзоръ полиціи на три года; Ивана *Ленчевскаго*, Франца *Рыгеля* и Франца *Келера,* заключить въ крѣпости на четыре мѣсяца, съ учрежденіемъ занимп по освобожденіи полицейскаго надзора на два года.

Лицъ IV категоріи: студента *Чарковскаго*, рабочихъ Франца *Швайковскаго,* Осипа *Сляжевича*, Станислава *Гутмаера*, признавъ надлежащими наказанію по послѣдней части 251 ст. Улож. подвергнуть аресту па два мѣсяца, вмѣнивъ имъ въ наказаніе и зачисливъ время проведенное ими подъ предварительнымъ арестомъ.

Наконецъ дѣла лица Ѵ категоріи Александра *Лессова*, Францишка *Кравчика*, Станислава *Скаржинскаго*, Виктора *Будинскаго*, Аделины *Дырмонтъ*, Яна *Рыгеля* и Арефія *Зотова*, производствомъ прекратить, такъ какъ къ изобличенію ихъ въ какомъ либо преступленіи, данныхъ не добыто.

Прокуроръ Варшавской Судебной Палаты *Трахимовскій*.

